

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

17

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2025

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 17

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 17

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2025

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7

Рецензенты:

А. В. Поляков (ИИМК РАН)
И. Л. Тихонов (Институт истории СПбГУ)

Ответственный редактор: Н. Ф. Соловьева

Технический редактор, оформитель: С. Л. Соловьев
Корректор: А. О. Поликарпова

Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук:
(охранная археология). [№] 17 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева, С. Л. Соловьев;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2025. – 180 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences:
(rescue archaeology). [№] 17 / ed. by N.F. Solovyova, S.L. Solovyev;
IHMC RAS. – SPb.: Publishing House LLC «Nevsky Printing House», 2025. – 180 pp. : ill.

ISBN 978-5-6052467-8-7

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Семнадцатый номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Крымского и Абинского районов Краснодарского края, которые были осуществлены Центром спасательной археологии ИИМК РАН в 2024 г.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The seventeenth issue of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of Krymsk and Abinsk districts of Krasnodar region, carried out in 2024 by the Center for Rescue Archaeology of IHMC RAS.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-6052467-8-7

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
<i>Н. Ф. Соловьева</i>	
История изучения и характеристика района исследований	11
<i>С. Л. Соловьев</i>	
Поселение Шептальское-Левобережное – новый памятник майкопской культуры	19
<i>А. Д. Резепкин, С. Л. Соловьев</i>	
Протомеотские древности грунтового могильника на поселении Шептальское-Левобережное	26
<i>В. Р. Эрлих</i>	
Грунтовые сооружения античного времени на поселении Арматурный завод 1	37
<i>П. А. Украинский, М. Ю. Николаева</i>	
Античный керамический импорт эпохи поздней классики и эллинизма на поселении Арматурный завод 1	42
<i>А. С. Цинько</i>	
Амфорный импорт позднеклассического и эллинистического времени на поселении Ястребовское-Бережное-1	48
<i>Н. А. Павличенко, А. С. Цинько</i>	
Краткая характеристика грунтового могильника на поселении Ястребовское-Бережное-1	61
<i>М. А. Топоривская</i>	
Предметы вооружения из всаднических погребений на поселении Ястребовское-Бережное-1	87
<i>В. А. Горнчаровский</i>	
Бронзовые зеркала из грунтового могильника поселения Ястребовское-Бережное-1	90
<i>В. В. Вахонеев</i>	
Фибулы из грунтового могильника поселения Ястребовское-Бережное-1	98
<i>В. В. Кропотов, В. В. Вахонеев</i>	
Украшения римской эпохи из грунтового могильника поселения Ястребовское-Бережное-1	120
<i>Е. И. Арсентьева</i>	
Монетные находки на поселении Ястребовское-Бережное-1	127
<i>А. Е. Терещенко</i>	
Комплекс керамического производства раннего Средневековья на поселении Хабль-Мингрельское-1	134
<i>П. А. Украинский, К. В. Доткин</i>	

Археологический надзор в зоне ответственности Краснодарской археологической экспедиции ЦСА ИИМК РАН	140
<i>П. А. Украинский</i>	
Фаунистические материалы из археологических памятников окрестностей Крымска в Краснодарском крае	143
<i>А. К. Каспаров, Е. С. Кондрашова</i>	
Предварительные результаты исследования антропологического материала из грунтовых могильников Шептальское-Левобережное и Ястребовское-Бережное-1	151
<i>В. Ю. Радочин</i>	
Организация работ по камеральной обработке археологических находок	167
<i>П. А. Бараненко, Д. Е. Мейер, С. В. Мыц, А. Ф. Покровская, О. Ю. Сенаторова</i>	
Коллекции из раскопок 2024 г. на территории Абинского и Крымского районов Краснодарского края в собрании Национального музея Республики Адыгея: познавательный и экспозиционный потенциал археологических находок	174
<i>Ф. К. Джигунова, А. Х. Набокова, А. Г. Недомолкин</i>	
Список сокращений	179
Список авторов	180

CONTENTS

Foreword	9
<i>N. F. Solovyova</i>	
History of the Study and Characteristics of the Research Area	11
<i>S. L. Solovyev</i>	
The Settlement of Sheptalskoye-Levoberezhnoye is a New Monument of the Maikop Culture	19
<i>A. D. Rezepkin, S. L. Solovyev</i>	
Proto-Meotian Antiquities of an Underground Burial Site at the Settlement of Sheptalskoye-Levoberezhnoye	26
<i>V. R. Erlikh</i>	
Underground Structures of Ancient Times at the Settlement of Rebar Factory 1	37
<i>P. A. Ukrainsky, M. Yu. Nikolaeva</i>	
Late Classical and Hellenistic Ceramic Imports at the Rebar Factory 1 Settlement	42
<i>A. S. Tsinko</i>	
Import of Amphoras of Late Classical and Hellenistic Times at the Settlement of Yastrebovskoye-Berezhnoye-1	48
<i>N. F. Pavlichenko, A. S. Tsinko</i>	
Items of Weapons from Equestrian Burials at the Settlement of Yastrebovskoye-Berezhnoye-1	87
<i>V. A. Goroncharovsky</i>	
Bronze Mirrors from the Underground Burial Site at the Settlement of Yastrebovskoye-Berezhnoye-1	90
<i>V. V. Vakhoneev</i>	
Fibulae from the Underground Burial Site at the Settlement of Yastrebovskoye-Berezhnoye-1	98
<i>V. V. Kropotov, V. V. Vakhoneev</i>	
Roman Jewelry from the Underground Burial Site at the Settlement of Yastrebovskoye-Berezhnoye-1	120
<i>E. I. Arsenteva</i>	
Coin Finds at the Settlement of Yastrebovskoye-Berezhnoye-1	127
<i>A. E. Tereschenko</i>	
The Complex of Ceramic Production of the Early Middle Ages at the Settlement of Khabl-Mingrelskoye-1	134
<i>P. A. Ukrainsky, K. V. Dotkin</i>	

Archaeological Supervision in the Area of Responsibility of Krasnodar Archaeological Expedition of the CRA of the IHMC RAS	140
<i>P.A. Ukrainsky</i>	
Faunal Materials from Archaeological Sites in the vicinity of Krymsk in the Krasnodar Region	143
<i>A. K. Kasparov, E. S. Kondrashova</i>	
Preliminary Results of the Study of Anthropological Material from Underground Burial Sites Sheptalskoye-Levoberezhnoye and Yastrebskoye-Berezhnoye-1	151
<i>V. Yu. Radochin</i>	
Organization of Desk Processing of Archaeological Finds	167
<i>P.A. Baranenko, D.E. Meier, S.V. Myts, A.F. Pokrovskaya, O. Yu. Senatorova</i>	
Collections from the Excavations of 2024 on the Territory of Abinsk and Krymsk Districts of the Krasnodar Region in the Collection of the National Museum of the Republic of Adygea: the Cognitive and Expository Potential of Archaeological Finds	174
<i>F.K. Dghigunova, A. Ch. Nabokova, A. G. Nedomolkin</i>	
List of Abbreviations	179
List of Authors	180

Предисловие

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-9-10

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается очередной – 17-й – выпуск ежегодного «Бюллетеня Института истории материальной культуры Российской академии наук: (охранная археология)», издаваемого Центром спасательной археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук (ЦСА ИИМК РАН). Этот выпуск увидел свет в круглую дату – ровно 15 лет назад, в 2010 г. вышел Бюллетень № 1. Когда мы только задумывали выпускать ежегодно журналы, посвященные спасательным археологическим проектам ИИМК РАН, предполагалось, что каждый выпуск будет содержать статьи, освещающие результаты охранно-спасательных археологических работ сотрудников института в разных регионах России за текущий год. Однако с течением времени коллектив специалистов, занимающихся охранно-спасательными исследованиями, вырос и количественно, и качественно, и преобразовался из Группы охранной археологии через Отдел охранной археологии в самостоятельное подразделение института – Центр спасательной археологии. Значительно расширилась география работ, и были выполнены масштабные проекты, требующие скорейшего введения их результатов в научный оборот. Поэтому, наряду с традиционными выпусками Бюллетеней, касающихся спасательных археологических работ в текущем году, мы стали выпускать журналы, посвященные одному проекту: так Бюллетень № 13 содержит материалы проекта реставрации Триумфальной Арки знаменитой сирийской Пальмиры, а Бюллетень № 15 посвящен уникальным исследованиям, которые были проведены комплексной археологической экспедицией под руководством Центра спасательной археологии ИИМК РАН на территории создаваемого по поручению президента России историко-археологического парка «Новый Херсонес» в Севастополе. Вот и настоящий выпуск посвящен еще одному масштабному новостроечному проекту, выполненному в 2024 г. специалистами Центра, – археологическим раскопкам памятников, расположенных на территории инвестиционного проекта ПАО «Транснефть» «Расширение магистральных нефтепроводов в направлении порта Новороссийск», реализация которого возложена на АО «Черномортранснефть».

В соответствии с действующим законодательством до начала строительства нефтепровода ООО «Южархеология» были проведены археологические разведки территории на предмет наличия памятников археологии. По результатам разведок этой же компанией был разработан раздел мероприятий по обеспечению сохранности выявленных объектов археологического наследия, попадающих в зону строительства. Как и требует закон, раздел прошел государственную историко-культурную экспертизу и был согласован уполномоченным органом охраны объектов культурного наследия правительства Краснодарского края. Разделом предусматривались раскопки памятников археологии, выполнить часть которых и было поручено ЦСА ИИМК РАН: поселения Сады-1, Сады-2, Шептальское-Левобережное в Крымском районе Краснодарского края и поселения Арматурный завод 1, Мингрельское-2, Хабль-Мингрельское-1, Хабль-Мингрельское-2, и Ястребовское-Бережное-1 в Абинском районе Краснодарского края. Общая площадь раскопок в Крымском районе составила около 21 тыс. кв. м при толщине культурного слоя до 2 м; в Абинском районе – почти 60 тыс. кв. м при толщине культурного слоя до 2 м, (на поселениях Хабль-Мингрельское-1 и -2 мощность слоя достигала почти 4 м). Коллектив специалистов приступил к раскопкам памятников в начале 2024 г.

В Крымском районе на поселениях Сады-1 и Сады-2 открыто около 20 объектов, в основном хозяйственных ям, кроме того, обнаружены несколько сооружений времен Великой Отечественной войны. Основной массив найденного археологического материала датируется Средневековьем, Новым и Новейшим временем (XVI–XX вв.). Общее количество находок составило 1848 единиц, 25 из которых было отобрано в коллекцию. Эти поселения можно отнести к сезонным стоянкам скотоводов этих эпох.

Поселения Арматурный завод-1, Мингрельское-2, Хабль-Мингрельское-2 в Абинском районе представляли собой временные стоянки земледельческо-скотоводческого населения Прикубанья. Общее количество находок составило более 6 тыс. находок, 250 из которых отобрано в коллекцию.

На поселении Хабль-Мингрельское-1 обнаружен специализированный гончарный производственный комплекс позднеантичного времени, вероятно, обеспечивавший округу необходимой керамической продукцией.

Особого внимания заслуживают поселения Шептальское-Левобережное в Крымском и Ястребовское-Бережное-1 в Абинском районах. Оба памятника по результатам разведок ООО «Южархеология» были атрибутированы как поселения эпохи Средневековья. К такому же заключению, лишь сократив площади памятников, пришли и специалисты ИА РАН, выполнившие по заказу АО «Черномортранснефть» повторные разведки непосредственно перед самым началом наших полномасштабных охранно-спасательных раскопок. Однако по итогам раскопок оказалось, что ни датировка, ни атрибуция, ни границы обоих памятников не соответствует реальной картине. Так, в ходе наших раскопок на поселении Шептальское-Левобережное было установлено, что памятник содержит свидетельства трех периодов: эпохи ранней бронзы (поселение майкопской культуры второй половины IV – первой половины III тыс. до н.э.), раннего железного века (грунтовый протомеотский могильник VIII–VII вв. до н.э.) и Средневековья. Всего было открыто 162 археологических объекта, в составе которых 117 хозяйственных ям и семь столбовых ям, возможно, связанных с наземным домостроительством. Найдены четыре развала керамических сосудов, 13 захоронений животных, три скопления камней и керамических фрагментов посуды, 17 захоронений по обряду ингумации: 13 одиночных и четыре групповых, обнаружены около 20 тысяч артефактов, из числа которых 254 – находки музейного значения.

Наши раскопки на поселении Ястребовское-Бережное-1 также доказали, что памятник является многослойным и относится к разным категориям археологических объектов: поселению и двум одновременным грунтовым могильникам. Наиболее ранний слой относился к поселению V–III вв. до н.э., представленному в основном заглубленными сооружениями, большей частью хозяйственными ямами. Следующий и самый важный хронологический горизонт на памятнике представлен невероятным по площади и находкам грунтовым могильником сарматской эпохи I–IV вв. Ничего подобного прежде в Прикубанье не встречалось. И, наконец, небольшой участок средневекового могильника обнаружен в южной части раскопа. Предварительно его можно датировать VII–X вв. Общая исследованная на памятнике площадь составила 33 873 кв.м, обнаружено 770 археологических объектов, в составе которых

139 хозяйственных ям, 12 столбовых ям, 11 глиниц, 12 очагов, 15 развалов керамических сосудов, 14 скоплений керамики, камней и костей животных, 32 захоронения домашних животных, 529 грунтовых захоронений. Мощность обнаруженных культурных напластований достигала 1,9 м.

Масштабные раскопки, проведенные в 2024 г. ЦСА ИИМК РАН в Крымском и Абинском районах Краснодарского края на площади более 80 тыс. кв. м дали невероятные научные результаты, которые по праву составят золотой фонд культурного наследия России. Собрана значительная коллекция археологических предметов (около 50 тыс. находок), из них около 4000 артефактов, в числе которых археологически целые глиняные и стеклянные сосуды, пастовые и каменные бусы, золотые, серебряные и медные монеты, бронзовые и железные мечи, наконечники копий, шлемы, уздечные наборы, золотые и бронзовые украшения (перстни, застежки-фибулы, булавки, пряжки, нашивные бляшки), изделия из кости и дерева, имеют музейное значение. Хронологический диапазон археологических находок весьма широкий – от эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.) до раннего Средневековья (VIII–X вв.), культурная принадлежность артефактов также разнообразна и включает майкопскую, протомеотскую, меотскую, сарматскую и хазарскую культуры. Имеющие музейную значимость артефакты переданы в Национальный музей Республики Адыгеи.

Подробная информация о результатах исследований содержится в статьях в настоящем сборнике. Мне же в заключение хочется еще раз особо подчеркнуть, насколько важны охранно-спасательные археологические исследования, какой богатейший материал для науки они дают при условии качественного, добросовестного, профессионального подхода к их выполнению. И отдельной строкой должны стоять археологические разведки, предваряющие любые мероприятия по сохранению культурного наследия в любом проекте хозяйственного освоения территории. Именно от качества проведенных разведок зависит планирование раскопок или наблюдений, площади исследования, времени и даже объема финансирования, необходимых для успешного выполнения работ без ущерба научным результатам.

*Н. Ф. Соловьева,
директор Центра спасательной археологии
ИИМК РАН*

История изучения и характеристика района исследований¹

С. Л. Соловьев²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-11-18

В административном отношении участок археологических исследований ЦСА ИИМК РАН расположен в Краснодарском крае на территории Абинского и Крымского районов (рис. 1). Дорожная сеть в районе работ представлена асфальтированными дорогами и дорогами с улучшенным покрытием. Проезд к объектам возможен по автодорогам регионального и местного значения, а также по грунтовым дорогам и вдольтрассовым проездам. В геоморфологическом отношении район производства работ приурочен к двум геоморфологическим структурам: дельтовые аллювиальные современные равнины в области аккумулятивных равнин Кубанской впадины; низкое и возвышенности, приуроченные к области низкогогорного и холмистого рельефа на новейших (неогеновых) складчатых структурах, усложненных долинами рек и ручьев. Абсолютные отметки рельефа в области аккумулятивных равнин Кубанской впадины составляют от 6,56 до 41,50 м БС, области низкогогорного и холмистого рельефа – от 31,34 до 154,86 м БС. В гидрогеологическом отношении район исследований расположен в пределах Приазовского артезианского бассейна бассейнов Предкавказья. Подземные воды представлены первым от поверхности поровым (безнапорным) водоносным горизонтом грунтовых вод. Согласно почвенно-экологическому районированию, участок работ расположен в почвенной зоне обыкновенных и южных черноземов степи, обыкновенных и южных мицелярно-карбонатных мощных и сверхмощных малогумусных черноземов предкавказской почвенной провинции лиственно-лесной, лесостепной и степной почвенно-биоклиматической области.

Муниципальное образование Крымского района состоит из 90 населенных пунктов, в которые

входят: город (Крымск), пять станций (Варениковская, Троицкая, Нижнебаканская, Гладковская, Неберджаевская), десять сел, 36 хуторов, семь поселков. Сам район разделен на 11 различных поселений. На севере Крымский район граничит со Славянским районом по р. Кубани, на юге – с Новороссийском, на западе с Анапским и Темрюкским районами, на востоке граничит с Абинским и Геленджикским районами. Территория района разделена на две зоны: область хребтов и средневысотных гор, расположенных в западной и юго-западной оконечности Большого Кавказа, и прикубанскую наклонную равнину на северо-востоке. На большей части территории абсолютные высоты не превышают 40 м, максимальные отметки приближаются к 500 м. Прикубанские плавни занимают всю северную и северо-восточную часть территории Крымского района, надпойменную террасу р. Кубани, с севера их граница проходит по р. Кубань, а с юга по р. Адагум, с востока по р. Абин.

Почвы в Крымском районе представлены большим разнообразием почвообразующих и подстилающих пород и растительности, способствующих формированию широкого спектра видов почв. С почвообразующими породами связаны генетические признаки почв, их водно-физические свойства, гранулометрические и минералогические составы и многие другие важнейшие особенности. В равнинной части Крымского района в качестве почвообразующих пород преобладают суглинки и аллювиальные глины; в долине р. Адагум и в предгорьях наиболее распространены лессовидные глины; в горной части элювиальные отложения известняков и мергелей. Почвы района имеют относительно низкое содержание гумуса (3–5 %). По площади наиболее распространенными почвами являются: черноземы выщелоченные мощные и сверхмощные, луговые, перегнойно-глеевые, перегнойно-карбонатные и бурые лесные. В горной части района преобладают перегнойно-карбонатные почвы, а в равнинной части – перегнойно-глеевые почвы и луговые почвы. Вдоль долины р. Адагум находятся черноземы выщелоченные с различной

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0012 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

Рис. 1. Карта Краснодарского края с указанием района археологических исследований ЦСА ИИМК РАН

степенью плодородия и мощности гумусовых горизонтов.

Климат континентальный. Однако близость двух южных морей вносит в прогноз погоды свои коррективы. Так, жаркое степное лето часто разбавляют освежающие ливни, а зимний холод сменяется внезапными оттепелями. Теплое полугодие обеспечивается преимущественно переносом западно-восточных воздушных масс (азовского происхождения), что обуславливает устойчиво жаркую погоду в период с мая по сентябрь. Продолжительность безморозного периода, в котором температура воздуха выше 0 °C в Крымском районе составляет 9–10 месяцев, а переходы температуры ниже 0 °C зачастую наблюдаются лишь в течение нескольких дней или недель. Лето умеренно жаркое, наиболее жаркие дни длятся с середины июня по конец августа.

Антропогенный фактор в данном регионе способствовал сильному изменению микрорельефа территории, что осложняет поиск топографически перспективных участков для выявления объектов археологического наследия.

Первая попытка систематического описания памятников изучаемого региона принадлежит войсковому старшине и председателю Кавказской археографической комиссии Е. Д. Фелицыну. Этот неутомимый собиратель научных сведений о Кубанской области опубликовал подробную библиографию соответствующих источников и исследований, ее первый раздел посвящен археологии и истории (Фелицын, 1899). По заданию Фелицына атаманы составляли описи древних памятников, расположенных в юрте (округе) своих станиц. На основе данных материалов в 1882 г. составлена «Археологическая карта Кубанской области», к сожалению, лишенная комментариев. В окрестностях современного города Крымска автор нанес совсем немного памятников, прежде всего это курганы (Археологическая карта, 1882). В 1898 г. в вышедшем в свет очередном IV томе Кубанского сборника на 54 страницах помещен первый каталог Екатеринодарского музея, начало коллекциям которого положил Е. Д. Фелицын. В нем упоминаются предметы древности из юрта станицы Крымской и других мест, входящих сегодня в границы Крымского района (Краткий

указатель, 1898. С. II–VI, 1–50). Эта информация, с некоторыми добавлениями, продублирована в «Каталоге Кубанского этнографического и естественно-исторического музея», получившего свой новый статус за год до того (Каталог, 1909).

Раньше всего обратили на себя внимание древние памятники в окрестностях станицы Крымской. Тут рано начались грабительские раскопки курганов. Один из них, именовавшийся Воронцовским, по сообщению И. А. Хойновского, «разрыли» летом 1886 г. (Хойновский, 1896. С. 60, 61). Насыпь вмещала два яруса захоронений. В первом были открыты три погребения, содержавшие оселок, железные предметы (втульчатые наконечники стрел, крючок, копье), изделия из бронзы (кольцо, проволочные браслеты с шариками на концах, три фибулы, три пряжки). В устроенной ниже уровня материка катакомбе обнаружена богатая воинская могила с женским костяком в сопровождении предметов из бронзы (литой шлем, короткий меч, наконечник дротика, зеркало), золота (серьги и орнаментированная диадема), железа (наконечник копья), стеклянных и янтарных бус, а также бисера. Здесь же расчищен скелет коня и бронзовые украшения упряжи.

Особую известность приобрел конусообразный курган Карагодеуаш на окраине города, достигавший в высоту 12 м. Весной 1888 г. на нем случился обвал, открывший вход в погребальную камеру. По горячим следам Е. Д. Фелициным был расчищен монументальный склеп второй половины IV – начала III вв. до н. э., состоявший из двух погребальных камер и дромосов, перекрытых деревянными брусками (ОАК, 1891). Сведения о раскопках, а также инвентаре гробницы опубликованы в 1894 г. А. Лаппо-Данилевским, при участии В. Мальмберга, проанализировавшего вещи и определившего их место среди древностей юга России раннего железного века (Лаппо-Данилевский, 1894. С. 1–120; Мальмберг, 1894. С. 122–191; Анфимов, 1987). В 1988 г. при исследовании насыпи, значительная часть которой осталась нетронутой, в ее полах сотрудниками Института археологии РАН была обнаружена примыкавшая к основной камере боковая пристройка с жертвоприношениями коней, синхронными основной гробнице (Ульянова, Сатеев, 1988). Во рву был расчищен ритуальный комплекс I в. до н. э.

В конце XIX в. были очень популярны так называемые археологические экскурсии, когда исследователь проходил и проезжал значительные расстояния, осматривая какие-то древние остатки, собирая и приобретая предметы, кратко

или подробно описывая выявленное с целью составить предварительное представление об истории региона. Результаты подобных экскурсий оказались очень полезны для подготовки новых экспедиций, выбора мест будущих раскопок и разведок. Одну из них предпринял в 1892 г. В. М. Сысоев, известный кубанский краевед, член Императорского Московского археологического общества, опубликовавший свои дневники вместе с рисунками (Сысоев, 1904. С. 89–126). Он осмотрел два кургана, один в самой станице Крымской, а другой – величиной до 50 шагов в поперечнике и 1,5 сажени в высоту – при въезде в нее со стороны поселка Нижнебаканского. Им же в окрестностях указаны два городища. Первое размещалось в 4 верстах к северо-востоку от станицы Крымской, по правую руку от дороги в станицу Троицкую, второе – небольшое, круглое в плане (до 20 сажени в поперечнике) – зафиксировано в 3 верстах к западу от станицы, по правую сторону дороги на станицу Молдаванскую (до сих пор не локализовано). Третье было обнаружено в 1937 г. М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым в 1 км от предместья станицы Крымской (так называемые Слободки), на берегу высохшего ерика р. Адагум (Покровский, Анфимов, 1937. С. 270, 271, № 51).

Широко развившиеся в Кубанской области грабительские раскопки заставили Археологическую комиссию в 1895 г. направить сюда из Санкт-Петербурга Н. И. Веселовского для организации научных исследований. В течение двух лет он изучил близ станицы Крымской два кургана (ОАК, 1897. С. 26, 129). В насыпи первого найдены бронзовые изделия: фрагменты шлема, наконечники стрел и копий. В уцелевшей могиле обнаружены остатки железного чешуйчатого панциря и лепной сосуд. Во втором кургане открыто центральное захоронение с тремя костяками без вещей и два впускных погребения: одно с бронзовым наконечником копья и оселком, второе только с оселком.

Из станицы Крымской, относившейся какое-то время к Темрюкскому району, а также ее окрестностей происходит немало находок, среди них найденный в 1914 г. при рытье канавы бронзовый топор кобанского типа, поступивший в Краснодарский музей. А. А. Иессен опубликовал два бронзовых наконечника копья, поступившие отсюда в Эрмитаж (Иессен, 1951. С. 83, рис. 6: 2). Здесь было обнаружено много золотых и серебряных монет (Пахомов, 1940. С. 15, № 699; 1949. С. 28, № 1428; 1954. С. 21, 37, № 1575; 1959. С. 15, 104, № 1928; Кропоткин, 1961. С. 39, № 1). В 1962 г. В. В. Кропоткин издал свод «Клады византийских монет на территории СССР», в котором учтены две

единичные находки и клад византийских золотых монет с территории района (Кропоткин, 1962. С. 21, 22, № 6, 12, 13).

К началу 70-х гг. XX в. территория района оставалась археологически малоизученной, так как круг специалистов, интересовавшихся далеким прошлым региона, был еще крайне узок. Предстояло создать систему государственного учета и охраны объектов историко-культурного наследия. Стратегическое расположение современного Крымского района в центре западной части Краснодарского края стало активно использоваться: через него пролегал множество коммуникаций регионального, федерального и международного значения. Внушительные объемы строительства обусловили проведение интенсивных охранно-спасательных мероприятий с применением современных методов полевых исследований. Исследовались памятники всех эпох, но, к сожалению, в большинстве случаев полученные раскопочные материалы пока еще слабо введены в научный оборот. В полной мере это относится и к северным окрестностям Крымска. На начало–середины 2000-х гг. здесь были известны лишь отдельные курганы и курганные группы. В 2005–2008 гг. при составлении паспортов археологических памятников Крымского района сотрудниками НАО «Наследие Кубани» были выявлены поселения Крымское-2, Крымское-3, поселение Краснокрымское. В 2009 г. сотрудником ЮРЦАИ А.П. Кононенко было обнаружено поселение Крымское-4, а в 2012 г. специалистом ООО «Кубаньохранкультура» В.Н. Ковалевским во время проведения археологических разведок выявлено поселение Краснокрымское-2. По результатам проведенных обследований часть этих поселений, таких как Крымское-2, Крымское-3, Крымское-4, отнесена к раннежелезному веку и датирована, соответственно, V–III вв. до н.э., III–II вв. до н.э., первой половиной I тыс. до н.э. – первыми веками н.э.

Указанные памятники были обследованы специалистами ООО «Археологическая экспедиция» в 2015–2017 гг. в зоне «Электрификации участка разъезда 9 км – Юровский – Анапа Северо-Кавказской железной дороги». Во время этих работ был выявлен курган Переезд-2, который был раскопан осенью 2018 г. сотрудниками ИА РАН под руководством А.А. Клещенко.

В 2016 г. специалистами ЗАО «ОКН-проект» в ходе археологических разведок в зоне проектируемого объекта «Водовод от ВНС 2 подъема до ВНС 3 подъема Троицкого группового водопровода (проектирование и строительство)» было выявлено поселение Черноморское-1. В рамках этого про-

екта летом–осенью 2019 г. сотрудниками ООО «Археологическое общество Кубани» были проведены археологические раскопки. Вскрыта площадь 18236 кв. м, открыто 217 археологических объектов, датированных VIII–VI вв. до н.э. и VIII–X вв. Во время археологических разведок 2019 г., проводившихся ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция», были вновь обследованы поселения Крымское-2, Крымское-3, Крымское-4, Краснокрымское, Краснокрымское-2 и открыто селище Крымское-7, предварительно датированное эпохой Средневековья.

В 2007 г. Приазовским отрядом КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына под руководством Н.Ф. Шевченко в зоне строительства накопительной железнодорожной станции у разъезда 9-й км, к западу от окраины хут. Красный производилась детальная археологическая разведка, в ходе которой было открыто поселение Железнодорожное, предварительно датированное XIV–XVII вв. (Шевченко, 2008). Здесь же раскопан курган высотой до 2 м, при исследовании которого открыты 10 погребений и комплексов от эпохи раннего скифского времени до Средневековья (Смаглюк, Шевченко, 2008. С. 144–147). В 2008 г. была опубликована работа М.И. Смаглюк и Н.Ф. Шевченко о раскопках кургана у хут. Красного, где был открыт ритуальный комплекс второй половины VII в. до н.э., содержащий греческие импорты и скифского облика наверхия. В начале 2012 г. на памятнике начались масштабные археологические исследования. На поселении Железнодорожное на площади 8000 кв. м, исследовано 44 ямы и русло древнего ручья. Получены материалы XII–XIV вв. (Соловьев, 2012). Одновременно отряд НАО «Наследие Кубани» под руководством В.В. Бочкового провел охранно-спасательные раскопки курганов № 2 и 3 курганной группы Черноморская и кургана Железнодорожный-2. В кургане № 2 исследовано 21 погребение: 15 погребений протомеотской культуры VIII–VII вв. до н.э., погребение меотской культуры III–II вв. до н.э., пять неопределенных погребений, а также тризна. В кургане № 3 исследовано 12 погребений: два погребения эпохи средней бронзы, семь погребений протомеотского периода VIII–VII вв. до н.э., погребение меотской культуры IV–III вв. до н.э., два неопределимых погребения (Бочковой, 2012). Протомеотские погребения из этих курганов были опубликованы как могильник Железнодорожный-2 (Лимберис, Марченко, 2014. С. 165–182). В кургане Железнодорожный-2 было раскопано сарматское погребение II–I вв. до н.э.

Параллельно с изучением курганов и поселения Железнодорожное начались исследования поселений

Железнодорожное-1 и Железнодорожное-2. Экспедиция НАО «Наследие Кубани» провела раскопки поселения Железнодорожное-2 на площади 19979 кв. м. Получены материалы XIII – начала XV вв. В процессе исследований у северной части поселения Железнодорожное-2 был выявлен синхронный грунтовый могильник, на котором было исследовано 9332 кв. м, открыто 214 погребений, содержащих разнообразный инвентарь, 30 объектов и 31 яма (Тищенко, 2013).

Раскопки поселения Железнодорожное-1 проводились двумя отрядами экспедиции НАО «Наследие Кубани» под руководством П. В. Сокова и Д. Э. Василенко (Соков, 2013). Общая площадь раскопок составила 13 987,5 кв. м. На западном участке было исследовано 133 ямы и 10 объектов. На восточном участке открыто 254 ямы, 30 объектов, девять погребений грунтового могильника № 1 и 17 погребений грунтового могильника № 2, одно коллективное захоронение. С самым ранним горизонтом поселения связаны немногочисленные материалы позднекатакомбного времени. В раннем железном веке место под поселение было использовано дважды. Первый этап приходится на VIII в. до н.э. и связан с протогеотами. С середины VI в. до середины V в. до н.э. здесь существовало раннегеотское поселение (Иванов и др., 2019. С. 58–76). Поздний хронологический горизонт поселения вместе с двумя грунтовыми могильниками относится к золотоордынскому периоду XIII – началу XV вв. (Мокрушин и др., 2016. С. 221–224).

За последнее десятилетие в окрестностях Крымска в зонах реализации крупных строительных проектов проведены масштабные археологические исследования, в ходе которых изучены объекты археологии разных эпох, получены массовые и яркие индивидуальные материалы, которые позволяют сделать предварительные выводы относительно особенностей исторического развития изучаемого района. Часть изученных археологических объектов относится к эпохе бронзы. Кроме двух погребений средней бронзы, открытых в 2012 г. в кургане № 3 курганной группы Черноморская (могильник Железнодорожный-2) и трех погребений на поселении Краснокрымское, на поселении Железнодорожное-1 найдены материалы позднекатакомбного времени, а в кургане на западной окраине города (микрорайон «Надежда») исследовано два погребения в катакомбах позднего (?) этапа средней бронзы.

До недавнего времени на территории района протогеотские поселения не были известны. В 2012 г. на поселении Железнодорожное-1 был открыт горизонт VIII в. до н.э. Судя по всему,

с ним связан раскопанный рядом могильник Железнодорожный-2. В последнее время материалы протогеотского периода открыты у станицы Варениковской, на поселении Варениковское-2 и могильнике Варениковский, вероятно с ним связан ранний слой поселения Трудовой-3 (Фурожан-2) у хутора Трудовой, ряд погребений курганной группы Фурожан-3 (Иванов, 2013. С. 150–153) и ранний горизонт поселения Черноморское-1. Памятников ранних геот в западных областях Кубани раскопано не так много (Шевченко, 2004. С. 414–419; 2013. С. 97–113; Иванов, Сударев, 2018. С. 179–183). Как показали исследования поселения Железнодорожное-1, раннегеотский горизонт оказался на полвека древнее (середина VI в. до н.э.) ранее предложенных датировок (Иванов и др., 2019. С. 58–76).

В античное и средневековое время территория района изобиловала поселениями, выявленными как в холмистых предгорьях, так и на севере района, в заболоченной пойме Кубани–Адагума. Раскопки 2020 г. на поселении Краснокрымское предоставили массовый материал IV–III вв. до н. э. Памятников с материалами IV в. до н. э. в этом районе известно достаточно много, однако на рубеже IV–III вв. до н.э. жизнь на них прекращается. В ближайшей округе известно одно поселение, продолжившее существовать в III в. до н. э., – это Виноградный-1, теперь же в ряду этих памятников и поселение Краснокрымское.

Раннесредневековый горизонт VIII–X вв., открытый на поселении Черноморское-1, может быть связан с синхронными кремациями хазарского времени, представленными в грунтовом некрополе VIII–IX вв. в с. Молдаванском, где исследовано 38 погребений и несколько объектов, включая одну могилу с ингумацией (Тарабанов, 1992. С. 76–79). Обилием вещей (173 экз.), в том числе престижных, отличается воинское погребение-кенотаф № 25 (VIII в.) (Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 275–292).

В 2012 г. в окрестностях города был раскопан целый комплекс памятников золотоордынского времени: поселения Железнодорожное, Железнодорожное-1 и -2, и их грунтовые могильники. Полученные материалы XIII – начала XV вв. относятся к тому же хронологическому периоду, что и поселение Жукова (х. Кубанская Колонка), исследованное в 2010 г. А. А. Нечипорук. Перекрывающий данный памятник грунтовый могильник, датируемый XIII–XIV вв., содержал 126 захоронений по обряду ингумации; часть из них в каменных составных ящиках, другие в грунтовых ямах. Встречены золотоордынские

монеты; некоторые использовались как подвески: самые ранние относятся к 1291–1312 гг., а наиболее поздние к 1380–1399 гг.

В последующие годы вплоть до сегодняшнего дня в регионе неоднократно проводились археологические исследования: разведки и раскопки в связи с разного рода инфраструктурными

проектами. Археологическое изучение исследуемого района далеко от завершения. Одними из масштабных археологических исследований стали раскопки ЦСА ИИМК РАН в 2024 г. в Крымском и Абинском районах Краснодарского края (рис. 2). Поэтому первоочередной задачей видится введение накопленных материалов и новой информации в научный оборот.

Рис. 2. Трасса строительства с указанием объектов археологического наследия, исследованных ЦСА ИИМК РАН в 2024 г.

Источники и литература

- Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Археологическая карта Кубанской области. Составил Е.Д. Фелицын, член-сотрудник Императорского Русского и член-корреспондент Императорского Московского археологического общества. Составлена в 1882 г. Масштаб: в английском дюйме 20 верст. М., 1882.
- Бочковой В.В., 2012. Отчет о проведении работ по сохранению объектов археологического наследия – археологических раскопок трех курганов: кургана «Железнодорожный-2» и курганов № 2 и 3 курганного могильника (группы) «Черноморская» (дублирующее название «Железнодорожный-2»), расположенных в зоне размещения объекта по титулу: «Комплексное развитие Новороссийского транспортного узла (Краснодарский край) Подпроект 3: Создание объектов железнодорожной инфраструктуры за счет федеральных средств. «Строительство станции в районе 9 км Северо-Кавказской железной дороги в Крымском районе Краснодарского края». Краснодар, 2012 // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края, № 961.
- Иванов А.В., 2013. О погребениях предскифского времени из раскопок курганной группы «Фурожан-3» // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Иванов А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2019. О горизонте раннего железного века поселения Железнодорожное-1, исследованного в Западном Закубанье // АВ. № 25.
- Иванов А.В., Сударев Н.И., 2018. «Урочище Самойленко» – поселение в Синдике (предварительное сообщение) // XIX Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Керчь.
- Иессен А.А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. Вып. 23.
- Каталог Кубанского этнографического и естественно-исторического музея. Екатеринодар, 1909.
- Краткий указатель археологических, естественно-исторических и этнографическо-промышленных вещей и предметов, имеющих при Кубанском областном статистическом комитете // Кубанский сборник. 1898. Т. 4.
- Кропоткин В.В., 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г 4-4.
- Кропоткин В.В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е 4-4.
- Лаппо-Данилевский А., 1894. Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р. Х. // МАР. Вып. 13.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2014. Новые прото-меотские комплексы из Закубанья (могильник Железнодорожный-2 // АВ. № 20.
- Мальмберг В., 1894. Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх // МАР. Вып. 13.
- Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2016. О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. (Крымский район Краснодарского края. Предварительные наблюдения) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Stratum Plus. Казань ; Ялта ; Кишинев.
- ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891.
- ОАК за 1895 г. СПб., 1897.
- Пахомов Е.А., 1940. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. 3.
- Пахомов Е.А., 1949. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. 5.
- Пахомов Е.А., 1954. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. 6.
- Пахомов Е.А., 1959. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2004. Воинский комплекс 25 из Молдованского могильника (раскопки 1989 г.) // Материалы по истории и археологии Северного Кавказа. Армавир. Вып. 3.

- Покровский М.В., Анфимов Н.В., 1937. Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н.э. по III в. н.э. // СА. Т. 4.
- Смаглюк М.И., Шевченко Н.Ф., 2008. Бронзовые навершия из ритуального комплекса у х. Красный (опыт реставрационных работ) // X Фелицынские чтения. Секция истории, археологии и музееведения. Краснодар.
- Соков П.В., 2013. Отчет об итогах проведения охранно-спасательных археологических работ на участке строительства станции в районе разъезда 9 км Северо-Кавказской железной дороги, расположенном в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение «Железнодорожное-1» в Крымском районе Краснодарского края в 2012 г. Краснодар, 2013 // Архив ИА РАН. Р-1, № 35651–35687.
- Соловьев С.Л., 2012. Отчет о выполнении работ по сохранению объекта археологического наследия (охранно-спасательные исследования) – поселения «Железнодорожное», расположенного в зоне строительства объекта «Комплексное развитие Новороссийского транспортного узла (Краснодарский край)» Подпроект 3: Создание объектов железнодорожной инфраструктуры за счет федеральных средств. «Строительство станции в районе разъезда 9 км Северо-Кавказской железной дороги» в Крымском районе Краснодарского края. Краснодар, 2012 // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. № 943, 943-1.
- Сысоев В.М., 1904. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г. // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. М. Т. 9.
- Тарабанов В.А., 1992. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдаванское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск.
- Тищенко И.Б., 2013. Отчет об итогах проведения охранно-спасательных археологических работ на участке строительства станции в районе разъезда 9 км Северо-Кавказской железной дороги, расположенном в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2» в Крымском районе Краснодарского края в 2012 г.. Краснодар, 2013 // Архив НАО «Наследие Кубани».
- Ульянова О.А., Сатеев О.И., 1988. Отчет о работе Карагодеуашхского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1988 г. (раскопки кургана Карагодеуашх у г. Крымска) // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 13751–13754.
- Фелицын Е.Д., 1899. Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии. Екатеринодар.
- Хойновский И.А., 1896. Археологические сведения о предках славян на Руси. Киев.
- Шевченко Г.Н., 2008. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства накопительной станции у разъезда 9-й км в Крымском районе Краснодарского края в 2007 г. Краснодар, 2008 // Архив ИА РАН. Р-1, № 36923.
- Шевченко Н.Ф., 2004. Виноградный-1 – поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь.
- Шевченко Н.Ф., 2013. Культовые сооружения типа ботросов на поселении Виноградный-1 // Древности Западного Кавказа. Краснодар. Вып. 1.

Поселение Шептальское-Левобережное – новый памятник майкопской культуры¹

А. Д. Резепкин², С. Л. Соловьев³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-19-25

ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное» расположено в Крымском районе Краснодарского края близ хут. Шептальский, на правом берегу р. Псыж. С запада и севера оно ограничено горным склоном, с востока рекой. Основная часть территории поселения распаивается. По его центру с севера на юг проходит автомобильная дорога, ведущая в направлении пос. Армянский, а через территорию поселения проложены многочисленные различные подземные и наземные коммуникации: газопроводы, нефтепроводы и линии электропередач (рис. 1).

Памятник археологии впервые обследован А. В. Орленко в 2017 г. В 2019 г. экспедиция ООО «Промтехпроект» под руководством Л. И. Красильниковой провела спасательные археологические раскопки на площади 4900 кв. м. В 2021 г. экспедиция ООО «Археологическое общество Кубани» провела археологическую разведку и составила раздел охраны памятников культурного наследия, в том числе и «Поселение Шептальское-Левобережное». В 2022 г. по результатам разведки Д. Г. Баринов и А. А. Подорожный («Центр реставрации и сохранения памятников») провели археологические раскопки. В 2023 г. в результате очередных разведочных работ, проведенных экспедицией ООО «Южархеология» под руководством А. А. Иосько, была уточнена северо-

восточная граница памятника. В ноябре 2023 г. разведку на поселении осуществляла экспедиция ИА РАН под руководством А. Н. Гея.

В феврале–апреле 2024 г. Краснодарская археологическая экспедиция ЦСА ИИМК РАН провела археологические раскопки на площади 4066 кв. м. В ходе работ был открыт грунтовой могильник, относящийся к протомеотской культуре, датированный VIII–VII вв. до н. э. (17 погребений, часть из них в комплексе с погребальными тризнами в виде ритуальных жертвенных захоронений животных), а также обнаружен поселенческий культурный слой, хозяйственные и столбовые ямы, развалы сосудов, скопления камней и керамики, относящиеся к эпохе ранней бронзы (майкопская культура). По результатам проведенных работ границы и датировка ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное» были уточнены. Площадь ОАН после уточнения границ составила 69 788 кв. м.

Современная дневная поверхность в целом была ровной (рис. 2; 3). Перепад абсолютных высот на уровне дневной поверхности составил до 0,60 м. Примерно по центру раскопа проходила современная грунтовая дорога, изрядно повредившая собой целостность пахотного слоя в этом месте. Судя по характерным следам на поверхности, по обозначенной грунтовой дороге какое-то время интенсивно перемещался гусеничный и колесный транспорт. Культурные отложения представлены слоями серо-коричневого суглинка. Отмечался уклон в северном направлении, перепад высот составил около 0,50 м. В восточной части раскопа были выявлены участки, представленные древними геологическими слоями – древним оврагом (?) и многослойными разноуровневыми речными намывами к западу от него. Намывы состояли из множества мелких окатанных камней и были стерильны. По всей видимости, некогда проходившая здесь река периодически разливалась, оставляя подобные наносы. Часть хозяйственных ям с материалами эпохи ранней бронзы была впущена в эти намывы, что в целом подтверждает немалый возраст этих отложений.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0012 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (С. Л. Соловьев) и № FMZF-2025-0008 «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (А. Д. Резепкин).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: rezepkin@mail.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ssl2610@yandex.ru.

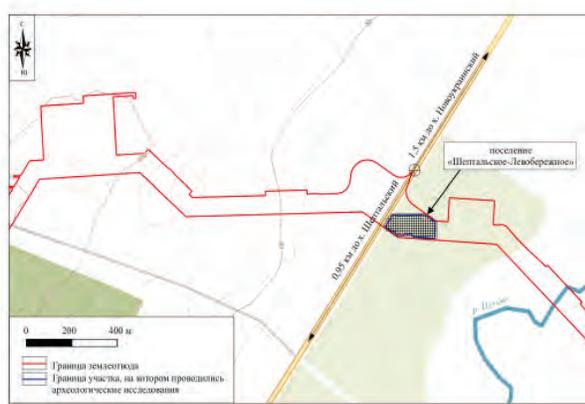

Рис. 1. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Схема участка работ

Рис. 2. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Вид с запада

Рис. 3. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Вид с востока

В овраге, в аллювиальных отложениях также обнаружены находки раннего бронзового века. Все произведенные археологические работы на участке поселения Шептальское-Левобережное в границах раскопа были доведены до уровня материка.

В ходе раскопок поселения Шептальское-Левобережное был открыт 131 археологический объект, в числе которых 108 хозяйственных ям, семь столбовых ям, четыре развала сосудов, 13 захоронений животных, три скопления камней и керамики (рис. 4). Общее число археологических находок достигает 19 529 единиц, из них в коллекцию отобрано 254 предмета. Более двух третей находок относятся к периоду ранней бронзы.

Хозяйственные ямы представляли собой углубления разных размеров круглой в плане формы (чаще всего диаметром 1,0–1,5 м), в сечении чаще всего цилиндрической, чашевидной и реже колоколовидной форм (рис. 5–9). Глубина ям не превышала 1 м, все они были впущены в материк. Заполнение ям состояло из мешаного серо-коричневого суглинка, иногда с линзами материкового светло-коричневого суглинка, а также с кусочками пачины, пережженной глиной, золистыми прослойками с фракциями угля, изредка встречались гальки и обломки известняка. В ряде ям обнаружены скелеты домашних животных (рис. 10). Очевидных свидетельств наличия жилищ на поселении не обнаружено, хотя два-три археологических объекта больших размеров с той или иной долей вероятности могут быть отнесены к этой категории заглубленных сооружений. Остатков турлука, очагов, полов в них не было обнаружено.

Из числа погребений, открытых на поселении, лишь одно с некоторой долей вероятности может быть отнесено к эпохе ранней бронзы (рис. 11; 12). Оно было совершено в предматериakovом слое в неглубокой яме овальной в плане формы размерами 0,6 × 0,4 м. Скелет, вероятно подростка, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юг, лицом на восток. Кости очень плохой сохранности, на некоторых из них заметны следы воздействия огня. В заполнении могильной ямы найдена лишь стенка лепного сосуда со следами нагара и пять костей животных, что очень затрудняет датировку комплекса.

В составе находок из заполнения ям преобладали фрагменты керамических изделий: прежде всего красноглиняная и сероглиняная столовая посуда, а также лепная кухонная керамика открытых и закрытых форм. Встречены и целые формы. Особую группу керамических находок представляют

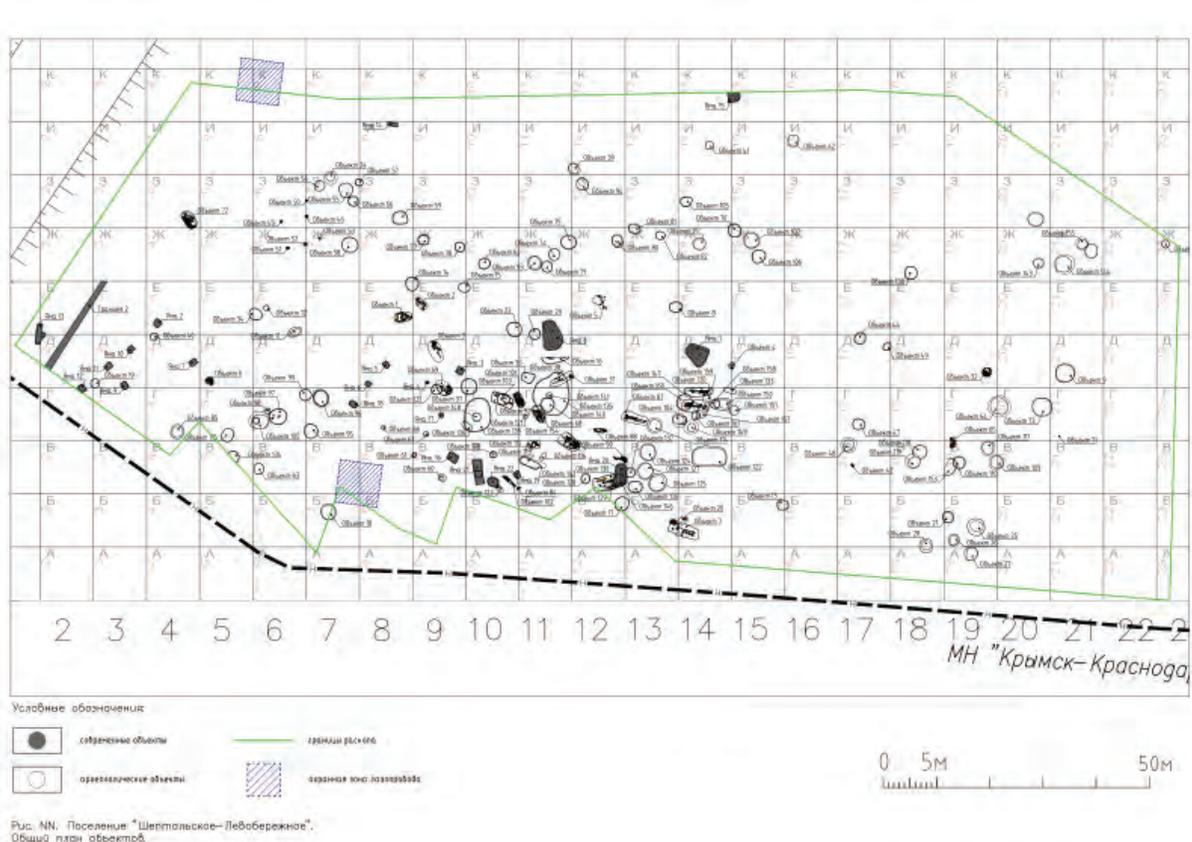

Рис. 4. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Схема открытых археологических объектов

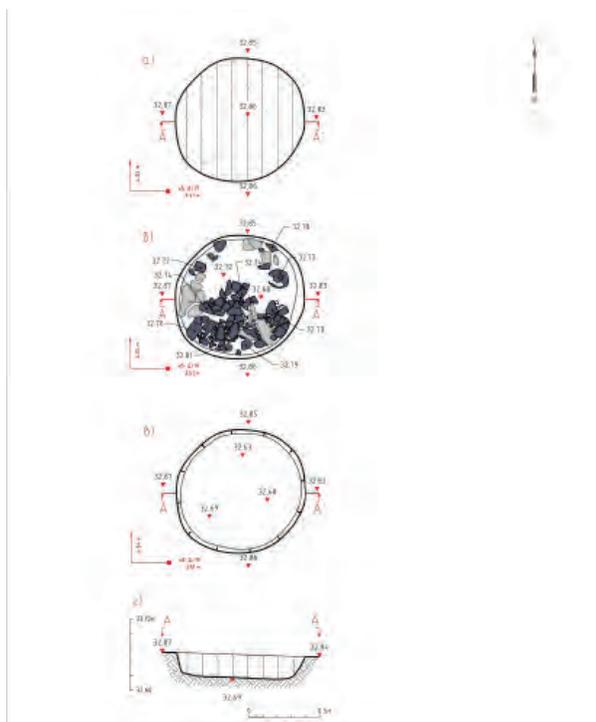

Рис. 6. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Объект 32. Вид с запада

Рис. 5. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Объект 32. План и разрез

Рис. 7. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Объект 41. Вид с юга

Рис. 10. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Объект 1. Вид с севера

Рис. 8. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Объект 47. Вид с севера

Рис. 9. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Объект 91. Вид с юга

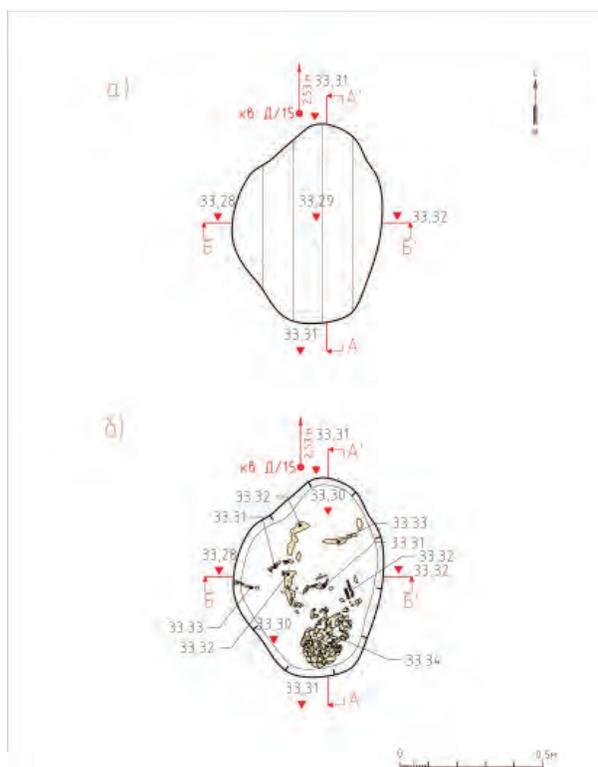

Рис. 11. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Объект 4. План

очажные подставки – конусы, характерные для майкопской культуры. В составе других категорий находок следует отметить многочисленные находки каменных зернотерок, терочников, оселков, ретушированных изделий из кремневых отщепов, а также поделки из костей животных, среди которых лоцила, шилья-проколки, астрагалы. Особо следует отметить булавку с фигурным роговым навершием.

Рис. 12. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Объект 4. Вид с востока

Единственное изделие из металла – медное шило. Более подробный анализ находок позволяет выделить различные типы керамических изделий, таких как очажные подставки, сосуды, миски.

Очажные подставки (глиняные конусы) найдены во фрагментах разной величины (рис. 13: 1–5). По типологии С.Н. Кореневского, все они относятся к группе 3 (Кореневский, 2004. С. 40, 205, рис. 77: 3). Насколько можно судить по фрагментам, они не имеют полости внутри, что не характерно для подставок псекупского варианта майкопской культуры (Кореневский, Юдин, 2023. С. 175, рис. 131). Только одна из найденных, полая внутри (рис. 13: 5), имеет аналогии на поселении Чекон (Булах, 2013. С. 56, рис. 1: 1, 2, 4).

Найдено четыре относительно целых сосуда, три из которых (рис. 14: 1, 3, 4) достаточно типичны для майкопской культуры и, согласно классификации А.Д. Резепкина, относятся к типу 2 (Резепкин, 2012. С. 128, табл. 1; Резепкин, Поплевко, 2019. С. 106, 113, табл. 9 и 15). Венчик еще от одного сосуда также можно отнести к этому типу. Сохранившийся фрагмент верхней части другого сосуда по форме венчика можно отнести к типу 1 (рис. 14: 7), самому многочисленному типу сосудов майкопской культуры (Резепкин, Поплевко, 2019. С. 112–114, табл. 8, 14: 3, 4; 15). Сосуды этих типов практически всегда отличного обжига, тесто без видимых примесей, цвет красновато-охристый и серый. Обнаруженный на поселении фрагмент цедилки (рис. 14: 2) – также достаточно характерная находка на поселениях культуры (Кореневский, Юдин, 2023. С. 176, рис. 132). Особняком стоит небольшой сосуд – кубок (рис. 14: 5). Этот тип сосудов характерен именно

Рис. 13. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Находки: 1–5 – фрагменты очажных подставок; 6 – фрагмент каменной зернотерки

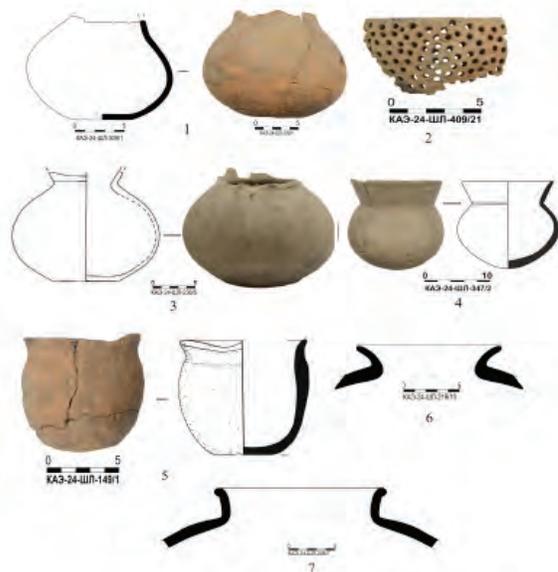

Рис. 14. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Находки: 1, 3, 4 – сосуды; 2 – фрагмент цедилки; 5 – кубок; 6, 7 – венчики сосудов

для псекупского варианта майкопской культуры (Корневский, Юдин, 2023. С. 166, рис. 121: 8) как один из компонентов новосвободненской культуры раннего ее этапа (Резепкин, 2012. С. 151, 175, рис. 22: 6, 46: 5; Резепкин, Поплевко, 2019. С. 11, табл. 13: 4). Здесь необходимо отметить, что в отличие от керамики, найденной на других, уже довольно многочисленных поселениях, на данном памятнике не встречен ни один фрагмент керамики с пролощенным либо прочерченным орнаментом, а также нет керамики с росписью краской (см. например, Шишлов и др., 2022. С. 79, рис. 4: 14–25; Резепкин, 2003. С. 51, рис. 1; Резепкин, Поплевко, 2019. С. 105, табл. 8: 6, 8, 13, 14).

Миски, наряду с сосудами, – самые многочисленные находки на майкопских поселениях. По трем довольно полным фрагментам венчиков удалось определить типы мисок. Одна из них (рис. 15: 6) относится к типу 3 (Резепкин, Поплевко, 2019. С. 102, 103, табл. 5, 6); вторая (рис. 15: 7) – к варианту этого типа 3-А (Резепкин, Поплевко, 2019. С. 100, 103, табл. 3: 2–8, 9, 22; 6) и третья (рис. 15: 8) – к типу 2 (Резепкин, Поплевко, 2019. С. 101, 103, табл. 4: 1–6; 6) Эти типы также являются наиболее многочисленными на поселениях.

Помимо керамики, наиболее характерной, хотя и редкой находкой на поселении для псекупского

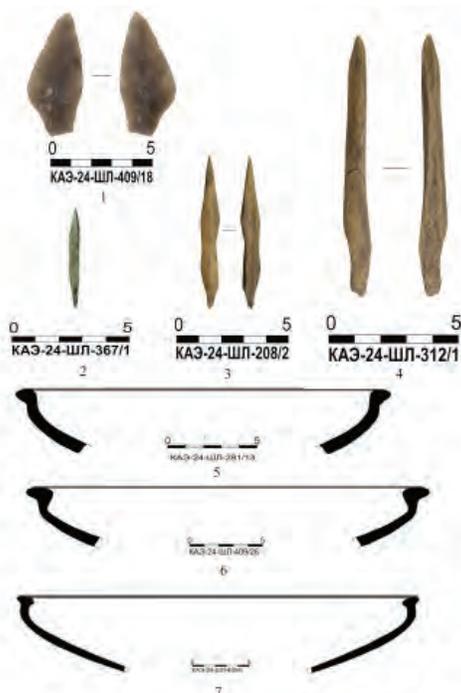

Рис. 15. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Находки: 1 – кремневый наконечник стрелы; 2 – бронзовое шило; 3, 4 – костяные острия; 5–7 – миски

варианта является кремневый наконечник стрелы флажковидного типа (рис. 15: 1). Такой тип наконечников характерен именно для памятников псекупского варианта майкопской культуры. Бронзовое шило и костяные острия (рис. 15: 2–4) – это нередкие находки на майкопских поселениях.

Самой оригинальной находкой является костяная булава (рис. 16: 2). На рисунке 16 представлены все известные к этому времени булавы майкопской культуры. Правда, булавку № 6 с большей вероятностью все же нужно отнести к раннедолинскому этапу новосвободненской культуры. Булавка № 1 найдена в погребении кургана 13 Усть-Джегутинского могильника (Мунчаев, 1975. С. 236, рис. 46: 9), которое относится к раннему, Усть-Джегутинскому этапу майкопской культуры. Само навершие состоит из лопаточки треугольной формы, вершина плавно переходит в стержень (рис. 16: 1). Булавка № 2 – это единственный экземпляр из предметов этой категории, найденный на бытовом памятнике майкопской культуры. Третья булавка найдена в погребении 15 кургана 1 «Занозина Балка». Она Т-образной формы со слегка опущенными вниз концами (рис. 16: 2). В этом комплексе также находились майкопский сосуд (тип 2) и бронзовый кинжал с невыделенной рукоятью (Корневский, 2004. С. 186, рис. 56: 1–3). Две булавы под № 4 (одна с прямоугольным навершием, вторая со схематично вырезанной головой животного с вертикально торчащими ушами) встречены в одном комплексе: Темрюк, курган 1 погребение 3, где, помимо майкопских сосудов, имелись ранненовосвободненский бронзовый то-

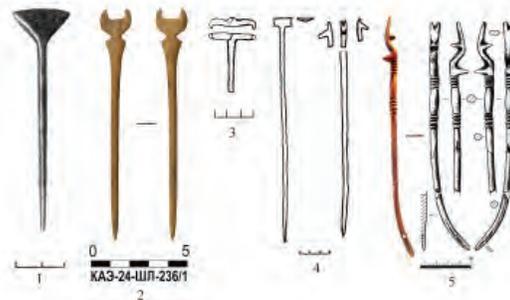

Рис. 16. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Булавы: 1 – Усть-Джегутинский могильник, курган 13 (Мунчаев, 1975); 2 – поселение Шептальское-Левобережное; 3 – Занозина Балка, курган 1, погребение 15 (Корневский, 2004); 4 – Темрюк, курган 1, погребение 3 (Корневский, 2004); 5 – курганный могильник Андреевский-1, погребение 1 (Корневский, Прокофьев, 2020)

пор, бронзовые черешковый кинжал и тесло (Кореневский, 2011. С. 225, рис. 36: 7, 8). Еще одна такая же булава (рис. 16: 5), но хорошей сохранности, была найдена в курганном могильнике Андреевский-1 в погребении 1 (Кореневский, Прокофьев, 2020).

Что касается времени существования поселения, то здесь в известной степени мы можем опираться на радиоуглеродные даты, которые были получены по нескольким поселениям этого варианта культуры (Шишлов и др., 2023. С. 63, 64). На материалах поселения Натухаевское 3 получены две даты: MAMS-36074. 4597 ± 25 BP (1sigma 3486–3352 BC) (2sigma 3497–3141 BC), ИГАН-4288. 4510 ± 110 BP (1sigma 3364–3085 BC; 3064–3028 BC) (2sigma 3516–3422 BC; 3405–3398 BC; 3384–2910 BC). Относительно поселения Катусвина Кривица известны три даты: MAMS-35396 4676 ± 23BP (1sigma 3514–3375 BC), (2sigma 3616–3371 BC), MAMS-36075 4564 ± 23 BP (1sigma 3365–3139 BC), (2sigma 3486–3117 BC), MAMS-36076 4507 ± 26 BP (1sigma 3339–3111 BC), (2sigma 3348–3100 BC). На поселении Заря-1 получены две даты: MAMS-35397 4656 ± 22 BP (1sigma 3499–3371 BC), (2sigma 3515–3367 BC), MAMS-35398 4644 ± 24 BP (1sigma 3497–3369 BC), (2sigma 3513–3362 BC). Как видно из этих семи дат по трем поселениям, четыре с вероятностью в 1sigma укладываются в третью четверть IV тыс. до н. э., а три балансируют между третьей четвертью и концом IV тыс. до н. э. В целом поселение Шептальское-Левобережное безусловно можно отнести к псекупскому варианту майкопской культуры, конечно, с некоторыми вышеописанными особенностями. Соответственно, его можно датировать в пределах третьей четверти IV тыс. до н. э.

Источники и литература

- Булах Е.Н., 2013. Очажные подставки майкопской культуры (по материалам поселения Чекон) // Шестая международная археологическая конференция. Краснодар.
- Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.
- Кореневский С.Н., 2011. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект М.
- Кореневский С.Н., Прокофьев Р.В., 2020. Майкопские погребения Андреевского кургана // Stratum plus. СПб.; Кишинев ; Одесса ; Бухарест. № 2.

Кореневский С.Н., Юдин А.И., 2023. Чекон – поселение ранней бронзы в Западном Предкавказье (по раскопкам 2018 г.). Москва; Саратов.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Резепкин А.Д., 2003. Керамика майкопской культуры с лощеным орнаментом // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (по материалам могильника Клады). СПб.

Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н., 2019. Беляевское – поселение майкопской культуры на Кубани // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. М.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2022. Памятники эпохи ранней бронзы в окрестностях г. Новороссийска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Протомеотские древности грунтового могильника на поселении Шептальское-Левобережное

В. Р. Эрлих¹

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-26-36

Зимой–весной 2024 г. сотрудниками ЦСА ИИМК РАН были проведены охранно-спасательные раскопки на территории выявленного объекта культурного наследия «Поселение Шептальское-Левобережное» в Крымском районе Краснодарского края вблизи хутора Шептальского (рис. 1; 2). Раскопки проводились в полосе отвода нефтепровода на площади около 4000 кв. м (рис. 3; 4). В ходе этих работ был открыт впущенный в слой майкопского поселения грунтовой могильник, относящийся ко времени перехода к раннему железному веку (протомеотская группа памятников) (рис. 5). В настоящей статье мы рассмотрим протомеотские материалы, выявленные в ходе этих работ.

Погребальный обряд

Из 15 погребений, которые можно отнести к протомеотской группе памятников, подавляющее большинство (12 погребений) представляют собой одиночные вытянутые погребения в неглубоких ямах подпрямоугольной формы (рис. 6–8). Ямы прослеживались не всегда. Дно ям находится, судя по нивелировочным отметкам, от уровня современной поверхности на глубине от 0,20 до 0,50 м. Отметим, что могильник располагался на пашне, отсутствовали внешние признаки могил и курганные насыпи, а также каменные вымостки.

Подобное «равнинное» расположение для могильника абинской группы приморско-абинского варианта встречено впервые. Поскольку могильники находились в низменной равнине местности, могилы впускали в насыпи курганов предшествующих эпох, либо в естественные всхолмления. Таковы могильники Абинский, Ахтырский лиман, Мингрельский, Чернокленовский, Железнодорожный-2 (Эрлих, 2007. С. 157; Лимберис, Марченко, 2014. С. 165).

Для приморско-абинского варианта вытянутое положение погребенных является преобладающим

и достигает в некоторых могильниках 94 % (Эрлих, 2007. С. 58). Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко отмечают, что в исследованном около г. Крымска могильнике Железнодорожный-2 все взрослые погребения – вытянутые на спине, лишь один погребенный лежал на спине с приподнятыми коленями (Лимберис, Марченко, 2014. С. 169).

В Шептальском могильнике обнаружены также два парных погребения и одно коллективное с тремя погребенными (рис. 9–11). Отметим, что наличие парных и коллективных погребений является характерной чертой приморско-абинского варианта и в других локальных вариантах протомеотских памятников не прослеживается (Эрлих, 2007. С. 58). В парном погребении зафиксирован обычай подзахоронения – один погребенный положен поверх другого. Подобный случай также прослежен в могильнике Железнодорожный-2 возле Крымска (Лимберис, Марченко, 2014. С. 169).

В двух погребениях могильника встречены черепа и кости лошади – так называемые «шкуры» или «чучела» (объекты 122 и 130), которые остаются после ритуального жертвоприношения лошади, когда мясо жертвенного животного, «любимого коня покойного», съедается соплеменниками. В объекте 122 черепа двух лошадей находились в могиле на одном уровне с погребенным, а в парном погребении «объект 130» кости «чучела» лежали сверху.

Подобный обычай конских жертвоприношений характерен для центрального варианта протомеотских памятников, хотя встречался и в предгорном варианте, однако до находок 2012 г. в могильнике Железнодорожный-2 не фиксировался в памятниках приморско-абинского варианта (Эрлих, 2007. С. 59). В могильнике Железнодорожный-2 шкуры лошади встречены трижды. В одном случае найдены костяки трех целых лошадей. Можно предположить, что появление обычая конских жертвоприношений связано с влиянием центрального варианта протомеотских памятников.

¹ Россия, 119019, Москва, Никитский бульвар, 12а. Государственный музей Востока, Отдел истории материальной культуры и древнего искусства. E-mail: verlikh@bk.ru.

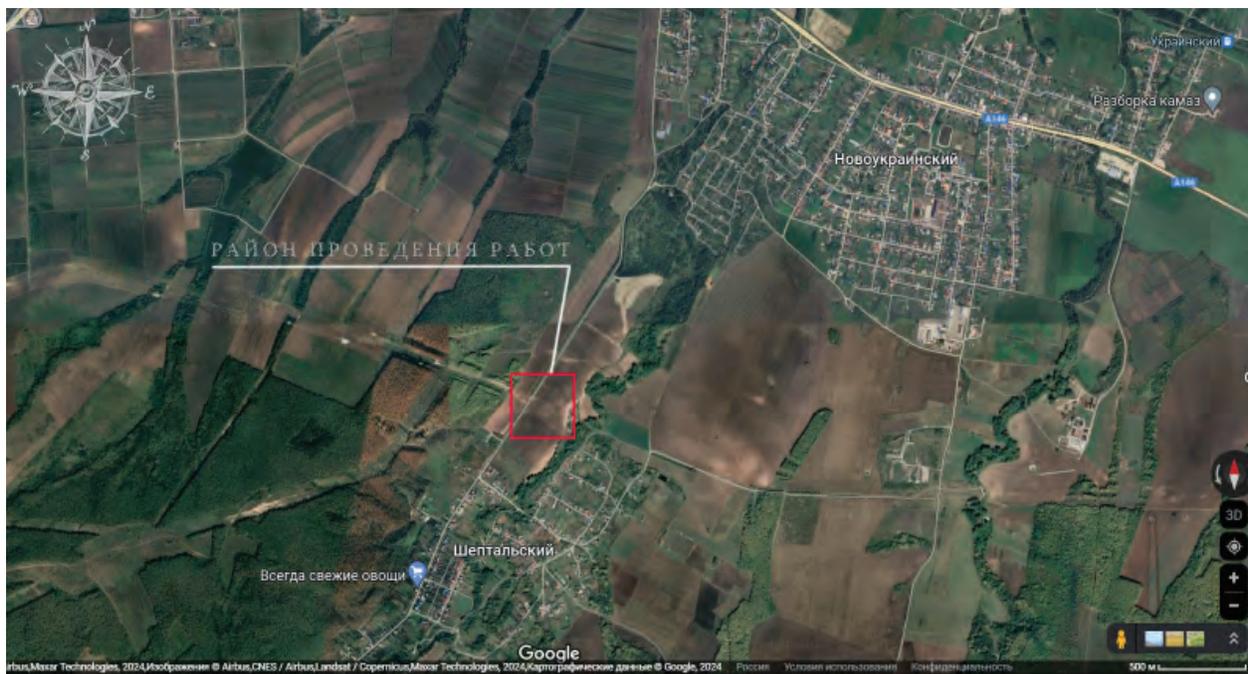

Рис. 1. ОАН «Шептальское-Левобережное». Район проведения работ на спутниковом снимке (источник Google Maps, 2024 г.)

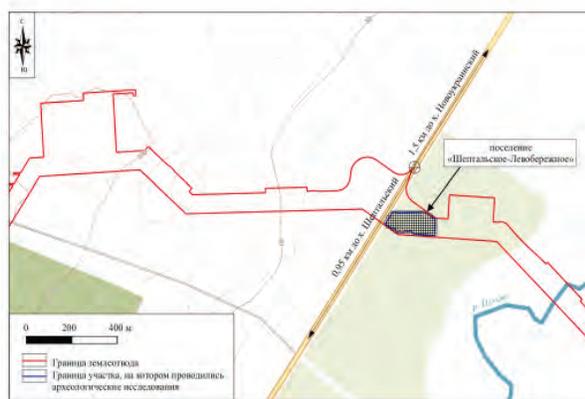

Рис. 2. ОАН «Шептальское-Левобережное». Район проведения работ на участке проектируемого нефтепровода

Рис. 4. ОАН «Шептальское-Левобережное». Вид с востока

Рис. 3. ОАН «Шептальское-Левобережное». Вид с запада

Преобладающая ориентировка погребенных Шептальского могильника западная, она характерна для 11 из 15 погребений, одно погребение было ориентировано на восток (объект 88), два – на северо-запад (объекты 102 и 136) и одно – на юго-запад (объект 84). Таким образом, в западный сектор ориентированы 14 из 15 погребенных. Отметим, что для приморско-абинского варианта в целом не выявляется преобладающая ориентировка погребенных, однако в пределах одного памятника она прослеживаются, что уже отмечалось (Эрлих, 2007. С. 58, 59, табл. 1). Например, у наиболее

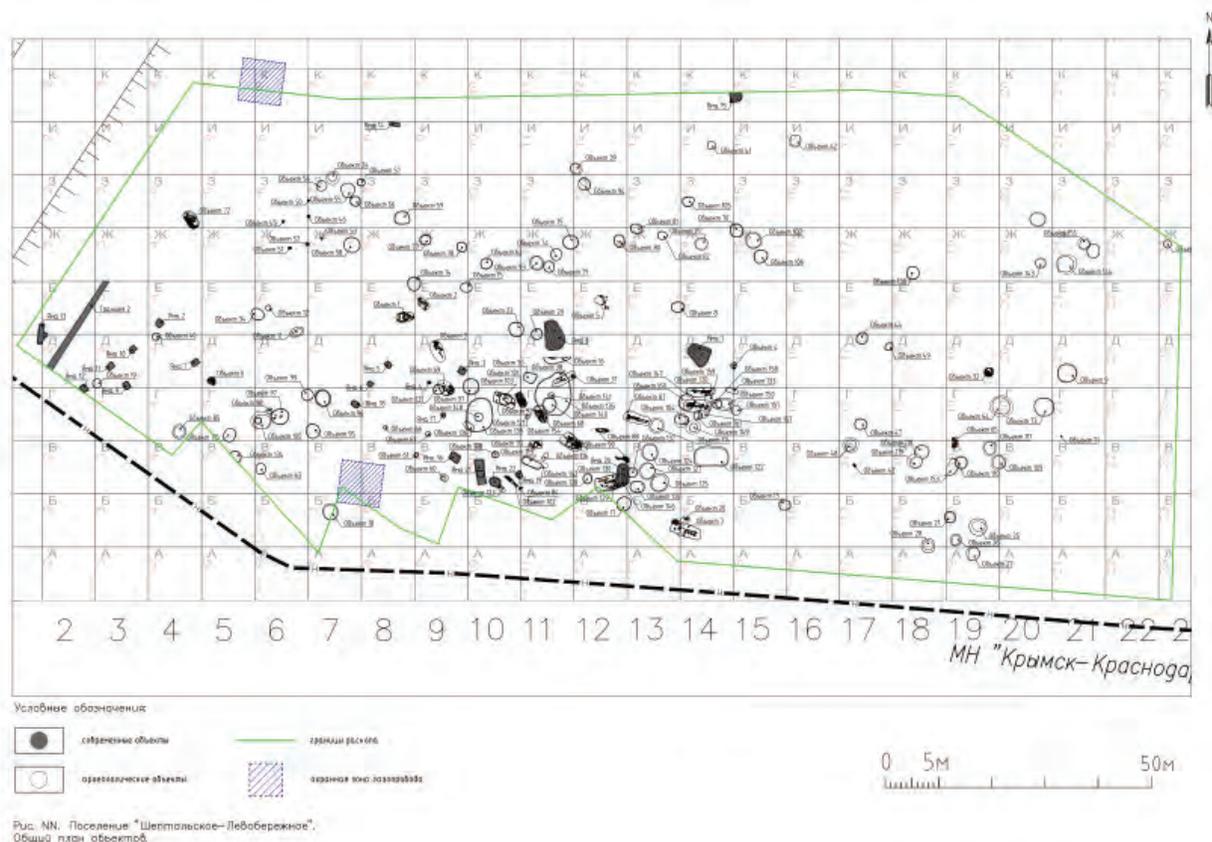

Рис. 5. ОАН «Шентальское-Левобережное». Расположение открытых археологических объектов. План

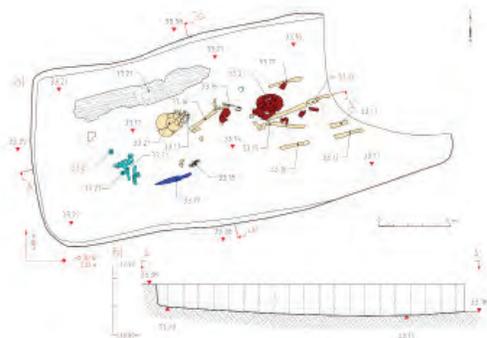

Рис. 6. ОАН «Шентальское-Левобережное». Объект 130. План

Рис. 7. ОАН «Шентальское-Левобережное». Объект 130. Вид с севера

территориально и хронологически близкого могильника Железнодорожный-2 ориентировка, прослеженная в 18 погребениях, преобладала в северном и южном направлениях (Лимберис, Марченко, 2014. С. 169).

В составе погребального инвентаря отметим кремневые отщепы, найденные в четырех погребениях (объекты 7, 31, 92, 147). В двух случаях они прослежены в районе пояса, в одном – на

груди. Кремневые отщепы иногда встречаются в протоенеолитских погребениях, преимущественно мужских. Так в протоенеолитских могильниках центрального варианта, по нашим подсчетам, процент погребений с отщепами варьируется от 2 до 11,5 % (Эрлих, 2007. С. 62, табл. 6). В памятниках предгорного варианта отщепы прослежены в пяти погребениях могильника Кочипэ и в двух погребениях могильника Фарс/Клады. Все они по

Рис. 8. ОАН «Шептальское-Левобережное». Объект 130, детали. Вид с севера

Рис. 11. ОАН «Шептальское-Левобережное». Объект 147. Вид с юга

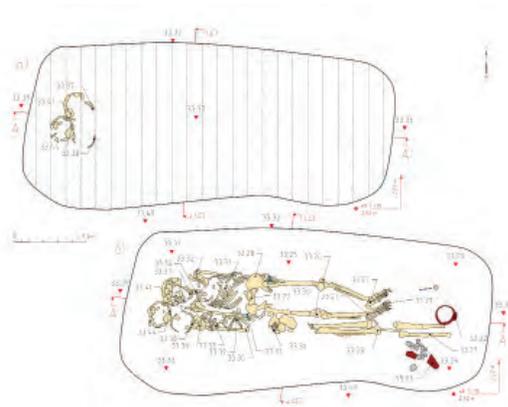

Рис. 9. ОАН «Шептальское-Левобережное». Объект 147, первый уровень фиксации. План

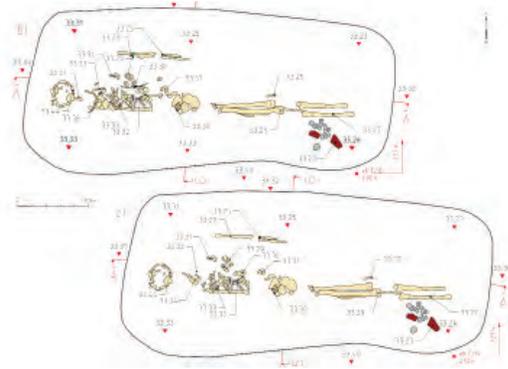

Рис. 10. ОАН «Шептальское-Левобережное». Объект 147, второй и третий уровни фиксации. План

инвентарю мужские (Эрлих, 2007. С. 65). В могильнике Железнодорожный-2 кремневый отщеп встречен в погребении 2/15, возможно эту же обрядовую роль играл и кремневый наконечник стрелы, обнаруженный в погребении 3/8 (Лимберис, Марченко, 2014. С. 173, рис. 6: 3; 180, рис. 4: 2). Помещение в погребение кремневого отщепа следует связывать со степным влиянием, кремневые отщепы встречаются в мужских погребениях черноморской культуры, этот же признак восходит к степным погребениям финальной бронзы (Тереножкин, 1976. С. 95; Дубовская, 1993. С. 142, 155, табл. 75; Потапов, 1999. С. 66; Эрлих, 2007. С. 62).

Керамика

Найденная в погребениях керамика помещалась в головах либо в ногах погребенных, что является характерной чертой всех протомеотских могильников. Из керамических сосудов восстановимы следующие формы.

Небольшие корчаги (или корчагообразные сосуды) высотой около 20 см (объекты 88, 120, 122) (рис. 12: 3, 4). Поверхность корчаги из объекта 122 залощена (рис. 1: 4). Отметим, что корчаги в большей степени характерны для керамики предгорного варианта (могильники Фарс/Клады, Кочипэ и др.). В приморско-абинском варианте близкие по форме корчагообразные сосуды встречены в могильнике Железнодорожный-2 (погребения 2/8; 2/17; 3/8) (Лимберис, Марченко, 2014. Рис. 4: 10; 6: 13; 8: 7). В центральном варианте протомеотских памятников подобная форма пока встречена лишь в святилище Ленинохаль (Сазонов, 1995. С. 79, табл. 2: 57).

Черпаки в Шептальском могильнике встречаются двух типов. К одному относились сосуды с округлым

Рис. 12. ОАН «Шептальское-Левобережное».

Керамика: 1 – погребение «объект 147»;

2 – погребение «объект 120» (индивид 2);

3 – погребение «объект 88»; 4 – погребение «объект 122»

туловом и раздвоенной рогатой ручкой (объекты 31, 88, 92, 147) (рис. 1: 1). Подобные черпаки появляются в конце VIII в. до н.э. Они характерны для всех локальных вариантов. Некоторые формы этих черпаков доживают до конца VI в. до н.э. К другому типу относились сосуды с раздвоенной «гвоздевидной» ручкой (объект 120) (рис. 12: 2). Подобные черпаки с «гвоздевидными» выступами характерны исключительно для приморско-абинского варианта (Эрлих, 2007. С. 76). Черпаки с ручками, имеющими сдвоенные «гвоздевидные» выступы, встречены в геленджикских дольменах, погребении 48 могильника Ахтырский лиман, погребениях 2/9 могильник Железнодорожный-2 (Эрлих, 2007. Рис. 18: 27; 25: 10; Лимберис, Марченко, 2014. С. 166, рис. 1: 8). Все черпаки из Шептальского могильника лишены орнаментов, что также более характерно для черпаков приморско-абинского варианта (Эрлих, 2007. С. 76, рис. 138).

Вооружение

Наконечники копий в могильнике встречаются как бронзовые, так и железные. Весьма интересно в этом плане погребение «объект 87», где найдены бронзовый и железный наконечники копий,

лежащие у головы погребенного. Цельнолитая втулка бронзового наконечника переходит в ребро жесткости остролистого пера (ШЛ 340/5) (рис. 13: 1). Его можно отнести к типу II типологии протомеотских наконечников копий (Эрлих, 2007. С. 96, рис. 154–156). Такие же наконечники встречены в трех погребениях в ближайшем могильнике Железнодорожный-2 (погребения 2/9, 2/20, 3/8) (Эрлих, 2007. С. 166, рис. 1: 6; 4: 6; 8: 3).

Остальные наконечники копий Шептальского могильника железные. Они обнаружены в объектах погребения 7, 87, 122 и 130. Все они имеют остролистую форму пера. У копий из объектов 7 и 87, а также одного из объекта 120 сечение ребра ромбическое (рис. 13: 2–4). Они относятся к типу II второго отдела. Подобные наконечники копий встречены в могильнике Фарс/Клады и Кубанском (Эрлих, 2007. Рис. 160: 1–3, 5, 8, 9, 10). У второго копия из объекта 120 и наконечника из объекта 130 имеется выполненное на специальной оправке ребро жесткости (второй отдел, тип I типологии протомеотских железных копий) (рис. 13: 5, 6). Железные наконечники с ребром

Рис. 13. ОАН «Шептальское-Левобережное». Предметы

вооружения: 1, 3 – погребение «объект 87»;

2, 7 – погребение «объект 7»; 4, 5, 8 – погребение

«объект 122»; 6 – погребение «объект 130».

Материал: 1 – бронза, остальное – железо

жесткости встречены в могильниках Кочипэ, Фарс/Клады, Ясенова поляна, Псепкупский, Абинский, Атмачева щель и других памятниках (Эрлих, 2007. Рис. 159: 1–10, 12, 14). Таким образом, подобный вид вооружения характерен для всех локальных вариантов протомеотской группы памятников.

Железные топоры найдены в двух погребениях (объект 7 и 122). Первый топор плохой сохранности, он имеет узкий четырехгранный обушок (рис. 3: 7). У второго обушок расширен, а лезвие изогнуто (рис. 13: 8). Эти признаки имеются у топоров из Геленджикских дольменов. Такие топоры можно отнести к типу 4 протомеотских топоров, либо к типу 1 топоров Западного Закубанья, по схеме А. М. Новичихина, большинство их происходят из памятников приморско-абинского варианта (Шесхарис, Большие Хутора, Геленджикские дольмены). Известны они и в памятниках центрального варианта (Чишхо). Они имеют слабоизогнутое лезвие и слабо расширяющийся к концу обушок (Новичихин, 2006. С. 55, 56, рис. 72, 73; Эрлих, 2007. С. 111, рис. 165: 8, 9). Отметим, что использование железных топоров у меотов в большей степени характерно в период скифской архаики, в VII – начале VI вв. до н.э. (Келермесский грунтовый могильник).

Конское снаряжение

Бронзовые удила обнаружены в двух погребениях – объектах 122 и 130. Все они двукольчатые с рифлением на грызлах в виде шипов. Удила из объекта 122 имеют одно дополнительное звено для повода в виде бляшки на прямоугольной в плане пластине (рис. 14: 1). Подобные удила относятся к типу I нашей типологии (Эрлих, 1991. С. 34; 2007. С. 115–117) или к типу 1 двукольчатых удил подгруппы 2 по классификации С. Б. Вальчака (Вальчак, 2009. С. 34). Наиболее полная аналогия экземпляру из объекта 122 имеется в Пшишском кладе 1988 г., являющимся комплексом упряжи колесницы и датирующимся концом VIII – началом VII вв. до н.э. (Эрлих, 1994. Табл. 7: 10; 2007. С. 375, рис. 169: 5). Удила из объекта 130 без дополнительного звена (рис. 14: 9).

Необходимо отметить, что рифление в виде шипов у двукольчатых удил является поздним признаком. Из района приморско-абинского варианта протомеотских памятников двукольчатые удила с «шипастым» рельефом происходят из могильника Большие Хутора и погребения 7 кургана 1 Абинского могильника. В то же время, очевидно, что этот вид рифления характерен в большей степени для узды приморско-абинского варианта, так как именно здесь он встречается на более ранних

Рис. 14. ОАН «Шептальское-Левобережное». Предметы конского снаряжения: 1–8 – погребение «объект 122»; 9–16 – погребение «объект 130».

Бронза

однокольчатых и треугольно-конечных удилах (Эрлих, 2007. С. 117, рис. 176: 1–5). Следует отметить, что идентичный рассматриваемым набор двукольчатых удил с шипастыми грызлами в сочетании с «классическими» новочеркасскими псалиями встречен в погребении 3/9 в ближайшем могильнике Железнодорожный-2 (Лимберис, Марченко, 2014. Рис. 4: 4, 7, 8).

Псалии найдены в двух комплексах Шептальского могильника (объекты 122 и 130). Все они парные и относятся к классическому «новочеркасскому» типу псалиев IV, по В. Р. Эрлиху (1991; 2007), либо к типу 6 «Новочеркасск», вариант 2 «классический», по С. Б. Вальчаку (2009. С. 73) (рис. 14: 2, 10). Это наиболее распространенный вариант псалиев. По данным С. Б. Вальчака, на Северном Кавказе их встречено не менее 84 экземпляров, а в степной и лесостепной зонах Восточной Европы – еще 72 экземпляра (Вальчак, 2009. С. 73). Псалии этого варианта появляются в позднейшее предскифское время, в конце VIII в. до н.э.

Уздечные бляхи-лунницы, входившие в уздечные комплекты из объектов 122 и 130, по-видимому, украшали наносный ремень лошади. Они отличаются

сильной изогнутостью, что является поздним признаком. Наиболее хорошо сохранившаяся лунница из объекта 122 семикружковая (рис. 14: 3), на ее концах сделаны три большие спиральные розетки, между которыми расположены по две малые с каждой стороны. Очевидно, аналогичным конским украшением является и лунница из объекта 130, однако ее лицевая сторона почти полностью уничтожена патиной (рис. 14: 11). Наиболее близкими им аналогиями являются случайные находки с левого берега Краснодарского водохранилища (Эрлих, 2007, рис. 197: 12) и с территории Пастерского городища в Украинской Лесостепи (Тереножкин, 1976. С. 73, 75, 80, рис. 39: 2; 41: 6). Из знаменитого киммерийского Зольного кургана в Крыму происходят две костяные лунницы, аналогичные шептальским по изгибу арки и спиральному орнаменту (Тереножкин, 1976. С. 45, рис. 17: 3, 4). Кроме того, подобная лунница, однако с гладкими кружками, найдена в кургане 46 могильника Фарс/Клады вместе с комплексом колесничного набора (Лесков, Эрлих, 1999. С. 133, рис. 41: 4). Близкие по форме изгиба семикружковые лунницы также происходят из кургана 98 Азишского могильника и разрушенного впускного погребения кургана 8 могильника Яснозорье Черкасской области Украины (Эрлих и др., 2024. С. 102, рис. 4: 10; Скорый, 1999. С. 124, рис. 18: 5). Все они происходят из позднейших предскифских комплексов.

Бляшки-розетки входят в уздечные наборы из объектов 122 и 130, и имеют по пять близких по форме ажурных бляшек-розеток для ремней оголовья типа 8, варианта 2 (Эрлих, 2007. С. 133, рис. 2: 12). Бляшки имеют хорошо выделенные лепестки и петлю на обороте (рис. 14: 4–8, 13–16). Это достаточно распространенный вариант данного типа и встречен не только в протомеотских памятниках VIII – начала VII вв. до н.э., но и в кобанских (тип VII, по В. И. Козенковой), например в Каменноостском могильнике в Кабардино-Балкарии (Козенкова, 1995. С. 111, табл. XXVIII: 14).

Украшения и детали костюма

Браслеты найдены в трех погребениях (объекты 31, 120 и 147). Интересным фактом является то, что браслеты в Шептальском могильнике встречаются всегда в паре на обеих руках погребенных. Все браслеты литые разомкнутые с полукруглым либо подпрямоугольным сечением, характерные для протомеотской группы памятников (тип I). Браслеты из погребения «объект 31» имеют полукруглое сечение и слабо расширяющиеся концы с невысоким бортиком (рис. 15: 1, 2). Подобные браслеты относятся к варианту 1 I типа протомеотских браслетов (Эрлих, 2007. С. 157, рис. 217).

Рис. 15. ОАН «Шептальское-Левобережное». Украшения и детали костюма: 1, 2, 7 – погребение «объект 31»; 3, 4, 14–17 – погребение «объект 120» (индивид 2); 5, 6, 13 – погребение «объект 147» (индивид 1); 8, 9 – погребение «объект 87» (индивид 1); 10 – погребение «объект 130» (индивид 2); 11 – погребение «объект 92». Материал: 1–8, 12–17 – бронза; 9–11 – стекло

Наиболее близки им браслеты из разрушенного погребения в Сукко (Атмачева щель) (Новичихин, 1995. С. 65, рис. 2: 2–4; Эрлих, 2007. Рис. 217: 8, 9). Два идентичных браслета из погребения «объект 120» могут быть отнесены ко второму варианту этого же типа (рис. 15: 3, 4). Они имеют закругленные плоские окончания. Наиболее близок им браслет из погребения 3 могильника Ясеновая Поляна предгорного варианта (Эрлих, 2007. Рис. 218: 5). К этому же варианту могут быть отнесены браслеты из объекта 147, имеющие подпрямоугольное сечение и слегка приостренные концы (один экземпляр фрагментирован) (рис. 15: 5, 6). Наиболее близкая им аналогия происходит из погребения 19 могильника Фарс/Клады (Лесков, Эрлих, 1999. С. 111, рис. 19: 2; Эрлих, 2007. Рис. 218: 4).

Спиральные пронизи найдены в трех погребениях (объекты 31, 87, 120), и все они дошли до нас лишь

в мелких фрагментах (рис. 15: 7, 8). Судя по ним, они могли иметь цилиндрическую форму. Все они располагались в районе черепа погребенного. Судя по отчету, в объекте 31 встречена одиночная пронизь, в объекте 87 – в паре, а в объекте 120 многочисленные фрагменты спиралей находились у головы и в районе груди. Подобные пронизи в протомеотских памятниках используются как мужских, так и женских погребениях. На Северо-Западном Кавказе цилиндрические пронизи-накосники, выполненные из оловянной бронзы, появляются еще в начале поздней бронзы в XVIII–XVI вв. до н. э. (Шушук) (Эрлих, Гак, 2020. С. 43, рис. 5: 9–11, 13, 17, 18, 24, 25; 8: 6). До недавнего времени в протомеотских памятниках цилиндрические пронизи и их фрагменты обнаруживались чаще в памятниках приморско-абинского (могильники Псыбе, Холмский, I Ястребовский, Сукко, Геленджикские дольмены, Большие Хутора) и предгорного вариантов (Фарс/Клады, погребения 19 и 25), хотя встречаются и в комплексах центрального варианта (Пшиш I, погребение 13) (Эрлих, 2007. С. 164). Однако, оказалось, что почти неизменным элементом костюмного набора парные спиральные пронизи являются в недавно открытом горном варианте на могильнике Азишский-I. Здесь они обнаружены в мужских погребениях в районе черепа вместе с булавками с кольцевидным навершием (Эрлих и др., 2024; Эрлих, 2025). Пронизи близкой формы встречаются и в Абхазии: в Красномаяцком могильнике (погребения 50 и 62), в погребении 1971 г. в Гагре, в погребении 4 1979 г. Гагрского могильника (Бжания В., Бжания Д., 1991. С. 49, рис. 7: 3, 4; Воронов, Гунба, 1978. С. 258, рис. 1: 13–18; Трапш, 1969. С. 128, 186, табл. XII: 6; XXII: 6).

Булавка типа «Сукко» с листовидным щитком и заостренным стрижнем обнаружена в погребении «объект 16» (рис. 15: 12). Она находилась в районе черепа погребенной и, очевидно, закалывала ткань костюма либо савана. Ее можно отнести к первому варианту булавок этого типа с навершием в виде двух «шишечек», соединенных перемычкой и треугольным отверстием. Наиболее близкие экземпляры происходят из могильника Атмачева Щель (Сукко) (Новичихин, 1995. С. 66, рис. 3: 1–5; Эрлих, 2007. С. 160, 161, рис. 220: 7–10;). Очевидно, к этому же варианту относится и плохо сохранившаяся булавка из погребения 9 могильника Железнодорожный-2 (Лимберис, Марченко, 2014. С. 170, рис. 4: 5).

Уникальная застежка-пряжка, выполненная из бронзы, с отверстием и двумя фиксаторами обнаружена в погребении 147 (рис. 15: 13). Она была

найдена в районе локтя левой руки погребенного. Обойма с отверстием этой застежки украшена соляным знаком – ромбом. Размеры застежки 4,0 × 1,7 см. Наиболее близкая по форме застежка найдена в кургане Слободзея в Приднестровье (Яровой и др., 2002. С. 301, рис. 9: 15), которая, в свою очередь, скорее всего происходит от застежек гальштадских повозок периода НаС (Эрлих, 2007. С. 150). Отличием шептальской застежки от слободзейской является то, что отверстие в ней круглое, а не подпрямоугольное. Приведем еще одну аналогию данной застежке, хранящуюся в музее-заповеднике «Неаполь Скифский» и случайно найденную в Черноморском/Раздольненском районах Крыма. От шептальской ее, отлитую из высокооловянной бронзы, отличает асимметричность, одна сторона ее намного короче, чем другая, а на муфте-обойме отсутствует соляный знак. Она соразмерна шептальской и имеет длину 4,8 см. Составители каталога обоснованно отнесли ее к «киммерийской эпохе» (Зайцев и др., 2024. С. 106, № 27; 179. Ил. 27).

Принадлежностью костюма следует считать бляшку из погребения «объект 88». Она имеет слабовыпуклый щиток и маленькую петельку на обороте (рис. 15: 18) и лежала под черепом ближе к левому плечу. Подобные бляшки не являются принадлежностью конской уздечки, а встречаются в женских погребениях предгорного и приморско-абинского вариантов (Эрлих, 2007. С. 164). Наиболее близка шептальской бляшка из могильника Псыбе (Тешев, 1983. С. 211, 212, рис. 2: 13; Эрлих, 2007. Рис. 223: 16). Большое количество блях – деталей костюма – обнаружено в недавно открытом могильнике Азишский-I около станицы Даховской, характеризующем «горный» вариант протомеотских памятников. Там отсутствуют конские погребения, а бляшки, имеющие небольшой конический выступ, являются исключительно деталями костюма в мужских и женских погребениях (Эрлих и др., 2024. С. 503, рис. 5: 4; 506, рис. 8: 3; 507, рис. 10: 2).

Рубленный бисер голубого и бирюзового цветов обнаружен в погребении «объект 87» (индивид 1), в погребении «объект 102» и в погребении «объект 120» (индивид 2) (рис. 15: 9–11). Мелкие бусы кольцевидной формы находились под черепом и в районе груди погребенных, составляя ожерелья. Бисер часто встречается в протомеотских могильниках разных локальных вариантов. Стекланный бисер кольцевидной формы голубого или белого непрозрачного цвета происходит из погребений 3, 10, 38 могильника Фарс/Клады. Н.В. Анфимов упоминает бусы и бисер из глухого белого, зеленого и голубого стекла, встреченный в погребениях 5, 9, 13, 46 Николаевского могильника

(Анфимов, 1961. С. 106–114). Стекланный бисер также встречается и в погребении 3 могильника Ясеновая поляна и в погребениях 5 и 7 могильника Кочипэ, и, по крайней мере, в шести погребениях могильника Пшиш-I (Эрлих, 2007. С. 165).

Стекланные бусы на юге Восточной Европы начинают достаточно часто встречаться уже в памятниках поздней бронзы. Стекланный бисер обнаружен в памятниках ранней группы кобанских могильников (Козенкова, 1982; Техов, 1977. С. 179, рис. 117: 22–35). Он известен в степи как в черногоровских памятниках, так и в предшествующее белозерское время (Тереножкин, 1976. С. 62, 63, рис. 31: 5; Дубовская, 1993. С. 157, рис. 77; Кубышев, Черняков, 1986. С. 153).

К украшениям, очевидно, следует отнести четыре крупные бронзовые бусины, которые были обнаружены в погребении «объект 120» (индивид 2). Они находились у головы и у локтя покойного. Три из них имеют усеченно-биконическую форму, одна – боченковидную. Диаметр бус колеблется в пределах 1,3–11,4 см (рис. 15: 14–17). Отметим, что бронзовые бусы до недавнего времени достаточно редко встречались в протоэотских погребениях. Нам была известна лишь одна небольшая бронзовая бусина боченковидной формы, происходящая из погребения 10 могильника Фарс/Клады (Лесков, Эрлих, 1999. Рис. 13: 6). Однако исследование недавно открытого могильника Азишский-I, характеризующего горный вариант протоэотских памятников, показало, что крупные бронзовые парные бусы составляют часть костюмного набора вместе с булавками с весловидным навершием. Бусы-пронизи Азишского могильника имеют четырехгранную форму (Эрлих и др., 2024. Рис. 3: 2, 3; 4: 2, 3; Эрлих, 2025. Рис. 52: 1, 2). В качестве единственной находки, близкой им по форме, пока можно указать бусину из недавно открытого протоэотского погребения 1 в кургане 7 могильника «Пологие поляны» возле Мезмая, который также можно отнести к «горному» варианту протоэотских памятников (Василиненко и др., 2024. С. 44, рис. 7: 6).

В то же время бронзовые бусы из Шептальского могильника имеют аналогии в кобанской культуре. В гробницах 1 и 2 могильника Терезе (западный вариант) встречены бронзовые литые бусы боченковидной и усеченно-биконической формы диаметром 1,3–1,4 см (Козенкова, 2004. С. 129, табл. 45: 6–11, 13, 14, 16, 17, 20–23; 46: 15–24). Найдены подобные литые бусы округлой и биконической формы и в кобанских памятниках центрального варианта – в Тлийском и Эльхотовском могильниках (Техов, 1977. Рис. 117: 72–77; Чшиев, 2022. Рис. 41: 22).

Орудия труда и предметы быта

Ножи, найденные в Шептальском могильнике, железные с изогнутой спинкой и лезвием найдены в погребениях «объект 7» и «объект 147» (индивиды 1 и 3). Они небольшие и имеют длину лезвия 5,3–5,8 см, черенки не сохранились (рис. 16: 1–3). Их можно отнести ко второму подтипу (Эрлих, 2007. С. 153). Подобные ножи происходят из могильника Ясеновая Поляна (погребение 2), Кочипэ (погребения 29, 30, 33) и Геленджикских дольменов (Эрлих, 2007. Рис. 213: 12–15, 20, 21). Нож, близкий шептальским, найден в погребении 3/8 могильника Железнодорожный-2 около Крымска (Лимберис, Марченко, 2014. С. 170. Рис. 4: 3).

В погребении «объект 92» обнаружено железное фрагментированное четырехгранное шило, лежавшее у левого плеча погребенного. Длина

Рис. 16. ОАН «Шептальское-Левобережное». Орудия труда и предметы быта: 1 – погребение «объект 7»; 2, 6 – погребение «объект 147» (индивид 1); 3 – погребение «объект 147» (индивид 3); 4, 8 – погребение «объект 92»; 5 – вне комплекса; 7, 9 – погребение «объект 120» (индивид 2); 10 – погребение «объект 87» (индивид 1); 11 – погребение «объект 147» (индивид 1). Материал: 1–7 – железо; 8–11 – керамика

изделия около 5 см (рис. 16: 4). Еще одно подобное шило найдено вне комплекса (рис. 16: 5).

В погребениях «объект 120» (индивид 2) и «объект 147», (индивид 1) найдены железные иглы (рис. 16: 6, 7). Они имеют круглое сечение проволоки, а их длина превышает 7,5 см. В одном случае игла была найдена у левого локтя, в другом – в ногах. Ушки в иглах не сохранились, возможно они были утрачены, либо имели на концах крючки. Для протомеотских памятников более характерны бронзовые шилья и иглы (Эрлих, 2007. С. 155, 156). В тоже время у западных кобанцев уже с VIII в. до н.э. более характерны железные экземпляры шильев, хотя также продолжают доминировать бронзовые иглы (известна только одна железная) (Козенкова, 1998. С. 14–16).

Керамические пряслица найдены в пяти погребениях могильника (объекты 87, 88, 92, 120 и 147). Положение их в погребении различное. Дважды они встречены в ногах, по одному разу – у правой кисти, левого плеча и у крестца. Все пряслица керамические. Два из них (объекты 92, 120) дисковидной формы относятся к типу I, вариант 1 (рис. 16: 8, 9), два – усеченно-биконической формы типа 3 (объекты 87 и 147) (рис. 16: 10, 11). Одно пряслице полностью разрушено. Отметим, что пряслица достаточно характерны для поздних протомеотских памятников. Известно более 40 пряслиц, происходящих из протомеотских погребений (Эрлих, 2007. С. 156). Оба типа пряслиц, встреченных в Шептальском могильнике, уже находили в памятниках приморско-абинской группы. Так дисковидные пряслица (вариант 1 типа 1) встречены в ритуальном комплексе у поселка Холмский, в погребении 48 могильника Ахтырский Лиман, в Геленджикских дольменах (Василиненко и др., 1993. Табл. XV: 6; Беглова и др., 1997. С. 74, рис. 3: 2; Аханов, 1961. С. 143, рис. 4: 11). Также характерны для приморско-абинского варианта и пряслица усеченно-биконической формы типа 3. Они встречены в могильнике Черно-клен (погребение 97), в погребении 13 кургана 1 Абинского могильника, в ритуальном комплексе у пос. Холмский, в могильнике Псыбе, в Геленджикских дольменах, в могильнике Железнодорожный-2 (погребения 2/4 и 2/15) (Аханов, 1961. С. 143, рис. 4: 14; Анфимов, 1981. Рис. 3; Тешев, 1983. С. 211, рис. 2: 15; Анфимов, Пьянков, 1989. С. 22, табл. II: 4; Василиненко и др., 1993. Табл. XV: 4; Лимберис, Марченко, 2014. Рис. 1: 11; 6: 2).

Подводя итоги рассмотрения протомеотских древностей из могильника Шептальское-Левобережное, можно заключить, что круг основных аналогий

вещам, происходящим из погребений могильника, относится к классическому новочеркасскому периоду. Находки этого времени представлены двукольчатыми удилами с шипастым рифлением, «классическими» новочеркасскими псалями, поздними «арочными» лунницами, черпаками с рогатыми выступами на ручках. Об относительно поздней дате свидетельствует и большая часть предметов вооружения, и железных орудий труда. Таким образом, датировать Шептальский могильник можно «классическим» новочеркасским периодом: концом VIII – началом VII вв. до н.э.

Источники и литература

- Анфимов И.Н., 1981. Древнемеотский могильник близ г. Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Анфимов Н.В. 1961. Протомеотский могильник у с. Николаевского // СМАА. Т. 2.
- Анфимов Н.В., Пьянков А.В., 1989. Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты – предки адыгов. Майкоп.
- Аханов А.А., 1961. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. № 1.
- Беглова Е.А., Орловская Л.Б., Сорокина И.А., 1997. Протомеотские древности в Закубанье // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. Т. 1.
- Бжания В.В., Бжания Д.С., 1991. Древний могильник в Гагре. Сухуми.
- Вальчак С.Б., 2009. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М.
- Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В., 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья (Studia Pontocausasica. Vol. I). Краснодар.
- Василиненко Д.Э., Иванов А.А., Тищенко И.Б., 2024. Постдольменные курганы и курган времени перехода от бронзы к железу в составе курганного могильника Пологие Поляны (Апшеронский район Краснодарского края) // Лунинские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции по археологии, локальной истории и музееведению Юга России. Армавир. Вып. 1.

- Воронов Ю.Н., Гунба М.М., 1978. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии // СА. № 2.
- Дубовская О.Р., 1993. Вопросы сложения инвентарного комплекса черноговорской культуры // Археологический альманах. Донецк. № 2.
- Зайцев Ю.П., Кашуба М.Т., Кулькова М.А., Кульков А.М., Тихомирова В.А., Шкрибляк И.И., 2024. Металлические изделия эпохи бронзы – раннего железного века из фондов музея-заповедника «Неаполь Скифский». Находки случайного депонирования (2015, 2018–2023 гг.). СПб.
- Козенкова В.И. 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. В 2-5.
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В 2-5.
- Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. В 2-5.
- Козенкова В.И., 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н. э. М.
- Кубышев А.И., Черняков И.Т. 1986. Грунтовый могильник белозерской культуры у с. Чернянка // СА. № 3.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2014. Новые протомеотские комплексы из Закубанья (могильник Железнодорожный-2). // АВ. № 20.
- Новичихин А.М., 1995. Материалы первой половины I тыс. до н.э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах. Армавир ; Москва. № 1.
- Новичихин А.М., 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетие до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа.
- Потапов В.В. 1999. Черногорские погребения в низовьях левого берега Дона // Донская археология. Ростов-на-Дону. № 1.
- Сазонов А.А., 1995. Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на реке Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп.
- Скорый С.А., 1999. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Техов Б.В. 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.
- Тешев М.К., 1983. Могильник Псыбе – новый памятник поздней бронзы на Северном Кавказе // СА. № 4.
- Трапш М.М., 1969. Труды. Сухуми. Т. 2: Древний Сухуми.
- Чшиев В.Т., 2022. Эльхотовский некрополь – эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Республики Северная Осетия – Алания. Владикавказ.
- Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
- Эрлих В.Р., 2025. Отчет Кавказской археологической экспедиции об исследовании грунтового могильника «Азишский-1» в Республике Адыгея в 2024 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.
- Эрлих В.Р., Гак Е.И., 2020. Древнейшие оловянные бронзы на Северо-Западном Кавказе. Новые данные // Восток (Orientis). № 5.
- Эрлих В.Р., Леонтьева А.С., Абрамова А.Н., 2024. Новый протомеотский могильник в предгорьях Адыгеи // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала. Т. 20. № 2.
- Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В., 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь.

Грунтовые сооружения античного времени на поселении Арматурный завод 1¹

П. А. Украинский², М. Ю. Николаева³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-37-41

Одним из памятников древней культуры местного населения в Западном Закубанье является поселение Арматурный завод 1. Оно было открыто в ходе разведочных работ 2023 г. в Абинском районе Краснодарского края и относится к меотской археологической культуре, занимавшей в I тыс. до н.э. территорию Северо-Западного Кавказа. В 2024 г. поселение изучала Краснодарская археологическая экспедиция ИИМК РАН. В ходе раскопок на участке площадью 13 317 кв. м было открыто 15 археологических объектов и собрана коллекция керамики (2929 предметов) конца VI – III вв. до н.э., в составе которой особенно выделяется античная импортная посуда, поступавшая на поселение в первой половине V – начале III вв. до н.э. (Соловьев и др., 2024. С. 142–158).

Археологический раскоп представлял собой лопатную траншею шириной 39 м, ориентированную по линии северо-восток–юго-запад (рис. 1). Важной топографической особенностью участка является проходящая через его центральную часть железнодорожная ветка с технической насыпью, которая пересекает памятник по направлению юго-восток–северо-запад, разделяя его на два участка – северный и южный. В ходе раскопок на этих участках были открыты грунтовые сооружения (землянки и хозяйственные ямы), а также разнообразный керамический материал, включающий как местную лепную посуду, так и импортную греческую тару.

Грунтовые сооружения меотов (землянки, полуземлянки, хозяйственные ямы) являются характерным элементом их поселенческой структуры.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0012 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ukrajinsky@gmail.com.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: mniklvaa@gmail.com.

Подобные объекты уже исследовались на ряде памятников Закубанья. В конце прошлого столетия А. М. Лесков описывал такие сооружения, исследованные на городище Уляп (Лесков, 1981). В настоящее время также продолжается исследование подобных комплексов. Среди изученных в последнее время памятников меотской культуры можно выделить поселение Чекупс-2 (Баринов, 2022. С. 163–175), а также поселение Фуружан в Крымском районе (Иванов, 2020б. С. 8–20). Аналогичные сооружения известны и на других меотских памятниках, однако их интерпретация часто затруднена из-за слабой сохранности или отсутствия четкой стратиграфии.

В ходе археологических исследований на поселении Арматурный завод 1 были обнаружены четыре землянки (объекты 1, 2, 6 и 8). Эти сооружения имеют округлую форму диаметром от 2 до 6 м и глубиной 0,8–2,5 м (рис. 2–4). Заполнение землянок представлено темно-серым суглинком, в котором зафиксированы многочисленные включения: фрагменты лепной керамики, кости животных, а также угольные прослойки, что может свидетельствовать о хозяйственной деятельности обитателей. Среди находок из заполнения выделяются фрагменты лепных горшков местного производства, а также обломки амфор Хиоса, Фасоса и Гераклеи (см. статью А. С. Цинько в настоящем сборнике). Кроме того, были найдены грузила, возможно связанные с рыболовством или ткачеством. Аналогичные земляночные сооружения известны на таких памятниках, как Уляп и Красновардейское II. В публикациях исследователей (Лесков, 1981; Казакова, 2005. С. 45–60) они интерпретируются как жилые или хозяйственные постройки.

Помимо землянок, на поселении открыто пять ям (объекты 3, 4, 5, 7 и 9), которые имели округлую форму диаметром 1,5–2,5 м и глубину 0,6–1,0 м (рис. 5–7) и были заполнены глинисто-золистым слоем с включениями керамических фрагментов и костей животных. На основании характера заполнения и конструктивных особенностей ям

Рис. 1. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Схема раскопа

Рис. 2. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Объект 6. Разрез заполнения землянки. Вид с севера

Рис. 4. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Объект 8. Разрез заполнения землянки. Вид с севера

Рис. 3. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Объект 2. Землянка. Вид с востока

Рис. 5. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Объект 2. Хозяйственная яма. Вид с севера

Рис. 6. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Объект 3. Хозяйственная яма. Вид с севера

Рис. 7. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Объект 7. Хозяйственная яма. Вид с юга

можно предположить, что они использовались для хранения или утилизации бытовых отходов. Подобные хозяйственные объекты широко распространены на меотских памятниках, в частности на поселении Чекупс-2 (Баринов, 2022), что подтверждает их утилитарное назначение. Таким образом, изученные сооружения отражают как жилую, так и хозяйственную инфраструктуру поселения, демонстрируя характерные черты материальной культуры этого региона.

Керамический материал, обнаруженный на поселении Арматурный завод 1, представляет значительный интерес для изучения хронологии и культурных взаимодействий меотского населения Западного Закубанья с античными центрами Северного Причерноморья. Комплекс включает как местную лепную керамику, так и импортные изделия, что позволяет датировать период активного существования поселения концом VI – IV вв. до н.э. (см. статью А.С. Цинько в настоящем сборнике). В составе лепной керамики меотского производства выделяются характерные формы, имеющие широкие аналогии в регионе. Особый интерес представляют горшки с пальцевыми вдавлениями по

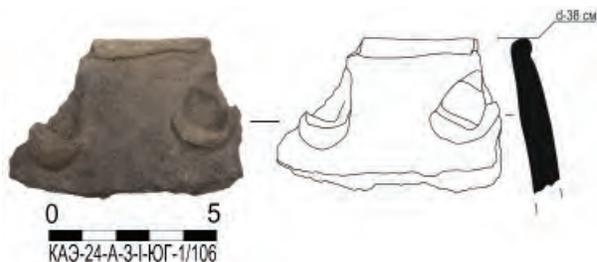

Рис. 8. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Венчик лепного горшка с пальцевыми вдавлениями

краю венчика (рис. 8), относящиеся к раннему этапу меотской культуры. Подобные находки известны по материалам поселений Урочище Самойленко и Шуха-1 (Казакова, 2005. С. 45–52). Другой распространенной категорией посуды являются миски с округлыми стенками и плоским дном (рис. 9), типологически близкие к образцам из синхронных памятников Кубани (Новичихин, 2015. С. 78–83). Эти находки подтверждают устойчивость местных керамических традиций в указанный период.

Не менее важную часть керамического комплекса составляют античные импортные изделия, свидетельствующие о торговых связях местного населения с греческими центрами (рис. 10). Среди амфорного материала выделяются хиосские амфоры V в. до н.э., преимущественно пухлогорлого типа (рис. 11), аналогии которым известны по находкам в Фанагории и Горгиппии (Монахов, 2019).

Рис. 9. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Дно лепной миски

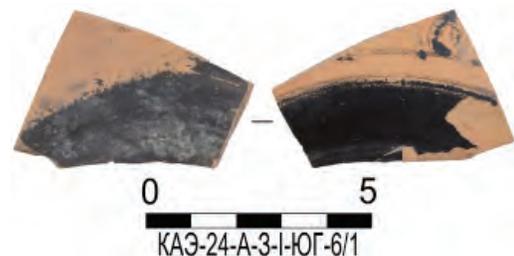

Рис. 10. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Стенка аттического чернофигурного открытого сосуда первой половины V в. до н.э.

Рис. 11. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Горло амфоры. Хиос. Первая половина V в. до н.э.

С. 112–115). В слоях IV в. до н.э. зафиксированы фассосские амфоры, включая тип «Муригиоль», представленный также в материалах могильника «Фурожан» (Иванов, 2020а. С. 15). Кроме того, обнаружены фрагменты гераклейских амфор IV в. до н.э. с клеймами эпонимов (рис. 12), сопоставимые с экземплярами из Семибратнего городища (Федосеев, 2016. С. 52). Наличие разнообразного греческого импорта свидетельствует о том, что поселение Арматурный завод 1 было интегрировано в систему торговых связей между меотами Западного Закубанья и античными центрами Причерноморья. Особенно тесные контакты прослеживаются с такими крупными городами как Фанагория и Горгиппия. Таким образом, керамический комплекс поселения не только позволяет уточнить его хронологию,

Рис. 12. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Клеймо на стенке амфоры. Гераклея. IV в. до н.э.

но и дает важный материал для реконструкции культурных и экономических связей меотского населения в античный период.

Проведенные исследования поселения Арматурный завод 1 позволили получить важные данные о грунтовых сооружениях меотов в античный период. Открытые на поселении землянки и хозяйственные ямы демонстрируют характерные черты местного домостроительства. Землянки, округлые в плане и углубленные в грунт, вероятно, служили жилыми или хозяйственными помещениями, о чем свидетельствуют находки керамики, костей животных и углистых прослоек. Хозяйственные ямы, также округлой формы, могли использоваться для хранения припасов или утилизации отходов, что подтверждается золистым заполнением и фрагментами разбитой посуды. Хронология сооружений, установленная на основе керамического материала, охватывает период с конца VI по III вв. до н.э. Находки импортных амфор (Хиос, Фасос, Гераклея) указывают на активные торговые связи меотов с греческими колониями Северного Причерноморья. При этом местная лепная керамика, включающая горшки с пальцевыми вдавлениями и миски, демонстрирует преемственность традиций, характерных для других меотских памятников Закубанья. Таким образом, материалы поселения Арматурный завод 1 дополняют наши представления о меотской культуре, о типах грунтовых сооружений, их функциональном назначении и хронологии. Дальнейшие исследования подобных памятников позволят глубже понять процессы взаимодействия меотов с античным миром и эволюцию их материальной культуры в контексте греко-варварских контактов.

Источники и литература

- Баринов И.В., 2022. Поселение Чекупс-2: новые данные о меотской культуре // КСИА. Вып. 10.
- Иванов А.В., 2020а. Амфорный импорт IV в. до н.э. из могильника «Фурожан» // КСИА. Вып. 258.
- Иванов А.В., 2020б. Меотский могильник Фурожан // Материалы по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5.
- Казакова Л.М., 2005. Грунтовые сооружения меотов // Древности Кубани. Краснодар. № 12.
- Лесков А.М., 1981. Меоты Закубанья. М.

Монахов С.Ю., 2019. Греческие амфоры в Причерноморье: типология и хронология. Саратов.

Новичихин А.М., 2015. Керамический комплекс меотских поселений Центрального Закубанья IV–III вв. до н.э. // МАИАСП. Т. 7.

Соловьев С.Л., Топоривская М.А., Украинский П.А., Касимов А.Ю., Гарипов А.С., Бараненко П.А., Черткова Н.С., Цинько А.С., 2024. Краткие итоги археологических раскопок в Крымском и Абинском районах Краснодарского края в 2024 г. // Бюллетень ИИМК РАН. № 16.

Федосеев Н.Ф., 2016. Амфорные клейма Гераклеи Понтийской из раскопок Семибратнего городища // БИ. Т. 32.

Античный керамический импорт эпохи поздней классики и эллинизма на поселении Арматурный завод 1¹

А. С. Цинько²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-42-47

Одним из ранних памятников местного меотского населения Западного Закубанья является поселение Арматурный завод 1, которое было обнаружено в результате разведок 2023 г. и исследовалось в 2024 г. Крымской археологической экспедицией ЦСА ИИМК РАН. В слое поселения было выявлено несколько объектов и находки, относящиеся к концу VI – III вв. до н. э. По результатам проведенных работ на раскопе был обнаружен античный керамический импорт первой половины V – начала III вв. до н. э. Находки античной керамики в слое на памятниках местного варварского населения считаются важными хронологическими маркерами. Эти находки фиксируют направления торговых связей античного мира с варварским населением Причерноморья и позволяют реконструировать раннюю историю греко-варварских отношений в регионе. В керамическом комплексе этого поселения, представленном преимущественно лепной посудой (корчаги, ковши, горшки, кувшины, миски), выделяются находки фрагментов импортных керамических сосудов: амфор, лутериев и чернолаковой керамики, что не является частой находкой на поселениях, находящихся в контактных зонах греческого и варварского населения.

В культурном слое поселения было обнаружено 207 профильных античных керамических артефактов (с учетом стенок 1621 фрагмент), что составило 2,3 % (с учетом стенок 18,2 %) от общего количества керамических находок. Из них амфор 189 фрагментов (2,1 % от общего числа находок), чернолаковых сосудов 10 (0,1 % от общего числа находок) и толстостенной керамики (лутерии) восемь (0,02 % от общего числа находок). В культурном

слое основное количество античного керамического материала распределено достаточно равномерно по всему раскопу. Небольшое количество античного материала (15 профильных фрагментов амфор, лутерия и чернолаковой керамики) было обнаружено в заполнениях объектов 2 и 6.

Самая многочисленная и наиболее хронологически информативная группа античной импортной керамики на раскопе – амфоры – включает 89 профильных фрагментов. (с учетом стенок 1599 фрагментов). Амфорный материал представлен фрагментами сосудов следующих центров: Хиос, Фасос, Книд, Менда, Кос, Гераклея и Синопа.

К ионийскому импорту относятся хиосские амфоры (34 обломка венчиков, ножек и ручек сосудов). В основном хиосские амфоры представлены пухлогорлым типом развитого варианта (рис. 1: 1–9), также зафиксированы прямогорлые хиосские амфоры типа «ботрос» (рис. 1: 10). В целом хиосские амфоры датируются второй четвертью – последней четвертью V в. до н. э. (Монахов и др., 2019. С. 79, 80, Ch. 18–22; С. 89, 91, Ch. 38, 41).

Продукция полисов Северной Эгеиды представлена амфорами Фасоса и его круга и Менды. Амфоры Фасоса включают 64 обломка венчиков, ножек и ручек амфор. Большинство фрагментов относится к конически-биконическому типу серии П-В-2 (рис. 2: 1–7) и датируются в целом серединой IV в. до н. э. (Монахов и др., 2022. С. 84–86; Монахов и др., 2023. С. 51). Амфоры круга Фасоса представлены типом «Муригиоль» (рис. 2: 8) первой половины IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 80, 285, табл. 55). Амфоры Фасоса обнаружены также в погребениях третьей четверти IV в. до н. э. в меотском могильнике «Фурожан» в Крымском районе (Иванов, 2020. С. 15, рис. 39: 1, 2).

Амфоры Менды представлены 16 венчиками, ручками и ножками сосудов и относятся к типу на рюмкообразной ножке вариантов «портичелло» и «мелитопольский» (рис. 3: 1–7), которые датируются первой третью IV в. до н. э. (Монахов

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0012 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. Россия. E-mail: a.tsinko-arheo@yandex.ru.

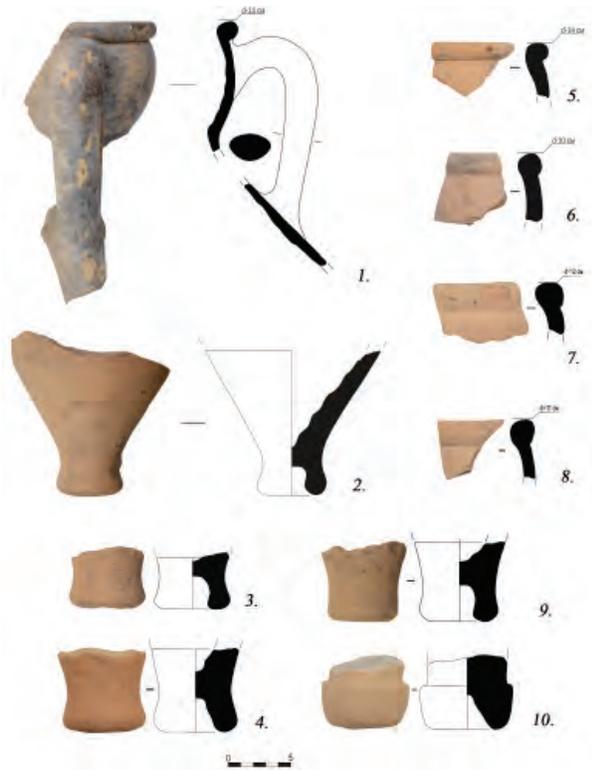

Рис. 1. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Амфоры Хиоса

Рис. 2. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Амфоры Фасоса и его круга

Рис. 3. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Амфоры Менды

и др., 2022. С. 97–102, Мд. 6–14). К данной группе амфор относится также анэпиграфное энглифическое клеймо в виде креста или буквы «хи» на ручке амфоры (рис. 3: 1)³ (Кац, 2007. С. 171, рис. 31: 7). Аналогичный штамп имеется на целой амфоре варианта II-C («мелитопольский») 380-х гг. до н.э. из Прикубанского некрополя (Монахов и др., 2021. С. 146, Мд. 21).

Амфоры центров Дориды представлены керамической тарой Книда и Коса. Все фрагменты квидских амфор относятся к типу с высоким горлом и грибовидным венцом (рис. 4: 1, 2) и типу с коническим горлом и кубаревидной ножкой (рис. 4: 3–6) и датируются в целом третьей четвертью – последней третью IV в. до н.э. (Монахов и др., 2022. С. 133, 134, Кп. 2, 3; С. 137, 138, Кп. 9–12). Амфоры Коса представлены пятью фрагментами ручек и венчиков сосудов типа I раннего и позднего вариантов (рис. 4: 7, 8), которые датируются серединой – второй половиной IV в. до н.э. (Монахов, 2014. С. 199, рис. 2.4.; С. 205, 206, рис. 4; 5).

Продукция причерноморских центров–экспортеров представлена амфорами Гераклеи и Синопы. К амфорам синопского производства относятся 20 венчиков, ножек и ручек сосудов. В целом

³ Выражаю благодарность ст. н. с. Отдела истории античной культуры ИИМК РАН Н.А. Павличенко за определение амфорных клейм.

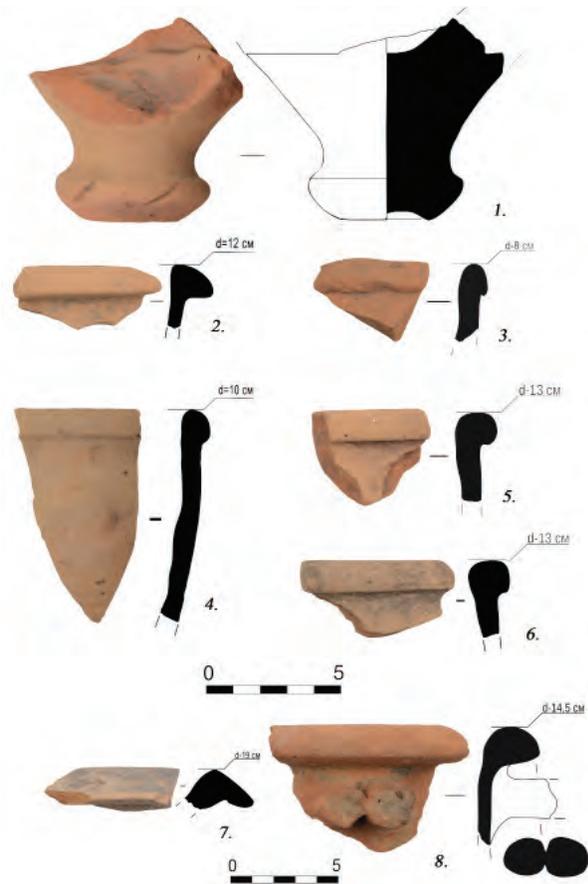

Рис. 4. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Амфоры Книда и Коса

амфоры производства Синопы относятся к типам I-D и II-C (рис. 5: 1–3) и датируются второй половиной IV в. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 26, Sn. 7; С. 271, Sn. 27). Группа амфор Гераклеи Понтийской насчитывала 15 фрагментов венчиков, ножек и ручек. Фрагменты гераклейских сосудов относятся к амфорам типов IA и II (рис. 5: 4–7), которые датируются второй половиной IV в. до н.э. (Монахов и др., 2024. С. 130, Нр. 32; С. 132, Нр. 35). К данной группе амфор относится также клеймо на горле амфоры (рис. 5: 5):

Ἀρίστω[νο(ς)]
[ἐπ]ὶ Ἀπολλῶ(νίου)

Эпоним Аполлоний 2 относится к хронологической группе VA В.И. Каца и датируется им 320-ми гг. до н.э. (Кац, 2007. С. 430; Федосеев, 2016. С. 52, № 180–189). Этот штамп известен в том числе для Семибратнего городища (Зегебарт, 1990. С. 45–55, 201–204). Как и фасосские амфоры, амфоры Гераклеи были также обнаружены в погребениях второй–третьей четверти IV в. до н.э. в могильнике «Фурожан» в Крымском районе (Иванов, 2020. С. 15, рис. 39: 3–11).

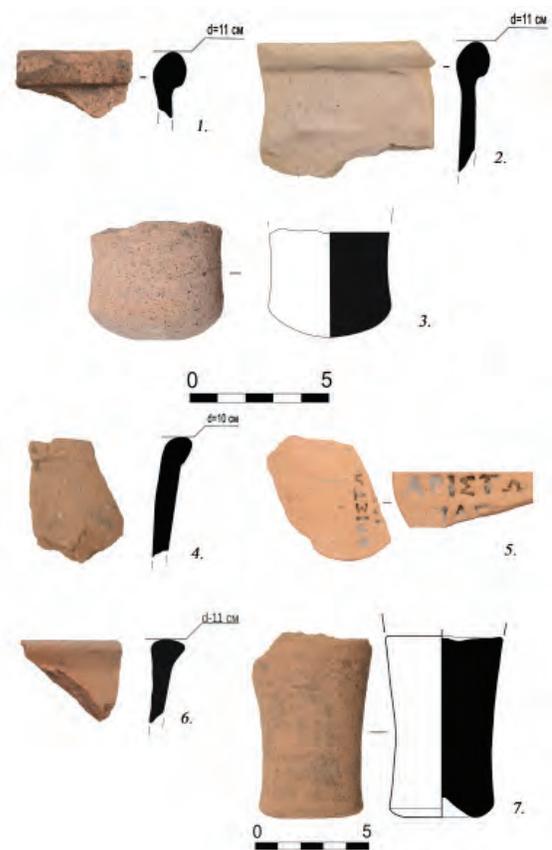

Рис. 5. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Амфоры Синопы и Гераклеи Понтийской

Кроме амфор с установленными центрами производства, было найдено 23 профильных фрагмента сосудов, в основном представленных ручками амфор, для которых можно говорить лишь в целом об их средиземноморском, южно-понтийском или восточно-средиземноморском происхождении. Установить конкретные центры их производства оказалось невозможным. В целом массовый амфорный материал, обнаруженный во время раскопок на поселении, датируется античным временем и охватывает вторую четверть – последнюю четверть V – начало III вв. до н.э. Датировка обоих керамических клейм укладывается в общую хронологическую картину памятника, полученную на основе анализа морфологических признаков амфорного материала.

В слое поселения Арматурный Завод-1 также было обнаружено небольшое количество фрагментов чернолаковой керамики аттического производства, что не является частой находкой на варварских поселениях на окраине контактных зон греческого и варварского населения. Среди фрагментов чернолаковой керамики было выделено

10 профильных фрагментов, которые принадлежали открытым сосудам: киликам, скифосам или чашам. Судя по качеству лака, значительная часть находок имела аттическое происхождение. На нескольких фрагментах лак почти не сохранился, что говорит о том, что сосуды, вероятнее всего, находились в употреблении в течение продолжительного промежутка времени.

В слое были обнаружены ручки и венчики киликов (рис. 6: 1, 3, 8, 9). Представлен фрагмент прямо поставленного и слегка отогнутого наружу венчика килика на ножке аттического производства (рис. 6: 3). К этому же типу килика относится и фрагмент ножки (рис. 6: 2). Б. Спарк и Л. Талькотт относят эти сосуды к типу С (Concave lip) и датируют их 480–450 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 109, № 413). Аналогичные килики встречаются на Таманском полуострове в комплексах второй четверти V в. до н.э., в Закубанье в закрытых комплексах первой половины V в. до н.э. могильников района Анапы (у хутора Рассвет, Красный Курган и Воскресенского), на некрополе у аула Уляп (Кашаев, 2009. С. 228–237, рис. 3.1; 6.2, 12.4.; Новичихин, 2006. С. 41, рис. 44; Лесков

и др., 2005. С. 50, рис. 204: 1; 42, рис. 124: 5а; 23, рис. 50: 3). Интересен фрагмент венчика с частью ручки чернолакового килика типа «bolsal» аттического производства (рис. 6: 1), который находит аналогии в материалах Афинской агоры второй четверти V в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 107, 108, № 558). Подобные сосуды встречены на Таманском полуострове в материалах некрополей Артющенко-2 и Волна-1 (Кашаев, 2013. С. 210, рис. 8.2; Цокур и др., 2022. С. 31, рис. 51.2), а также в материалах грунтовых могильников правобережья Кубани (Лимберис, Марченко, 2012. С. 47, рис. 25: 9). Сохранился фрагмент дна скифоса, который датируется 500–480 гг. до н.э. (Егорова, 2014. С. 184, 185, рис. 6.11; 2017. С. 16, табл. 1: 6, 2: 7; Лесков и др., 2005. С. 18, рис. 34: 6б). Также обнаружены небольшие фрагменты стенок с чернофигурной росписью (рис. 6: 5, 6), но их сохранность не позволяет определить сюжет росписи и тип сосуда. К чернолаковой импортной керамике также следует отнести небольшой фрагмент ручки закрытого сосуда, скорее всего небольшой ольпы (рис. 6: 7). В целом данные фрагменты чернолаковой керамики датируются первой половиной V в. до н.э.

Следующей группой античного керамического импорта на поселении являются лутерии (рис. 7: 1–4). Всего было обнаружено восемь венчиков таких сосудов. Большие открытые сосуды хозяйственного назначения, лутерии или *mortaria*, являются существенным элементом античной материальной культуры. Ряд исследователей считают, что термин *mortarium* предполагает использование

Рис. 6. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Чернолаковая керамика

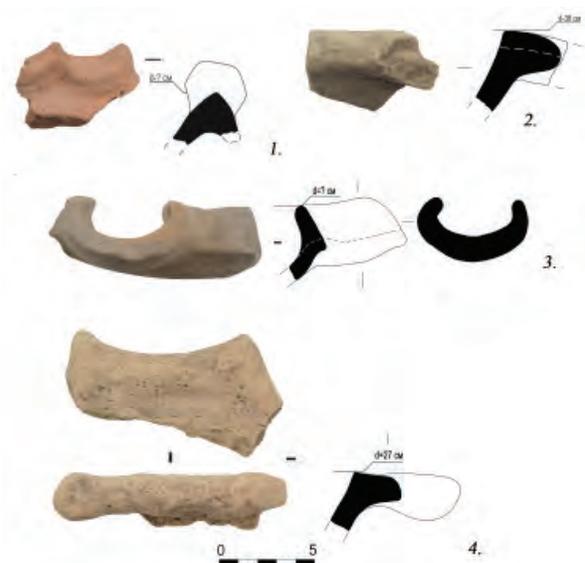

Рис. 7. ОАН «Поселение Арматурный завод 1». Лутерии

сосуда в качестве ступы, в которой можно было растирать не только зерно, но и вареные овощи и бобы. С этой целью внутренняя поверхность сосудов делалась шероховатой. Подчеркивается удобство применения этой посуды для приготовления творога. Такое использование сосуда обусловило употребление рядом исследователей термина *pelvis* (таз). Подобные сосуды могли использоваться на кухне для приготовления соусов, а также распространенной римской закуски *moretum* (Dana, 2021. С. 318, 319). Большинство современных исследователей придерживается тезиса о многоцелевом использовании посуды этого типа (Голофаст, 2013. С. 212; Ефремов, Колесников, 2021. С. 369–372). Все лутерии, обнаруженные при раскопках на поселении, принадлежат группе синопских. Глина их подобна глине других синопских керамических изделий – светлая, розоватого оттенка с пироксеном. Среди них преобладают типы с характерной орнаментацией края в виде выдавленных пальцем углубленных лунок. Выделяется несколько разновидностей венчиков: подтреугольных очертаний, в форме сильно удлиненного овала, уплощенные выпукло-вогнутые. Под венчиками часто имеется желобок. Обломки подобных лутериев встречаются в Пантикапее, Фанагории, а также в Феодосии и Горгиппии, что подтверждает их широкое распространение. В Северном Причерноморье синопские лутерии происходят из комплексов III–I вв. до н.э. (Tolstikov, Zhuravlev, 2004. P. 271, 275, рис. 95: 7, 98: 9; Алексеева, 1997. С. 122–124, табл. 53: 26–31, 56, 16–19).

Поселение Арматурный Завод-1, расположенное в Западном Закубанье в зоне контактов греков и местного населения, – не единственный памятник, где встречается греческий керамический импорт. В последнее время в Крымском и Абинском районах было исследовано несколько памятников, где античный импорт был найден вместе с керамикой местного населения. В 2018–2019 гг. был исследован памятник «Поселение Чекупс-2», на котором было обнаружено 485 объектов. В них был встречен античный керамический импорт конца VI–III вв. до н.э., который был представлен амфорным материалом, чернолаковой керамикой, лутериями и мортарами, а также импортной столовой красноглиняной и сероглиняной керамикой (Баринов, 2022. С. 163).

В 2020 г. был исследован курган № 2 курганный группы «Фурожан-3», где были открыты погребения относящиеся к протомеотскому времени и меотские захоронения в грунтовом могильнике IV в. до н.э., совершенные на кургане и прилегающей к нему территории. В некрополе было обнаружено

35 экземпляров импортных сосудов греческого производства, что составило более 20 % от общего количества посуды (Иванов, 2020. С. 8). Амфоры были встречены в 35 погребениях, также были обнаружены чернолаковая керамика, импортная столовая красноглиняная и сероглиняная посуда (Иванов, 2020. С. 12–16). В этом же году были проведены раскопки на поселении Крымское-3, где в нижних слоях поселения был выявлен материал поднеклассического и эллинистического времени, представленный амфорной тарой, небольшим количеством столовой сероглиняной и красноглиняной посуды. Транспортные амфоры представлены продукцией основных античных центров-экспортеров на рынках Азиатского Боспора в IV в. до н.э., такими как Хиос, Самос, Фасос, Книд и Гераклея. Кроме того, был обнаружен комплекс с гераклеяской амфорой с клеймом нового гераклеяского эпонима Мириллы, относящийся к последней трети IV в. до н.э. (Павличенко и др., 2024. С. 122–133).

Надо полагать, импортная античная посуда, найденная на поселении Арматурный Завод-1 попала туда по торговым путям, которые связывали греческие поселения-эмпоррии и варварский мир. Наличие античного импорта на поселении свидетельствует о том, что местное население начиная с раннеантичного времени было, по крайней мере до некоторой степени, вовлечено в товарообмен с греками. Таким образом, античный керамический импорт на поселении представляет интерес для изучения существования межкультурных контактов между местным населением Западного Закубанья и пришлым (греческим) населением.

В целом импортный керамический материал, обнаруженный во время раскопок на поселении, датируется античным временем и охватывает первую половину V – начало III вв. до н.э. Он отражает динамику поступления импорта из разных центров античного мира на территорию Западного Закубанья. На раннем этапе, включающем амфоры первой половины V в. до н.э., сюда в основном поступала продукция Хиоса. К концу V – IV в. до н.э. к нему прибавляются другие центры, в особенности Менда, Фасос, Синопа, Гераклея, а также Книд и Кос. В начале III в. до н.э. античный импорт на поселение прекращается.

Источники и литература

Алексеева Е. М., 1997. Античный город Горгиппия. М.

- Баринов Д.Г., 2022. Отчет об охранных раскопках «Поселения Чекупс-2» в Крымском районе Краснодарского края в 2018–2019 гг. Энгельс // Архив ИА РАН.
- Голофаст Л. А., 2013. Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ. Вып. XXVIII.
- Егорова Т.В., 2014. Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н.э. из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. // ДБ. Вып. 18.
- Егорова Т.В., 2017. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина: научный каталог. М.
- Ефремов Н.В., Колесников А.Б., 2021. К находке клейменого римского мортария в Пантикапее: новый источник о римском военном присутствии на Боспоре // АМА. Вып. 20.
- Зегебарт К., 1990. Археологические данные о торговых связях Гераклеи Понтийской с населением Нижнего Прикубанья (IV–III вв. до н. э.) // Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Иванов А.В., 2020. Меотский могильник «Фурожан» в Западном Закубанье. Краснодар.
- Кашаев С.В., 2009. Некрополь Артющенко-2 // БИ. Т. 22.
- Кашаев С.В., 2013. Погребения с амфорами в некрополе Артющенко-2 // АМА. Вып. 16.
- Кац В.И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь
- Лесков А. М., Беглова А. Е., Ксенофонтowa И. В., Эрлих В.Р., 2005. Меоты Закубанья в середине VI – начала III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.
- Лимберис Н. Ю., Марченко, И. И., 2012. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар.
- Монахов С.Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. Москва; Саратов.
- Монахов С.Ю., 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. Кишинев ; СПб. № 3.
- Монахов С. Ю., Кузнецова, Е. В., Чистов, Д. Е., Чурекова Н.Б., 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э.: каталог. Саратов.
- Монахов С.Ю., Марченко И. И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III вв. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына). Саратов.
- Монахов С.Ю., Марченко И. И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б., 2022. Амфоры VII–I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына. Саратов.
- Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Новиченкова Н. Г., Чурекова Н.Б., 2023. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Саратов.
- Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Ланцов С.Б., Чурекова Н.Б. 2024. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собраний музеев г. Евпатория и пос. Черноморское. Саратов.
- Новичихин А.М., 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа.
- Павличенко Н. А., Соков П. В., Цинько А. С., 2024. Комплекс с гераклейской амфорой на поселении Крымское-3 // АВ. № 42.
- Федосеев Н.Ф., 2016. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Керчь.
- Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В., 2022. Некрополь Волна 1 эпохи архаики – эллинизма на Тамани. М. Т. 1.
- Dana M., 2021. La correspondance grecque privée sur plomb et sur tesson Corpus épigraphique et commentaire historique // Vestigia beiträge zur alten geschichte. München. Bd. 73.
- Sparkes B.A., Talcott L., 1970. Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. New Jersey; Princeton. Vol. 12.
- Tolstikov V., Zhuravlev D., 2004. Hellenistic Pottery from Two Cisterns on the Acropolis of Panticapaeum // Στ επιστημονικη συναντηση για την ελληνιστικη κεραμικη. Αθηνα.

Амфорный импорт позднеклассического и эллинистического времени на поселении Ястребовское-Бережное-1¹

Н. А. Павличенко², А. С. Цинько³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-48-60

Поселение Ястребовское-Бережное-1 расположено на территории Абинского района Краснодарского края в 0,83 км к юго-востоку от перекрестка ул. Центральная и ул. Вишневая х. Ястребовский. Этот памятник был выявлен в апреле 2023 г. сотрудниками ООО «Южархеология», и в апреле–октябре 2024 г. Краснодарской археологической экспедицией ЦСА ИИМК РАН на его территории были проведены охранно-спасательные археологические раскопки. В ходе проведенных работ на раскопе общей площадью 33 873 кв. м были изучены культурные напластования общей мощностью до 1,9 м и археологические объекты, отнесенные в основном к V в. до н. э. – эпохе Средневековья. В ходе проведенных работ была обнаружена античная амфорная тара второй половины VI – начала III вв. до н. э.

Ранний период становления греко-варварских отношений занимает особое место в современной науке. Особенный интерес вызывает вопрос, связанный с определением начала поступления и времени бытования античного импорта на варварских поселениях Западного Закубанья. Амфорный импорт на поселении Ястребовское-Бережное-1 заслуживает особого внимания, поскольку для эпохи раннего железа он является одним из основных

хронологических маркеров, а также позволяет определить направления торговых связей античного мира с варварским населением. В связи с этим важны новые материалы, полученные в последние годы, в том числе и на данном поселении.

Ранний керамический импорт, встреченный на памятнике Ястребовское-Бережное-1, представлен несколькими видами столовой посуды, а также амфорами Клазомен, Северной Эгеиды (Протофасос), Лесбоса, Милета, Самоса и Хиоса. В эллинистическое время на территорию поселения продолжают поступать амфоры Хиоса и к ним прибавляется продукция производства Фасоса, Менды, Гераклеи, Книда, Синопы, Аканфа и Коса.

Среди находок античной керамики на этом поселении амфоры представляют самую многочисленную группу материала, которая насчитывает 2946 профильных фрагментов (с учетом стенок 23 186 фрагментов), что составило 1,5 % (с учетом стенок 12 %) от общего числа массового материала. На поселении были зафиксированы большей частью хозяйственные ямы, ямы-глиница, развалы сосудов и очаги, скопления керамики и костей, при расчистке которых было обнаружено 412 профильных фрагментов амфор. В некоторых объектах были обнаружены либо целые формы в развалах, либо большое количество фрагментов греческой керамики. Так, на объект 7 (хозяйственная яма) приходится 141 фрагмент амфорного материала. Основное количество амфорного керамического материала в культурном слое распределено достаточно равномерно по всему раскопу, а все максимальные пики увеличения количества амфорного материала фиксируются в квадратах, где были обнаружены объекты.

Ионийский амфорный импорт представлен сосудами Клазомен, Хиоса, Милета и Эрифр. Амфоры Клазомен представлены четырьмя венчиками и ножками, которые относятся к пифоидному типу и датируются третьей четвертью VI в. до н. э. (Монахов и др., 2020. С. 121, 122, К1. 1–3) (рис. 1). Все венчики амфор окрашены коричневой краской.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0010 «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (Н. А. Павличенко), «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (А. С. Цинько).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры. E-mail: nat.pavlichenko@gmail.com.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. Россия. E-mail: a.tsinko-arheo@yandex.ru.

Рис. 1. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Клазомен

Хиосские амфоры представлены 425 фрагментами: венчиками, ручками и ножками сосудов (рис. 2; 3). В основном хиосские амфоры относятся к пухлогорлому типу развитого варианта (рис. 2: 2–11), также зафиксированы прямогорлые хиосские амфоры типа «ботрос», амфоры конического типа с протоколпачковой и колпачковой ножкой (рис. 3). Кроме этого, встречены венчики амфор пухлогорлового типа раннего варианта (рис. 2: 1), которые снаружи и внутри окрашены бурой лакообразной краской (Монахов и др., 2020.

Рис. 2. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Хиосские амфоры

Рис. 3. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Хиосские амфоры

С. 87, Ch. 3). В целом хиосские амфоры датируются последней третью VI – первой третью IV вв. до н.э. (Монахов и др., 2019. С. 79–80, Ch.18–22; С. 89, 91, Ch. 38, 41; 2020. С. 91–95, 109–113, Ch. 6–11, 25–29).

Амфоры Милета представлены двумя венчиками, которые относятся к архаическому типу и датируются третьей четвертью VI в. до н.э. (Монахов и др., 2024. С. 88, ЕКМ.М.1) (рис. 4: 1, 2).

Амфоры Эрифр представлены четырьмя ножками, относятся к варианту II-A и датируются третьей четвертью IV в. до н.э. (Монахов и др., 2016. С. 115, Ег. 1) (рис. 4: 3, 4).

Амфоры Эолийских центров (Лесбос и круг Лесбоса) представлены 11 фрагментами (ручками, ножками и венчиками), которые относятся к архаическому типу, существовавшему в последней трети VI – начале V вв. до н.э. (Монахов и др., 2020. С. 120, LR. 7) (рис. 5).

Амфоры центров Северной Эгеиды представлены сосудами на сложнопрофилированной ножке (протофасосская серия) (рис. 6; 7). Было обнаружено

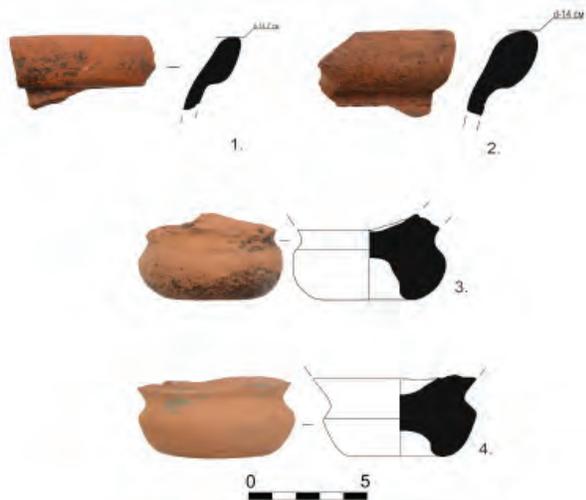

Рис. 4. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Милета и Эрифр

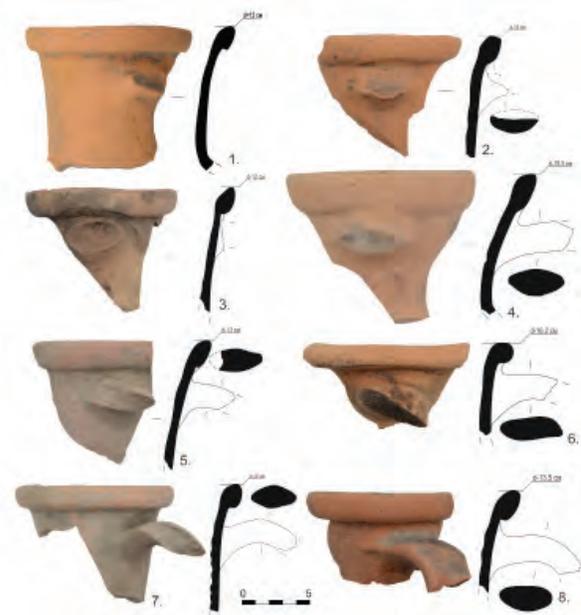

Рис. 6. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры на сложнопрофилированной ножке (протофасосская серия)

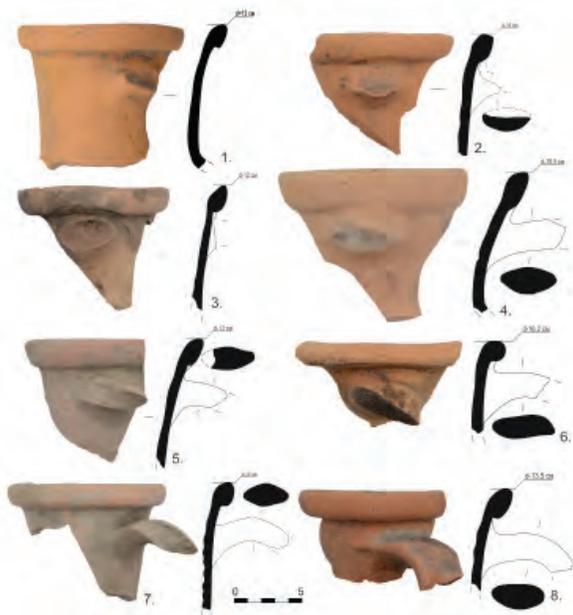

Рис. 5. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Лесбоса

Рис. 7. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры на сложнопрофилированной ножке (протофасосская серия)

64 фрагмента: венчики, ручки и ножки. Все они относятся к III серии и датируются концом VI – началом V в. до н.э. (Монахов и др., 2019. С. 115, На. 6).

Продукция полисов Северной Эгеиды представлена также амфорами Фасоса и его круга и Менды. Амфоры Фасоса насчитывают 1241 фрагментов: венчиков, ножек и ручек амфор (рис. 8; 9). Большинство фрагментов относятся к коническому

биконическому типу серии II-B-2 и датируются в целом серединой IV в. до н.э. (Монахов и др., 2022. С. 84–86; 2023. С. 51) (рис. 8). Также встречен фрагмент ножки амфоры пифоидного типа, который датируется концом VI – началом V вв. до н.э. (Монахов, 2003. С. 264, табл. 35) (рис. 9: 1). Амфоры

Рис. 8. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Фасоса

Рис. 9. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Фасоса и его круга

круга Фасоса представлены типом «Муригиоль» первой половины IV в. до н.э. (рис. 9: 3, 4), типом с цилиндрическим горлом конца V в. до н.э. (рис. 9: 6) и типом «с раздутым горлом» (рис. 9: 2) третьей четверти V в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 284, 285, табл. 54, 55; Монахов и др., 2022. С. 95). Интересна находка ножки амфоры круга Фасоса типа «Лепетиха», который датируется серединой 60-х г. IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 83, табл. 57: 1) (рис. 9: 5).

Амфоры Менды представлены 49 венчиками, ручками и ножками сосудов и относятся к типу на рюмкообразной ножке вариантов «портичелло» и «мелитопольский» (рис. 10; 11), которые датируются первой третью IV в. до н.э. (Монахов и др., 2022. С. 97–102, Мд. 6–14).

Амфоры центров Дориды представлены керамической тарой Книда и Коса. Все фрагменты книдских амфор относятся к типу с высоким горлом и грибовидным венцом и типу с коническим горлом и кубаревидной ножкой и датируются в целом третьей четвертью – последней третью IV в. до н.э. (рис. 12; 13). Всего было обнаружено 289 венчиков, ручек и ножек сосудов (Монахов и др., 2022. С. 133, 134, Кп. 2, 3; 137, 138, Кп. 9–12). Амфоры

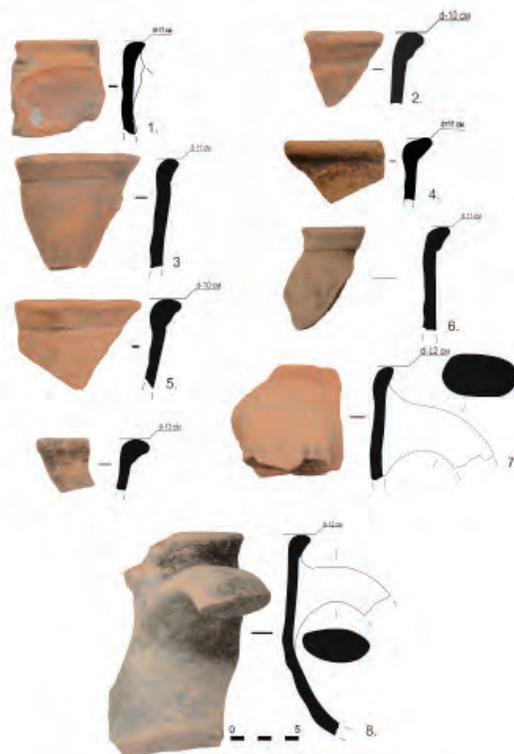

Рис. 10. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Менды

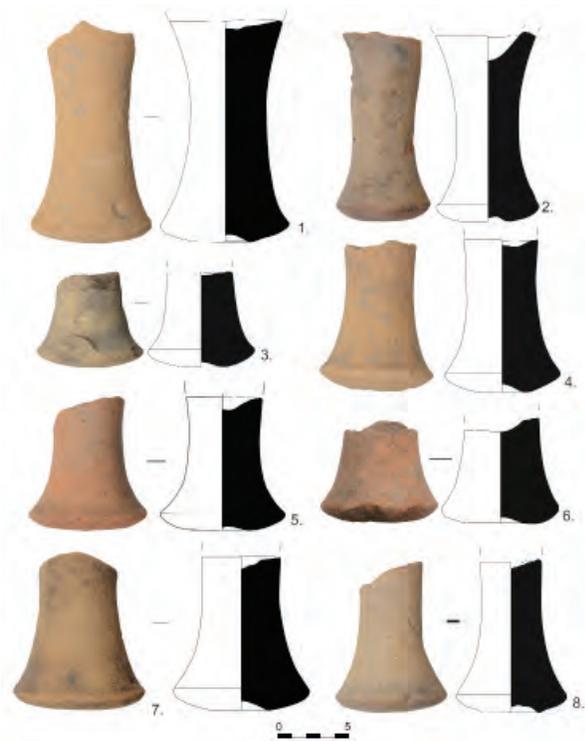

Рис. 11. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Менды

Рис. 13. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Книда

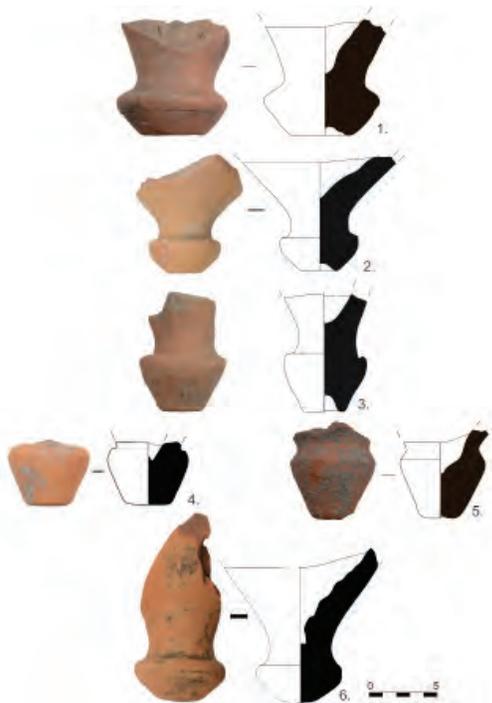

Рис. 12. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Книда

Коса представлены 49 ручками, ножками и венчиками сосудов типа I раннего и позднего вариантов (рис. 14), которые датируются серединой – второй половиной IV в. до н. э. (Монахов, 2014. С. 199, рис. 2.4.; 205, 206, рис. 4, 5).

Продукция причерноморских центров-экспортеров представлена амфорами Гераклеи, Колхиды и Синопы. К амфорам синопского производства относятся 521 венчиков, ножек и ручек сосудов (рис. 15; 16). В целом амфоры производства Синопы относятся к типам I-D и II-C и датируются второй половиной IV в. до н. э. (Монахов и др., 2021. С. 26, Sn. 7; 271, Sn. 27). Группа амфор Гераклеи Понтийской насчитывала 231 венчиков, ножеу и ручек (рис. 17; 18). Фрагменты гераклейских сосудов относятся к амфорам типов IA и II, которые датируются второй половиной IV – началом III вв. до н. э. (Монахов и др., 2024. С. 130, Нр. 32; 132, Нр. 35). Амфоры Колхиды представлены тремя ножками и венчиком (рис. 19). Подобные амфоры датируются серединой – второй половиной IV в. до н. э. (Цецхладзе, 1992. С. 93, рис. 1).

Рис. 14. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Коса

Рис. 16. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Синопы

Рис. 15. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Синопы

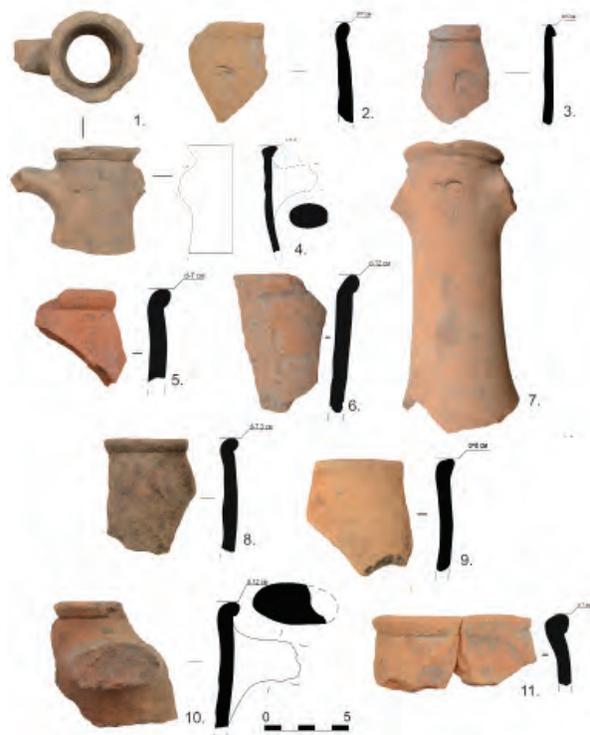

Рис. 17. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Гераклеи

Рис. 18. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Гераклеи

Кроме амфор с установленными центрами производства, было найдено 123 профильных фрагмента сосудов, в основном представленных ручками амфор, для которых можно говорить лишь в целом об их средиземноморском, южно-понтийском или восточно-средиземноморском происхождении. Установить конкретные центры их производства оказалось невозможным.

В целом массовый амфорный материал, обнаруженный во время раскопок на поселении, датируется античным временем и охватывает V – конец первой трети III вв. до н.э. Кроме того, отмечены фрагменты более ранних амфор производства Лесбоса, Клазомен, Милета, протофасосских амфор, Фасоса, Хиоса и Менды, которые могут быть отнесены к концу VI – началу V вв. до н.э. Общую хронологическую картину памятника, полученную на основе анализа морфологических признаков

Рис. 19. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Амфоры Колхиды

амфорного материала, подтверждают также данные найденных там амфорных клейм (всего 42 экз.). По центрам производства они распределяются следующим образом: Хиос 2 экз., Фасос 9 экз., Менда 4 экз., Аканф 1 экз., Книд 1 экз., Гераклея 9 экз., Синопа 9 экз., Херсонес 1 экз. (см. Каталог).

Хиосские клейма представляют собой энглифические кружки на основании ручек колпачковых амфор типа VB первой – третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов и др., 2019. С. 95, Ch. 49) (Кат. 1; 2, рис. 20: 1, 2). Самым ранним фасосским штампом является круглое клеймо эпонима первой хронологической группы Сатира 390-х гг. до н.э. (Кат. 3, рис. 20: 3). Остальные эпонимы Κλεῖτος, Φανок(--), Μεσσ(--), Αρχέστρατος и Πυθίων 1, которые датируются по хронологической схеме Ч. Цочева временем с середины 350-х по середину 330-х гг. до н.э. (Tzocher, 2016. P. 84, tabl. 2) (Кат. 4–9, рис. 20: 4–9). Примерно к этому же времени относятся клейма Менды (Кат. 13–16, рис. 21: 13–16). Единственное книдское клеймо не может быть определено из-за плохой сохранности (Кат. 17, рис. 21: 17). Клеймо Аканфа представлено также одним экземпляром (Кат. 12, рис. 21: 12).

Рис. 20. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Клейма на амфорах: 1, 2 – Хиос, 3–11 – Фасос

Рис. 21. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Клейма на амфорах: 12 – Аканф, 13–16 – Менда, 17 – Книд, 18–23 – Гераклея

Дискуссия о хронологическом определении клейм этого центра длится уже долгое время. И. Гарлан датирует их временем ок. 340–310 г. до н.э. (Garlan, 2006. Р. 269), а С. Ю. Монахов – 380–330 гг. до н.э. (Монахов и др., 2023. С. 18). Большая часть клейм Гераклеи Понтийской датируется тем же временем, что и фасосские штампы, то есть второй и третьей четвертью IV в. до н.э., это эпонимы Ἀρίστων, Εὐχεΐτίων (по-видимому, в сочетании с фабрикантом Κόας его имя встречается впервые), Σκύ(θα)ς, Καλλίας, Λυσίθεος, Σάτυρος (Кат. 18–23, рис. 21: 18–23). Один оттиск принадлежит эпониму 320-х гг. до н.э. Δημόκράτης (Кат. 24, рис. 22: 24), а позднейшим является клеймо фабриканта Φιλίσκος (Кат. 25, рис. 22: 25), которого В.И. Кац относит к «поздней фабрикантской группе» и датирует концом IV – началом III в. до н.э. Наконец, к последнему этапу жизни на поселении относятся синопские амфоры с клеймами астиномов Ἠρόνυμος 1, Αλατούριος ὁ Ἄττα, Θεωδώριδης, Ἄτταλος, Ἐστιαῖος 1, которые датируются последней четвертью IV – первой четвертью III вв. до н.э. (Кат. 27–31, рис. 22: 27–31). Единственное херсонесское клеймо – желобчатое и, вероятнее всего, принадлежит первой

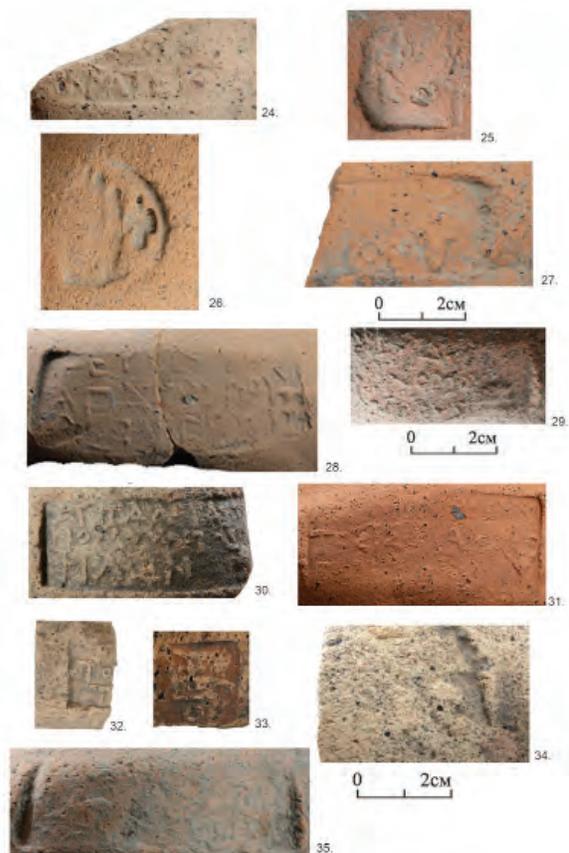

Рис. 22. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Клейма на амфорах: 24–26 – Гераклея, 27–35 – Синопа

хронологической группе В.И. Каца (325–287 г. до н.э.) (Кац, 2007. С. 442) (Кат. 36, рис. 23: 36). К неизвестным центрам производства относятся шесть экз. (Кат. 37–42, рис. 23: 37–42).

Среди поселений Западного Закубанья поселение «Ястребовское-Бережное-1» не единственное, где встречается античная амфорная тара. За последние десять лет в результате масштабных археологических работ были исследованы памятники в Абинском и Крымском районах, где амфорный импорт был обнаружен вместе с керамикой местного варварского производства. Еще в 2011 г. А.В. Иванов опубликовал информацию о выявленных им двух небольших меотских поселениях, в подъемном материале с которых был обнаружен амфорный материал IV в. до н.э. (Иванов, 2011. С. 63–67). В 2013 г. проводились раскопки на поселении Красное-1, где в культурном слое имелся в том числе амфорный материал первой половины VI – IV вв. до н.э. (Яцук, 2014. С. 4–6). В результате проведенных спасательных археологических работ в 2018–2019 гг. на территории поселения Чекупс-2, расположенного в Крымском районе, был обнаружен материал, относящийся к разным культурно-хронологическим периодам. В результате работ удалось выяснить, что наиболее активно данная территория использовалась с VI в. до н.э. по III в. В этот период вокруг поселения сооружается оборонительный ров глубиной до 2 м и шириной до 2,6 м, были обнаружены многочисленные хозяйственные ямы, скопления керамики, небольшие каменные кладки, хозяйственные постройки, окружающие поселение полукольцом. На поселении исследовано 485 античных объектов, в заполнении которых был обнаружен многочисленный амфорный материал V–III вв. до н.э. (Баринов, 2022. С. 4, 5).

Рис. 23. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Клейма на амфорах: 36 – Херсонес, 37–42 – неопределенные центры

Амфорный материал на поселении был представлен целыми амфорами или их фрагментами, часть из них с клеймами на ручках и стенках, дипинги и граффити. На поселении были обнаружены амфоры на сложнопрофилированных ножках, хиосские амфоры, амфоры Клазомен, Милета и эолийских центров производства, амфоры Коринфа, Самоса, Фасоса и Аканфа, Менды, Книда, Гераклеи и Синопы, Икоса, Родоса, Пепарета и Коса. Среди находок были две археологически целые амфоры: хиосская пухлогорлая амфора 80–70 гг. V в. до н.э. и гераклеяская амфора 50-х гг. IV в. до н.э. (Баринов, 2022. С. 118–128). В 2020 г. была исследована курганный группа «Фурожан-3», где в кургане № 2 были открыты погребения, относящиеся к IV в. до н.э. Амфоры были встречены в 35 погребениях и относились к таким центрам производства как Гераклея, Фасос, Синопа и пр. (Иванов, 2020. С. 12–16). В этом же году были проведены раскопки на поселении Крымское-3, где в нижних слоях поселения был выявлен материал поднеклассического и эллинистического времени, представленный в том числе амфорной тарой. Транспортные амфоры были представлены продукцией основных античных центров-экспортеров на рынках Азиатского Боспора в IV в. до н.э., такими как Хиос, Самос, Фасос, Книд и Гераклея. Кроме того, был обнаружен комплекс с гераклеяской амфорой с клеймом нового гераклеяского эпонима Мирилла, относящимся к последней трети IV в. до н.э. (Павличенко и др., 2024. С. 122–133).

Судя по амфорному материалу, на первом этапе поступление товаров в амфорной таре имело ограниченный характер. К этому времени относятся немногочисленные фрагменты амфор конца VI в. до н.э. и амфоры первой–второй четверти V в. до н.э. Это фрагменты сосудов на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, которые условно относятся к протофасосским, самосским, милетским центрам производства, а кроме того, это продукция островов Лесбос, Хиос и производства Менды. Ко второму хронологическому периоду относятся амфоры второй четверти – конца V в. до н.э. В это время увеличиваются поставки продукции в амфорах на сложнопрофилированной ножке, Менды и Хиоса и начинается импорт с острова Фасос и центров круга Фасоса. В третий хронологический период входят амфоры первых трех четвертей IV в. до н.э. Продолжается поставка продукции Хиоса, Фасоса, Менды. Начинается импорт из Гераклеи, и со второй четверти IV в. до н.э. появляется импорт из Синопы. К четвертому хронологическому периоду относятся амфоры последней четверти IV – первой трети III вв. до н.э. Продолжают импорт своей

продукции Хиос, Гераклея, Синопа. Начинают импорт вина Херсонес, Книд и Кос. На основании анализа керамической тары и клейм с поселения Ястребовское-Бережное-1 можно утверждать, что оно существовало в период с конца VI – начала V вв. до н.э. по конец первой трети III в. до н.э.

Таким образом, наличие амфорного импорта на поселении Ястребовское-Бережное-1 дополняет наши сведения о вовлеченности варваров, живших в античную эпоху на поселениях Крымского и Абинского районов, в товарообмен с греками и позволяет изучать их экономические контакты.

Каталог амфорных клейм Хиос

1. КАЭ-24-ЯБ-1-1057/12. Англифический кружок на нижнем прилепе ручки колпачковой амфоры типа V-B. Первая–третья четверть IV в. до н.э. (Монахов и др., 2019. С. 95, Ch. 49).

2. КАЭ-24-ЯБ-1-1057/13. Англифический кружок на нижнем прилепе ручки колпачковой амфоры типа V-B. Первая–третья четверть IV в. до н.э. (Монахов и др., 2019. С. 95, Ch. 49).

Φασος⁴

3. КАЭ-24-ЯБ-1-437/12. [-] голова сатира. По кругу вокруг эмблемы. Подобные клейма относятся ко времени деятельности эпонима Σάτυρος и датируются концом 390-х гг. до н.э. (Garlan, 1999. P. 105–108, Gr. A; Tzochew, 2016. P. 84, tabl. 2, Per. I).

4. КАЭ-24-ЯБ-1-693/1. Θασί[ων] Π ← [Κλειτός]. Эпоним Κλειτός. Аналогии: IOSPE III. 2431–2434; Von, Von, 1957. P. 254, № 940; Кац, 2015. № 300–303, 2119–2120. Целая амфора «развитой биконической серии» (II-B-2) с клеймом эпонима Κλειτός хранится в собрании ВКИКМЗ (Монахов и др., 2016. С. 97, Th. 20). Ок. 327 г. до н.э. (Garlan, 2004–2005. P. 323, Gr. I); 364–338 г. до н.э. (Tzochew, 2016. P. 84, tabl. 2, Per. II).

5. КАЭ-24-ЯБ-1-1921/11. [Ε]ὐαγ|όρη[ς] | [Θασι(-)] | [Φανок(-)] шлем ← Эпоним Φανок(-). Аналогии: Garlan, 1999. P. 207, № 546; на целой амфоре «биконического» варианта «ранней» серии из собрания Государственного Эрмитажа (Монахов и др., 2019. С. 130, Th. 18). 360–350 г. до н.э. (Garlan, 1999. P. 201, 207, Gr. F 1); 364–338 г. до н.э. (Tzochew, 2016. P. 84, tabl. 2, Per. II).

6. КАЭ-24-ЯБ-1-1609/8. [Θασι(-)] ← неясная эмблема Μ[εσσ(-)] ← лира → Κ[λεο(φάνης)] ← Эпоним Μεσσ(-). Аналогии: Avram, 1996. P. 97, № 106, tabl. VIII: 106 a, b; Garlan, 1999. P. 231, № 666; Tzochew, 2016. P. 118, № 88. Верхняя часть амфоры «развитой биконической серии» (II-B-2) с клеймом эпонима Μεσσ(-) хранится в собрании ВКИКМЗ (Монахов и др., 2016. С. 98, Th. 22). 360–350 г. до н.э. (Garlan, 1999. P. 201, 231, Gr. F 1); 364–338 г. до н.э. (Tzochew, 2016. P. 84, tabl. 2, Per. II).

7. КАЭ-24-ЯБ-1-1991/1. [Πα]υσαν[ίης] | [Ἀρχέστρατος] ← мышь ← [Θασίων] → Эпоним Ἀρχέστρατος. Аналогии: Garlan, 1999. P. 255, № 786; Tzochew, 2016. P. 123 № 105. 350–345 г. до н.э. (Garlan, 1999. P. 238, 255, Gr. F 2); 364–338 г. до н.э. (Tzochew, 2016. P. 84, tabl. 2, Per. II).

8. КАЭ-24-ЯБ-1-598/5. Ἀρχέστρατος | Σκῦμ[ος] плуг ← [Θασίων] Петроградно. Эпоним Ἀρχέστρατος. Аналогии: Garlan, 1999. P. 256, № 789. 350–345 г. до н.э. (Garlan, 1999. P. 238, 256, Gr. F 2); 364–338 г. до н.э. (Tzochew, 2016. P. 84, tabl. 2, Per. II).

9. КАЭ-24-ЯБ-1-1161/1. [Ἀνφικ]ράτης[ς] [κε]ραμάρχης [Πυθίων] Геракл-лучник → Эпоним Πυθίων 1. Аналогии: Garlan, 1999. P. 275, № 879; Tzochew, 2016. P. 123, № 108. 345–335 г. до н.э. (Garlan, 1999. P. 266, 275, Gr. G 2); 337–325 г. до н.э. (Tzochew, 2016. P. 84, tabl. 2, Per. III).

10. КАЭ-24-ЯБ-1-1014/1. [-] лист ? [-].

11. КАЭ-24-ЯБ-1-2152/30. [-] гроздь →[-]. Стертое.

Аканф

12. КАЭ-24-ЯБ-1-2152/19. Буквы по трем секторам: [Φ] Π Χ. Аналогии: Garlan, 2006. P. 286, Fig. 1: g. Ок. 340–310 г. до н.э. (Garlan, 2006. P. 269); 380-е – 330-е гг. до н.э. (Монахов и др., 2023. С. 18).

Менда

13. КАЭ-24-ЯБ-1-1832/12. Прямоугольное рельефное клеймо: монограмма ΠΕ (Badoud, 2013. P. 94, 102, fig. 15; Кац, 2015. № 381).

14. КАЭ-24-ЯБ-1-356/8. Прямоугольное рельефное клеймо: Ε. В тризне кургана № 3 у с. Ольгино 390-х гг. до н.э. вместе с гераклейским клеймом Ἡροδόρο / Λυ(-) палица (Монахов, 1999. С. 212); в комплексе первой половины III в. до н.э. (Bozhkova et al., 2017. P. 214, № 370, 371). Cp. Lawall, 2010. P. 161, 162, pl. 94: 2.

15. КАЭ-24-ЯБ-1-1370/1. Овальное рельефное клеймо: Ε.

⁴ Штампы расположены в соответствии с хронологической схемой Ч. Цочева (Tzochew, 2016. P. 84, tabl. 2).

16. КАЭ-24-ЯБ-И-1903/10. Энглифический кружок. Первые два десятилетия IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 92). Ср. энглифические колечки на горлах амфор варианта II-B 380-х гг. до н. э. и II-C второй четверти – середины IV в. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 139, № Md.9; 169, № Md 68).

Книд

17. КАЭ-24-ЯБ-И-22/1. Стертое.

*Гераклея*⁵

18. КАЭ-24-ЯБ-И-1/27. Διονυσίο Ἀρισ(--). Ромбовидное. Плохо оттиснуто, восстановление предположительно. Аналогии: IOSPE III. 680–682; Федосеев, 2016. С. 146, № 1261–1276, 1278–1284. 370-е гг. до н.э. (Кац, 2007. С. 429, гр. II А).

19. КАЭ-24-ЯБ-И-2047/21. Κόας Εὐγειτίω[v--]. 370-е гг. до н.э. (Кац, 2007. С. 429, гр. II Б).

20. КАЭ-24-ЯБ-И-1427/1. Διονυσίο Σκυ(--). Листовидное, надпись по краю. Аналогии: Федосеев, 2016. С. 150, № 1334. 360-е гг. до н.э. (Кац, 2007. С. 429, гр. III А).

21. КАЭ-24-ЯБ-И-2152/93. ἐπὶ Καλ[λία Ἀρτέμω[v]. Аналогии: с другим расположением имен: IOSPE III. 207; Брашинский, 1980. С. 170, № 377, табл. XXVIII: 377. Целая амфора типа I-A с клеймом этого эпонима хранится в собрании Государственного Эрмитажа (Монахов и др., 2019. С. 212, № НР.73). 360-е гг. до н.э. (Кац, 2007. С. 429, гр. III Б).

22. КАЭ-24-ЯБ-И-1286/21. Μίκ[κος] [канфар ←] Λυ[σιθέ(ο)]. Аналогии: IOSPE III. 971; Федосеев, 2016. С. 185, № 1722–1724. 360-е гг. до н.э. (Кац, 2007. С. 429, гр. III Б).

23. КАЭ-24-ЯБ-И-1599/1. [Ἡρακλεί(δα)] тирс ← ἐπὶ Σ[ατύρο(υ)]. Аналогии: Полин, 2014. С. 341 (с. Дивизия, Татарбунарский р-он, Одесская обл., курган 20, погребение 6, ров); Федосеев, 2016. С. 98, № 756–760. Целая амфора (отсутствует ножка) «конического» типа варианта I-A-2 с клеймом эпонима Σάτυρος хранится в собрании ВКИКМЗ (Монахов и др., 2016. С. 151, НР. 39). 350-е гг. до н.э. (Кац, 2007. С. 429, гр. III Б).

24. КАЭ-24-ЯБ-И-2225/2. [ἐπὶ] Δή[μο]- κράτε[ος Σι(--)]. Аналогии: IOSPE III. 157; Кац, 2015. № 2182–2183; Федосеев, 2016. С. 62, № 315, 317–320. 320-е гг. до н.э. (Кац, 2007. С. 430, гр. V А).

25. КАЭ-24-ЯБ-И-147/1. Φ[ίλις]- κο[v]. Аналогии: IOSPE III. 1903, 1905–1906; Полин, 2014. С. 367

(Николаевка, погребение 22 (№ 8/1966 г.)); 490, рис. 419.2 (Александропольский курган); 514 (Беглицкий некрополь, комплекс 2, 1990 г.); Федосеев, 2016. С. 185, № 2538–2540, 2542. Конец IV – первая четверть III вв. до н.э. (Кац, 2007. С. 430, позднефабрикантская группа).

26. КАЭ-24-ЯБ-И-147/89. [--] [--] гроздь ↑.

*Синоп*⁶

27. КАЭ-24-ЯБ-И-147/252. [Ἡρώνου] [ἀστὺ] νό(μου) гроздь ↑ [Μαν]τιθέ(ου) Астином Ἡρώνουμος 1. Восстановление имени астинома Ἡρώνουμος 1 предположительно, возможно также, что это штамп астинома Ὀμφάλικος (Garlan, 2004. Р. 95, Gr. II В, конец 320-х гг. до н.э.). Аналогии: IOSPE III. 3746; Кац, 2015. № 1191 (другой штамп). Середина 320-х гг. до н.э. (Conovici, 1998. Р. 32, 51, Gr. IIa, Ἡρώνουμος 1); 321–317 г. до н.э. (Garlan, 2004. Р. 95, Gr. II С).

28. КАЭ-24-ЯБ-И-2225/1. Γέροντος Ἀπατουρίου канфар ↑ ἀστυνόμου Астином Ἀπατούριος ὁ Ἄττα. Оттиснуто дважды. Аналогии: IOSPE III. 1205–1206; Garlan, 2004. Р. 139. № 137. Pl. XVII: 137; Кац, 2015. № 1064. Середина 280-х гг. до н.э. (Conovici, 1998. Р. 38, 51, Gr. IIIc); 290–284 гг. до н.э. (Garlan, 2004. Р. 96, Gr. IV А).

29. КАЭ-24-ЯБ-И-997/1. [Θευδορίδ[ου] [ἀστὺ]νόμου [Ἐπιχά]ρου голова бородатого сагира → Астином Θεωδορίδης. Аналогии: IOSPE III. 3986–3988; Garlan, 2004. Р. 141. № 146. Pl. XVIII: 146. Целая амфора варианта II-C с клеймом этого астинома хранится в собрании Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (Монахов и др., 2021. С. 272, № Sn.29). Начало 280-х гг. до н.э. (Conovici, 1998. Р. 38, 51, Gr. IIIc); 283–281 гг. до н.э. (Garlan, 2004. Р. 96, Gr. IV В).

30. КАЭ-24-ЯБ-И-1146/7. Ἀτάλου ἀστ[υ]- νομοῦντος голова → Φίλων. Астином Ἄτταλος. Аналогии: IOSPE III. 1791–1796; Garlan, 2004. Р. 158, № 218. Pl. XXVII.218; Кац, 2015, № 1102. Начало 270-х гг. до н.э. (Conovici, 1998. Р. 39, 51, Gr. IV); 275–267 гг. до н.э. (Garlan, 2004. Р. 97, Gr. V А).

31. КАЭ-24-ЯБ-И-251/1. [ἀστυ]νομοῦν- τος Ἴστια[ίου] Π[υθέω] канфар ↑. Астином Ἴστιαῖος 1 (=Ἴστιαῖος 3). Аналогии: IOSPE III. 4568–4575. Целая амфора варианта II-E с клеймом этого астинома хранится в собрании Государственного Эрмитажа (Монахов

⁵ Шапты расположены в соответствии с хронологической схемой В. И. Каца (Кац, 2007).

⁶ Шапты расположены в соответствии с хронологической схемой И. Гарлана (Garlan, 2004).

и др., 2019. С. 224, Sn.7). Начало 270-х гг. до н.э. (Conovici, 1998. P. 39, 51, Gr. IV, Ἐστιαῖος 1 (=Ἰστιαῖος 3)); 275–267 гг. до н.э. (Garlan, 2004. P. 97, Gr. V A).

32. КАЭ-24-ЯБ-1-1868/12. [--] ΤΟ[--] Τ[--].

33. КАЭ-24-ЯБ-1-1468/13. [--] [--]ο[--] неясная эмблема [--].

34. КАЭ-24-ЯБ-1-1839/4. Полностью сбитое.

35. КАЭ-24-ЯБ-1-1972/14. Полностью стертое.

Херсонес

36. КАЭ-24-ЯБ-1-1984/11. [--] [ἄστυ]νόμου. Желобчатое клеймо. Вероятнее всего 1 хронологическая группа Каца (325–287 г. до н.э.) (Кац, 2007. С. 442).

Неопределенные

37. КАЭ-24-ЯБ-1-2162/11. Прямоугольное рельефное клеймо: Α Αλσε(--). Глина светло-коричневая с песком и шамотом.

38. КАЭ-24-ЯБ-1-257/20. Овальное рельефное клеймо: монограмма ΡΚ (?). Глина коричневая с примесью слюды и песка, хорошо отмученная.

39. КАЭ-24-ЯБ-1-147/25. Круглое рельефное клеймо: Γ. Глина красно-коричневая с известью.

40. КАЭ-24-ЯБ-1-1589/5. Овальное рельефное клеймо: Ε или Π. Глина розовая со слюдой и песком.

41. КАЭ-24-ЯБ-1-147/273. Прямоугольное рельефное клеймо на горле: Κ. Глина светло-коричневая с известью и шамотом.

42. КАЭ-24-ЯБ-1-1503/10. Прямоугольное полностью стертые клеймо. Глина коричневая с песком и шамотом.

Источники и литература

Баринов Д.Г., 2022. Отчет об охранных раскопках «Поселения Чекупс-2» в Крымском районе Краснодарского края в 2018–2019 гг. Энгельс // Архив ИА РАН.

Брашинский И.Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.

Иванов А.В., 2011. О двух меотских поселениях у границ Азиатского Боспора // Историко-археологический альманах. Краснодар. Вып. 10.

Иванов А.В., 2020. Меотский могильник «Фуружан» в Западном Закубанье. Краснодар.

Кац В.И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь ; Керчь.

Кац В.И., 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище : каталог. Саратов.

Монахов С.Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов.

Монахов С.Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре : каталог-определитель. Москва; Саратов.

Монахов С.Ю., 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. Кишинев ; СПб. № 3.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б., 2016. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника : каталог. Керчь; Саратов.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б., 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э.: Каталог. Саратов.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Толстикова В.П., Чурекова Н.Б., 2020. Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Саратов.

Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына). Саратов.

Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б., 2022. Амфоры VII–I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Саратов.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Новиченкова Н.Г., Чурекова Н.Б., 2023. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Саратов.

- Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Ланцов С.Б., Чурекова Н.Б., 2024. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собраний музеев г. Евпатория и пос. Черноморское. Саратов.
- Павличенко Н.А., Соков П.В., Цинько А.С., 2024. Комплекс с гераклейской амфорой на поселении Крымское-3 // АВ. № 42.
- Полин С.В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев.
- Федосеев Н.Ф., 2016. Коллекция керамических клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь. Т. 2: Гераклея Понтийская.
- Цецхладзе Г.Р., 1992. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Проблемы развития и торговли в античном мире. Саратов.
- Яцюк Д.А., 2014. Отчет об итогах проведения исследований на памятниках археологии: «Курганная группа (государственный № 1708)» и выявленном объекте археологического наследия «Поселение Красное 1» в 2013 г. в Крымском районе Краснодарского края. Краснодар // Архив ИА РАН. Р-1, № 41776.
- Avram A., 1996. Histria. Les timbres amphoriques. I. Thasos. Paris.
- Badoud, 2013. Timbres amphoriques de Mendé et de Cassandreia // Actes de la Table Ronde international de Constanța, 6–10 octobre 2009. Paris.
- Bon A.-M., Bon A., 1957. Les timbres amphoriques de Thasos. Paris.
- Bozhkova A., Madzharov K., Stoyanov T., 2017. Sboryanovo. Sofia. Vol. IV. The economic relations of the Getic capital Helis according to the transport amphorae. Part 1. The amphora stamps.
- Conovici N., 1998. Histria: Les résultats des fouilles. București; Paris. Vol. VIII: Les timbres amphoriques. 2, Sinope (tuiles timbrées comprises).
- Garlan Y., 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. Paris. Vol. I. Timbres protothasiens et thasiens anciens.
- Garlan Y., 2004. Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Paris.
- Garlan Y., 2004–2005. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH. Vol. 128–129.
- Garlan Y., 2006. Interprétation des timbres amphoriques “à la roue” d’Akanthos // BCH. Vol. 130.
- Lawall M., 2010. Pontic, Argean and Levantine amphorae at Gordion // PATABS I. Actes de la Table Ronde international de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006. Paris.
- Tzochev Ch., 2016. Amphora stamps from Thasos // AA. Vol. XXXVII.

Краткая характеристика грунтового могильника на поселении Ястребовское-Бережное-1¹

М. А. Топоривская²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-61-86

ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1» расположен в Абинском районе Краснодарского края, близ п. Ястребовский, на участке сельскохозяйственных угодий. Впервые он был выявлен в ходе разведок 2023 г., исследован методом раскопок годом позже. Первоначально тип памятника был определен как поселение. Его площадь после ряда уточнений составила 94 101,05 кв. м. При раскопках западной части памятника на площади 33 873 кв. м, помимо поселенческого слоя позднеклассического и эллинистического периодов, был обнаружен и частично исследован большой грунтовой могильник первых веков нашей эры (рис. 1). Контур могильника был вытянут по оси северо-запад–юго-восток, его размеры в границах раскопа составили 125 × 200 м. Перепад высот по современной дневной поверхности был в целом незначительным, наблюдался уклон к югу.

Всего на площади около 2,5 га было найдено 555 погребальных комплексов. Большинство из них представляло собой захоронения сарматского периода. Этот период, как известно, сопровождался активным процессом «сарматизации» культур сопредельных народов, одновременно с обратным процессом культурной ассимиляции, что, как считается, затрудняет процесс выделения сарматских черт в их наиболее чистом виде (Десятчиков, 1973, С. 69, 70). Помимо захоронений людей, были встречены захоронения лошадей (28 комплексов) и одна пустая могильная яма (предположительно кенотаф) (Малышев, 2008, С. 133). Отметим, что некоторые исследователи интерпретируют одиночные захоронения лошадей как древнюю савромато-сарматскую традицию жертвоприношения лошади солнцу (Сазонов и др.,

1995, С. 115). Чаще всего в таких комплексах присутствовали элементы уздечных наборов: пса-лии, удила, пряжки, иногда украшающие узду бусы, реже заупокойная пища. В некоторых были обнаружены сосуды, оружие, украшения и другие находки.

Помимо погребений сарматского периода, на восточной и южной периферии исследованной части могильника было обнаружено шесть ранне-средневековых захоронений, два из которых – это погребения лошадей. Немногочисленность и расположение этих могил на данном этапе исследований больше указывает на их спорадический характер.

Сохранность изученных в пределах раскопа могил была различной. Довольно существенное их число – по сути, каждая третья могила – подверглась в древности целенаправленному разграблению. В абсолютном большинстве случаев ограблены были голова и корпус, а нижняя часть скелета оставалась нетронутой. В парных захоронениях с лошадью картина была, как правило, аналогичной. При этом, лошадиный костяк часто оставался вообще не задетым грабителями. По-видимому, могилы каким-то образом помечались на поверхности. Ориентир в виде просевшего над могилой грунта, при неустойчивости ориентировок на могильнике, вряд ли мог служить указателем для грабителей (Малышев, 2008, С. 129). Также отмечены единичные случаи повреждения хронологически более ранних могил поздними, что косвенно указывает в том числе и на довольно высокую интенсивность использования могильника.

Погребальные комплексы в пределах исследованной части были распределены неравномерно. Довольно отчетливо выделялись два его основных участка. Первый, наиболее насыщенный, пришелся на центр раскопа. Подпрямоугольный, он был вытянут по оси северо-запад–юго-восток. Его размеры составили 95 × 40 м, площадь – около 2800 кв. м. Здесь наиболее хорошо прослеживалась рядность могил и максимальная плотность захоронений. Южнее выделялась еще одна большая группа

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0012 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: toporivskayamarina@gmail.com.

Рис. 1. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1».
Вид с юга

захоронений, для которой было характерно более разреженное взаиморасположение могил. Участок подовальной в плане формы, вытянут в том же направлении, что и первый. Его размеры составили 95×50 м, площадь – около 3600 кв. м. Периферия некрополя с редко расположенными могилами (примерная плотность составила одно захоронение на 40–50 кв. м) пришлось в основном на северо-западную и юго-западную части раскопа. Размеры периферийных участков достоверно неизвестны, поскольку в границы раскопа могильник попал не полностью.

Основной массив погребальных комплексов был представлен одиночными захоронениями, среди которых устойчиво прослеживалась группа погребений в паре с одной или несколькими лошадьми, так называемые всаднические захоронения. Также было встречено несколько групповых могил: пять комплексов с двумя погребенными и один с тремя.

Большая часть погребений некрополя залегала на глубине 0,4–1,2 м от уровня современной дневной поверхности, за исключением редких могил, заглубленных более 2 м. Социальный статус при этом, очевидно, не был определяющим фактором: ряд вещественно богатых комплексов был найден на глубине не более одного метра, что, вероятно, как-то компенсировалось надземными погребальными сооружениями. Впрочем, следует учитывать и то, что ландшафт со временем претерпел изменения.

Конструктивные особенности могил в подавляющем большинстве случаев не прослеживались из-за однородности грунта и многолетней интенсивной распашки. В известных случаях, а это не более пятой части от всего числа захоронений, по цвету и плотности заполнения маркировались границы подпрямоугольных в плане простых грунтовых ям с вертикальными стенками и ровным дном. Очевидно, что погребение также осуществлялось

и в подбойных могилах, на что косвенно указывает компактное расположение некоторых индивидов, а также результаты исследований других могильников этого периода и культуры в регионе (Малышев, 2008. С. 131).

Ориентировка могил на раскопе была определена для 529 погребальных комплексов: север – 9, северо-северо-восток – 7, северо-восток – 16, восток-северо-восток – 29, восток – 79, восток-юго-восток – 22, юго-юго-восток – 1, юг – 1, юго-юго-запад – 4, юго-запад – 20, запад-юго-запад – 30, запад – 157, запад-северо-запад – 98, северо-запад – 44, северо-северо-запад – 12. Таким образом, существенно преобладает широтная ориентировка, а именно, западный сектор.

В абсолютном большинстве погребенные лежали вытянуто на спине. Лишь в восьми захоронениях они были помещены на живот, в четырех могилах – на правый бок, в шести – на левый. Еще в семи комплексах погребенные лежали на боку. В ряде случаев прослеживались явные признаки пеленания усопшего: сильно поднятые плечевые и тазовые кости скелета и прочее. Руки, там, где это было определено, чаще всего были вытянуты вдоль туловища (167 случаев). Для меньшего количества (107 индивидов) была характерна вариативная асимметрия. Симметрично на таз руки были уложены у 24 индивидов, согнутыми вверх в октях – у 13 погребенных. Что касается положения ног, то, как правило, они были в прямом вытянутом положении (380 индивидов), а ассиметрично расположены у девяти индивидов. У 18 погребенных ноги были с разной степенью подогнуты, в пяти случаях перекрещены в лодыжках.

В ходе проведенных антропологических работ половая принадлежность была определена для 271 костяка, как правило, взрослых, людей: мужчины – 117 индивидов, женщины – 154. В границах раскопа найдены останки 154 детей, как в отдельных захоронениях, так и в групповых. Возрастной состав, где это было установлено, распределился следующим образом: до 1 года – 10 индивидов, 1–5 лет – 41 индивид, 5–10 лет – 33 индивидов, 11–15 лет – 19 индивидов, 16–20 лет – 35 индивидов, 20–30 лет – 105 индивидов, 31–40 лет – 52 индивида, 40+ лет – 7 индивидов. Таким образом, наиболее многочисленными группами стали группы индивидов в возрасте 20–30 лет и 31–40 лет.

Грунтовые могильники, в первую очередь, являлись местами захоронения рядового населения (Анфимов, 1947. С. 157). Тем не менее среди захоронений могильника Ястребовское-Бережное-1

наблюдалось довольно большое разнообразие в составе погребального инвентаря, что указывает на существенную имущественную дифференциацию, а значит, и наличие социального расслоения общества. При этом полностью безинвентарных было найдено 98 комплексов, 31 из них в свое время был ограблен. Таким образом, однозначно говорить об отсутствии какого-либо погребального инвентаря можно только в 67 захоронениях.

*Группа всаднических захоронений:
общая характеристика и состав погребального инвентаря*

Пожалуй, наиболее интересной была группа всаднических захоронений сарматского периода, большая часть которых относилась к воинским погребениям. Это были одиночные захоронения, совершенные в паре с одной или несколькими верховыми лошадьми. Всего в пределах раскопа было найдено 43 таких комплекса: объекты 37, 52, 67, 70, 74, 80, 86, 103, 106, 111, 120, 181, 195, 221, 231, 329, 333, 339, 345, 350, 362, 368, 406, 418, 475, 479, 480, 482, 498, 503, 507, 562, 567, 578, 582, 587, 588, 600, 614, 621, 625, 633, 707 (рис. 2–23). Основная их часть пришлась на участок с наибольшей плотностью могил. Три из них были выявлены на втором по плотности участке, южнее. Еще 11 захоронений обнаружены на северо-западной периферии. Очевидно, что проведенными раскопками был выявлен не весь массив таких комплексов, некоторые из них были обнаружены вплотную к границам участка работ, что, наиболее вероятно, предполагает их наличие и за пределами исследованного раскопа. Предположительно, это справедливо в отношении северо-западной и юго-восточной окраин могильника.

Рис. 2. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 67. Вид с северо-востока. Пряжка бронзовая; меч железный

Рис. 3. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 70. Вид с востока. Наконечник копья железный; канфар сероглиняный

Рис. 4. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 74. Вид с севера. Бусина меловая; бусины крупные из золотой фольги

Рис. 5. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 86. Вид с востока. Наконечник копья железный; меч железный

Рис. 6. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 195. Вид с юго-востока. Кольцо бронзовое; монеты золотые; бусины крупные из золотой фольги

Рис. 9. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 339. Вид с севера. Канфар серебряный; кольцо бронзовое; пронизь из бронзы и золотой фольги; фибулы-броши бронзовые; зеркало бронзовое позолоченное

Рис. 7. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 221. Вид с севера. Кольцо стеклянное полихромное

Рис. 10. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 345. Вид с востока. Чаша стеклянная; ключ бронзовый; кольцо бронзовое; бусина сердоликовая

Рис. 8. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 231. Вид с севера. Бусины крупные из золотой фольги; монета золотая; пряслице керамическое

Рис. 11. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 350. Вид с юго-востока. Удила железные

Рис. 12. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 362. Вид с северо-востока. Бусина сердоликовая; бусина стеклянная; фрагмент шкатулки бронзовый; пряслице керамическое

Рис. 15. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 479. Вид с севера. Пряжки бронзовые; наконечник-подвеска бронзовая; наконечник копья железный

Рис. 13. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 406. Вид с севера. Удила железные; пряжка бронзовая; бусина стеклянная; клык животного; меч железный

Рис. 16. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 480. Вид с северо-востока. Пряжки бронзовые и подвески бронзовые; кольцо бронзовое; накладка бронзовая; бусина крупная меловая; наконечник копья железный; меч железный; оселок каменный

Рис. 14. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 418. Вид с северо-запада. Меч железный

Рис. 17. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 562. Вид с северо-востока. Бусина меловая

Рис. 18. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 567. Вид с юга. Удила железные; меч железный

Рис. 21. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 625. Вид с северо-востока. Бусины янтарные; фибула бронзовая; фибула-брошь бронзовая; браслет бронзовый

Рис. 19. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 578. Вид с юга. Бусина крупная из золотой фольги; бусина крупная стеклянная полихромная; меч железный; бусина стеклянная

Рис. 22. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 633. Вид с востока. Фибула бронзовая; браслет бронзовый; бусина стеклянная; подвеска каменная; сосуд миниатюрный керамический

Рис. 20. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 600. Вид с северо-востока. Браслет золотой; фибула серебряная; элементы серебряного сбруйного набора

Рис. 23. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 707. Вид с севера. Наконечник копья железный; сосуд стеклянный фрагментированный

Захоронения всадников с их верховыми лошадьми вряд ли можно отнести к рядовым комплексам. Вся социальная структура и институты сарматского общества во многом были связаны с войной в различных ее проявлениях (Хазанов, 1971. С. 3). Однако именно в первые века нашей эры из-за частых столкновений с кочевниками конное воинство стало обладать высоким социальным престижем на основной территории Боспора. К этому времени в состав местной правящей элиты и военной организации вошли выходцы из сарматской среды (Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 291). Этот период ознаменовался появлением в сарматском войске воинов-катафрактариев – тяжеловооруженной конницы (Гущина, Засецкая, 1994. С. 9). Считается также, что у истоков боспорской кавалерии могли стоять тяжелая конница скифских и прикубанских племен (Горончаровский, Никоноров, 1987. С. 211). Так или иначе, соответствующая степным позднесарматским захоронениям типичная атрибутика появляется в это время в некрополях оседлого населения Подонья, Прикубанья, Северо-Западного Предкавказья, в Центральном Крыму (Безуглов, 2019. С. 51). Захоронения всадников на юго-восточной периферии Боспора и территории, прилегающей к ней, территориально наиболее близкие к могильнику Ястребовское-Бережное-1, известны по материалам Цемдолинского могильника, некрополя в Широкой Балке, Южноозерейкинскому и Мысхакскому некрополям (Малышев, 2009. С. 100, 101), могильникам у х. Городского, Усть-Лабинского и Ясеновой Поляны (Сазонов, 1992. С. 246).

В могильнике Ястребовское-Бережное-1 группа захоронений с лошадьми довольно устойчиво сочеталась с наиболее богатым сопроводительным инвентарем, который традиционно ассоциируется с элитными захоронениями (Берлизов Н., Берлизов А., 2024. С. 18). Однако, как уже отмечалось, большая часть таких захоронений все же может быть отнесена к тяжеловооруженным всадникам, которые при погребении нередко укомплектовывались предметами наступательного и оборонительного вооружения (Горончаровский, 2020. С. 26, 27). К такому уместно отнести и 26 погребений-кенотафов верховых лошадей. Для всех комплексов группы характерно единообразие погребального обряда. Человек помещался вытянуто на спине, рядом, как правило, слева от него укладывалась умерщвленная лошадь, реже пара или больше. В нескольких случаях дополнительно к целой туше клались «чучела», к примеру, в виде половины лошади или в виде пары ног (объекты 52, 221) (рис. 7). Иногда «чучело» представляло собой голову со шкурой животного (Каменецкий, 1989. С. 247). В могилу также часто помещалась напутственная пища,

в виде голов или ног крупного и мелкого рогатого скота. В набор сопровождавших покойника в загробный мир вещей могли входить стеклянные (реже керамические) сосуды, оружие, предметы быта и туалета, различные украшения, амулеты.

Ориентировка была определена для всех захоронений рассматриваемой группы. Характерна была широтная ориентировка в западном секторе, преобладающая начиная со II в. (Малышев, 2008. С. 130): запад – 19 могил (объекты 52, 70, 74, 80, 86, 106, 111, 120, 139, 368, 475, 498, 503, 578, 582, 621, 625, 633, 707) (рис. 3–5; 19; 21–23), запад-северо-запад – 14 могил (объекты 37, 67, 103, 221, 231, 329, 345, 362, 480, 507, 567, 587, 588, 614) (рис. 7; 8; 10; 12; 16; 18), северо-запад – семь могил (объекты 195, 333, 350, 418, 482, 562, 600) (рис. 6; 11; 14; 17; 20), запад-юго-запад – две могилы (объекты 181, 479) (рис. 15), юго-запад – две могилы (объект 406) (рис. 13). В целом картина не противоречила ситуации в регионе в римское время (Малышев, 2011. С. 227).

Сохранность комплексов группы была различна: 30 захоронений из 43 (70 % от их числа) были разграблены еще в древности (объекты 37, 52, 74, 80, 103, 106, 120, 181, 195, 221, 329, 333, 339, 345, 362, 368, 418, 475, 479, 498, 503, 507, 562, 567, 578, 582, 588, 600, 621, 707) (рис. 4; 6; 7; 9; 12; 14; 15; 17–20; 23). То есть, по сути, ограблению подверглась каждая вторая могила. Как уже указывалось выше, костяки лошадей при этом страдали гораздо реже и меньше, разграбление происходило, очевидно, с учетом какого-то поверхностного ориентира. К примеру, на могильнике в Широкой Балке в виде таких ориентиров над могилами сохранились каменные кольцевые выкладки (Малышев, 2011. С. 229). В нашем случае камень на памятнике отсутствовал полностью. Столь прицельное разрушение могил, очевидно, указывает и на то, что грабители имели представление о погребальном обряде. В том числе, вероятно, знали, что наиболее ценные предметы чаще укладывались в изголовье усопшего. В этом смысле интересен один из комплексов (объект 339) (рис. 9), где самые ценные предметы в виде серебряного канфара и крупного бронзового составного позолоченного зеркала были помещены не в изголовье, а в ногах покойника. Захоронение было ограблено в верхней его части, однако указанные предметы при этом остались нетронутыми. В двух аналогичных по составу инвентаря могилах у х. Городского (погребения № 1 и 2) такие серебряные канфары были установлены в изголовье (Сазонов, 1992. С. 247, 248, 260, 261). Комплексы походили друг на друга и наличием довольно редких для региона полихромных шарнирных фибул-брошей (Сазонов, 1992. С. 254, 261).

Из-за специфики грунта могильное пятно удалось обнаружить лишь в объекте 195 (рис. 6), оно было довольно крупным, подпрямоугольным, углы скруглены. В литературе такие захоронения принято тесно связывать с погребениями подбойно-катакомбного типа (Берлизов Н., Берлизов А., 2024. С. 18). Тело умершего помещалось в небольшой подбой, а жертвенная лошадь – рядом, на дно входной ямы-колодца (Сазонов, 1992. С. 244, 245; Малышев, 2008. С. 132, 133; Безуглов, 2019. С. 48). В случае могильника Ястребовское-Бережное-1 некоторые всаднические захоронения, в частности в его юго-восточной части, залегали достаточно высоко для такого типа конструкций, не более 0,5 м от уровня современной дневной поверхности. Впрочем, уровень дневной поверхности со временем мог в значительной степени измениться.

Из 43 комплексов в 39 установлено труположение усопшего вытянуто на спине. В пяти объектах (329, 368, 498, 562, 707) (рис. 17; 23) кости были сильно перемешаны при ограблении. Руки погребенных в большинстве известных случаев располагались вытянуто вдоль туловища (объекты 67, 70, 111, 195, 231, 406, 479, 480, 482, 503, 507, 578, 600, 625, 633) (рис. 2; 3; 6; 8; 13; 15; 16; 19–22). Были встречены захоронения, где отмечено различное положение рук: на тазу (объект 587), на животе (?) (объект 362) (рис. 12), ассиметрично – одна рука вытянута, вторая на тазу (объекты 86, 350) (рис. 5; 11). В отношении 26 индивидов положение рук осталось неизвестным, главным образом из-за действий грабителей. Ноги, как правило, были вытянуты, исключение составили два захоронения (объекты 70, 350) (рис. 3, 11). В первом случае они были вытянуты, но перекрещены в щиколотках, правая поверх левой – вероятно, были связаны (Каменецкий, 1989. С. 247). Некоторые авторы соотносят этот обычай с традициями меотов (Сазонов, 1992. С. 246). Во втором случае имело место нетипичное, ассиметричное положение ног: были согнуты в коленях и поставлены ими вверх. Такие случаи изредка встречаются в литературе (Каменецкий, 1989. С. 247).

В составе всаднической группы захоронений выявлено 38 взрослых и пять детских могил. Для взрослых половая принадлежность, согласно антропологическим данным и с учетом состава сопроводительного инвентаря, была определена у 33 индивидов, из которых: мужские – 23 (объекты 67, 70, 74, 80, 86, 181, 195, 333, 345, 350, 362, 406, 418, 479, 480, 503, 562, 567, 578, 582, 587, 621, 707) (рис. 2–4; 5; 6; 10–19; 23), женские – 10 (объекты 103, 106, 111, 221, 231, 339, 482, 588, 600, 625) (рис. 7–9; 20; 21). Для некоторых детских

захоронений пол с осторожностью может быть определен по составу инвентаря: женские – три индивида (объекты 498, 614, 633) (рис. 22). Возраст удалось установить для 17 индивидов: 7–8 лет – один (объект 498); 12–13 лет – один (объект 625) (рис. 21); 20–25 лет – четыре (объекты 86, 106, 111, 329) (рис. 5); 25–30 лет – шесть (объекты 70, 103, 231, 339, 480, 482) (рис. 3, 8, 9, 16); 30–35 лет – два (объект 67, 406) (рис. 2, 13); 35+ лет – три (объекты 350, 418, 600) (рис. 11; 14; 20).

Погребальный инвентарь в том или ином составе и количестве присутствовал во всех захоронениях всаднической группы. Выделим основные категории найденных в комплексах предметов: жертвенная пища и сосуды для нее (кости животных, керамическая и стеклянная посуда), орудия труда (ножи, оселки, пряслица, проколки, отщеп), предметы вооружения и детали конской упряжи (наступательное и оборонительное оружие, псалии, удила и пр.), элементы одежды (фибулы, пряжки, накладки и др.), предметы туалета и украшения (зеркала, серьги, подвески, бусы, кольца, браслеты и др.), ритуальные предметы (монеты, астрагалы и др.). В ряде случаев из-за плохой сохранности определить предметы не удалось.

В местных сармато-меотских традициях бытует обычай класть в могилу мясную напутственную пищу (Малышев, 2011. С. 234). Так, кости животных были найдены в 19 захоронениях (объекты 37, 67, 74, 80, 103, 195, 231, 333, 345, 350, 362, 406, 480, 482, 498, 503, 562, 600, 625) (рис. 2; 4; 6; 8; 10–13; 16; 17; 20; 21). В 17 случаях, согласно остеологическим определениям, это был крупный рогатый скот (объекты 37, 74, 103, 195, 231, 333, 345, 350, 362, 406, 480, 482, 498, 503, 562, 600, 625) (рис. 4; 6; 8; 10–13; 16; 17; 20; 21). Коровьи головы найдены в девяти объектах (37, 345, 350, 406, 480, 482, 503, 600, 625) (рис. 10; 11; 13; 16; 20; 21), коровьи ноги – в 14 (объекты 74, 103, 195, 231, 333, 350, 362, 406, 480, 482, 498, 503, 562, 625) (рис. 4; 6; 8; 11–13; 16; 17; 21). Сочетание «голова + ноги» встречено в шести объектах (350, 406, 480, 482, 503, 625) (рис. 11; 13; 16; 17; 21). В шести захоронениях в качестве погребальной трапезы были положены части туш мелкого рогатого скота – овцы или козы (объекты 67, 80, 103, 333, 345, 600) (рис. 2; 10; 20), головы встречены в трех случаях (объекты 67, 103, 333) (рис. 2), ноги – в объектах 67, 80, 345, 600 (рис. 2; 10; 20). Голова и ноги временно зафиксированы лишь в одном комплексе (объект 67) (рис. 2). Сочетание костей крупного и мелкого рогатого скота встречено в четырех объектах (103, 333, 345, 600) (рис. 10; 20). Наиболее частое расположение костей животных в могилах

в изножье – 14 случаев (объекты 37, 74, 103, 195, 231, 333, 345, 350, 406, 480, 482, 498, 503, 562) (рис. 4; 6; 8; 10; 11; 13; 16; 17). В изголовье они были положены лишь в двух погребениях (объекты 67, 80) (рис. 2). Еще в трех кости животных размещались вдоль корпуса умершего, справа (объекты 362, 600, 625) (рис. 12; 20; 21).

Керамическая посуда встречена лишь в восьми всаднических захоронениях (объекты 52, 67, 70, 231, 362, 562, 600, 633) (рис. 2; 3; 8; 12; 17; 20; 22). Всего было найдено девять сосудов. Чаще попадались сероглиняные сосуды открытых форм, представленные канфаром, кружками, вазочкой, к закрытым сосудам относились кувшин и горшки (объекты 67, 70, 562, 600) (рис. 2; 3; 17; 20). Лепная посуда представлена тремя сосудами (объекты 231, 362, 633) (рис. 8; 12; 22). Также найден один красноглиняный горшочек (объект 52) и светлоглиняная кружка (объект 600) (рис. 20). В шести захоронениях сосуды находились в ногах погребенного (объекты 52, 70, 231, 562, 600, 633) (рис. 3; 8; 17; 20; 22), и лишь в двух могилах они были установлены в изголовье (объекты 67, 362) (рис. 2; 12).

Канфар. Сероглиняный канфар был положен в ноги усопшему (объект 70) (рис. 3). Он имел усеченно-коническое тулово, верхний край немного утолщен и загнут внутрь. Сохранились две вертикальные, овальные в сечении, ручки, третья отколота. Поддон скрытый, кольцевой. Сосуды этого типа встречались в достаточном количестве на могильниках Цемдолинский (Малышев, 2008. С. 141), Широкая Балка (Малышев, 2011. С. 250, 251), Раевского городища (Малышев и др., 2021. С. 334), где они датируются II–III вв. Канфары-подражания, отнесенные к местному производству меотских земледельцев, бытовали на периферии азиатского Боспора с позднеклассической и эллинистической эпохи и вплоть до середины III в. (Малышев, 2008. С. 141).

Кружки. Сероглиняная лощеная кружка (?) с цилиндрическим туловом, без ручки, с широким горлом и широким отогнутым наружу венчиком, на плоском дне, находилась справа от головы погребенного (объект 67) (рис. 2). Лепная кружка с цилиндрическим корпусом слегка закругляется в нижней части, венчик отбит, ручка петлевидная, овальная в сечении, прикреплена к краю венчика и корпусу, III (?) в. (Зубарь, 1982. С. 82). Сосуд находился в ногах погребенного (объект 600).

Миниатюрные сосуды. Миниатюрные лепные сосуды ритуального назначения были найдены

в двух захоронениях (объекты 362, 633) (рис. 12; 22). В первом случае он, по всей видимости, находился в голове покойника, во втором – в ногах. Лепная мисочка высотой около 3 см имела чашевидную форму и плоское дно. Миниатюрный лепной сосуд с шаровидным туловом был в высоту около 6 см, венчик отбит, горло выделено, дно плоское, датируется в пределах I в. до н. э. – начала II в. (Художественное золото, 2012. С. 30). Сходные миниатюрные сосуды, известные на территории азиатского Боспора, начиная с архаического и классического периодов (Новичихин, 2010. С. 205, 206), встречались также в захоронениях некрополей Цемесской долины, Широкой Балки (Малышев, 2008. С. 147; 2011. С. 263, 264), памятников Центрального Предкавказья (Абрамова, 1993. С. 144, 145).

Кувшин. Сероглиняный кувшин с зооморфной «рогатой» ручкой и низким раздутым туловом, формы, близкой к биконической, высотой около 12 см, лежал на боку в ногах усопшего в паре с лепной кружкой (объект 600) (рис. 20). У кувшина кольцевой поддон, узкое высокое цилиндрическое горло и слегка отогнутый наружу расширяющийся венчик. Горло в верхней трети украшено двумя декоративными перехватами. Ручка в сечении прямоугольная, отбита, крепится к горлу и плечу тулова. Похожие кувшины бытовали на памятниках Центрального Предкавказья, где датируются I – началом II вв. (Абрамова, 1993. С. 134, 135).

Горшки. Этот тип сосудов также имел ритуальное значение в обряде похорон (Малышев, 2008. С. 147). Один такой сероглиняный горшок с шаровидным туловом располагался в изножье могилы (объект 562) (рис. 17). Венчик заострен и отогнут наружу, поддон кольцевидный (Малышев, 2011. С. 212). Небольшой красноглиняный горшочек с биконическим туловом высотой около 8 см был найден перевернутым на бок в ногах погребенного (объект 52). Горло короткое, венчик отогнут наружу, дно плоское (Сазонов, 1992. С. 247). Сильно разрушенный лепной горшок находился опять же в ногах индивида (объект 231) (рис. 8). Тулово сосуда, по всей видимости, было шаровидным, невысокое широкое горло выделено, венчик отогнут наружу. Дно не сохранилось, наиболее вероятно, сосуд был плоскодонным.

Металлическая посуда. Единственный встреченный в границах раскопа металлический сосуд был представлен серебряным канфаром, найденным в захоронении знатной женщины (объект 339) (рис. 9). Чаша канфара в виде полусферы, по внешней окружности тулово украшено рельефным орнаментом в виде желобков. Ручка сохранилась одна

петлевидная, высокая, ножка короткая, имеет на стволе рельефный выступ по окружности, основание ножки тоже полусферическое, чуть выгнуто. Канфар находился в ногах усопшей, с внешней стороны от левой голени, вместе с крупным составным бронзовым зеркалом и стеклянным бальзамарием. Два похожих канфара, датирующихся II–III вв., найдены в погребениях 1 и 2 некрополя у х. Городской (Сазонов, 1992. С. 247, 248; Художественное золото, 2012. С. 30). Сходный серебряный канфар первых веков нашей эры также найден в составе клада из Капандиб, Багуми (Трейстер, 2023. С. 390, 391).

Стеклянная посуда. Эта категория посуды представлена в большем количестве и ассортименте. Стеклянные, как правило, тонкостенные сосуды были встречены в 27 захоронениях всаднической группы (объекты 67, 70, 74, 80, 103, 111, 195, 221, 231, 339, 345, 362, 406, 418, 475, 479, 482, 498, 562, 582, 587, 588, 600, 614, 625, 633, 707) (рис. 2–4; 6–10; 12–15; 17; 20; 22; 23), что составило 61 % от общего числа комплексов группы. В первые века нашей эры бурным развитием стеклоделия были охвачены не только провинции Римской империи, но и периферийные территории. Обилие изделий из стекла отмечается в городах Боспора, Херсонесе, Ольвии, Тире, Истрии, Томах и других центрах (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 4). Открытые сосуды встречались на могильнике Ястребовское-Бережное-1 чаще закрытых. К ним относились чаши, стаканы (?), миски (объекты 74, 103, 111, 221, 231, 339, 345, 362, 482, 498, 562, 587, 600, 614, 625, 633) (рис. 4; 7–10; 12; 17; 20–22). К закрытым сосудам принадлежали бальзамарии, кувшины (объекты 67, 195, 339, 406, 475, 707) (рис. 2; 6; 9; 13; 23). Часть сосудов не была идентифицирована из-за плохой сохранности и сильной фрагментарности (объекты 70, 80, 418, 479, 582, 588) (рис. 3; 14; 15).

Всего в этой группе захоронений найдено 32 стеклянных сосуда. В 13 случаях стеклянные сосуды располагались в головах погребенных (объекты 67, 70, 74, 111, 231, 339, 345, 362, 475, 587, 600, 633, 707) (рис. 2–4; 8–10; 12; 20; 22; 23). В 10 захоронениях они были найдены в ногах (объекты 74, 103, 195, 231, 339, 362, 482, 562, 614, 625) (рис. 4; 6; 8; 9; 12; 17; 21). Лишь в одном случае сосуд находился сбоку от индивида (объект 406) (рис. 13). Нетипичное положение непосредственно на костях усопшего (объекты 80, 221, 418, 479, 498, 582, 707) (рис. 7; 14; 15; 23) или рядом со скелетом лошади (объект 588) встречено в восьми объектах. Такое их положение вряд ли можно считать первоначальным: предметы, вероятно, были смещены при разграблении могил.

Чаша. Чаша прозрачного бесцветного стекла с сужающимися ко дну стенками, край оттянут

наружу и оплавлен, слегка утолщен. Дно с утолщением в центре слабо вогнуто, высота около 5 см (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 61, табл. 40: 1). Лежала на боку в раздавленном виде у теменной кости погребенного (объект 111). Чаша прозрачного зеленоватого стекла с округлыми очертаниями стенок тулова и плавно отогнутым наружу верхним краем на кольцевом поддоне, высотой около 5 см (объект 345) (рис. 10). Целая форма была найдена вверх дном у головы жертвенной лошади, могила ограблена. Эта же форма встречалась в комплексах могильника Широкой Балки, где она датируется периодом конца I – начала III вв. (Малышев, 2011. С. 266). Чаша-фиала из прозрачного голубоватого стекла с ребристым туловом и полусферическим туловом обнаружена в изголовье ограбленного захоронения (объект 362) (рис. 12). Аналогии найдены при раскопках комплексов Цемесской долины (Малышев, 2008. С. 149) и Горгиипии (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 80, табл. 65), датируются I в.

Стаканы. Высокий стакан (бокал) с цилиндрическим туловом, расширяющимся в середине высоты («тюльпановидной формы») (Малышев, 2008. С. 48), предположительно с дисковидным поддоном. Венчик отогнут наружу, стекло прозрачное бесцветное, высота около 10 см. Лежал на боку в ногах погребенного (объект 625) (рис. 21). Высокий стакан с цилиндрическим, «припухлым» в нижней части туловом, на дисковидном поддоне, край отогнут наружу (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 47, табл. 34: 2). Стекло прозрачное. Был найден в изножье могилы (объект 633) (рис. 22). Стаканы этих форм известны в некрополях Западной Европы, Средиземноморья, Малой Азии, Южного и Северного Причерноморья, в том числе, и Крыма (Шабанов, 2020. С. 117). Датируются второй четвертью I – II вв. (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 47, 48, табл. 33).

В ряде случаев тип сосуда открытой формы установить доподлинно не удалось (объекты 74, 103, 221, 231, 339, 482, 498, 562, 587, 600, 614) (рис. 4; 7–9; 17; 20). Тем более что терминология в данном случае не имеет четкой регламентации (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 47). Все сосуды тонкостенные, имеют широкое устье, прямые или вогнутые стенки (цилиндрические или чашевидные формы). Наиболее вероятно, речь в таких случаях идет о чашах или стаканах. Сосуды из прозрачного бесцветного стекла найдены в объектах 74, 103, 221, 498, 600 (рис. 4; 7; 20), сосуды из прозрачного стекла с голубоватым оттенком – в объектах 231, 562, 614 (рис. 8; 17). В объекте 482 стекло сосуда было прозрачным с зеленоватым оттенком, а в объекте 587 – прозрачным белым.

Бальзамарии. Бальзамарий прозрачного бесцветного стекла, горло вытянуто, венчик прямоугольный в сечении, тулово сильно разрушено, усеченно-конической (?) формы. Сосуд был найден у левой голени погребенного (объект 339) (рис. 9). Бальзамарий прозрачного бесцветного стекла, горло вытянуто, венчик хорошо выражен, отогнут, тулово сильно разрушено, округлой, сильно уплощенной, формы. Дно разрушено. Находился в ногах погребенного (объект 195) (рис. 6).

Кувшины. Развал кувшинчика с одной ручкой прозрачного голубоватого стекла был найден в изголовье погребенного индивида (объект 67) (рис. 2). Тулово сосуда шаровидное, уплощенное, низкое, венчик отогнут наружу, горло узкое, короткое, ручка простая, в сечении овальная, дно отбито. Кувшин прозрачного голубого стекла, сильно разрушен, сохранились часть горла и венчика, и широкая лентообразная ручка, профилированная тремя ребрами, изогнута под прямым углом и образует петлю над венчиком. Сосуд лежал у плеча погребенного, справа (объект 406) (рис. 13). Вероятно, относится к типу кувшинов с шаровидным туловом, которые встречаются на Боспоре в погребениях I–IV вв. (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 76, 77, табл. 61: 2). Развал малого кувшина из прозрачного зеленоватого стекла был найден в изголовье могилы (объект 475). Венчик и горло хорошо выражены, короткая ручка крепится к горлу и тулову, в сечении овальная, дно плоское, форма тулова не восстанавливается. Фрагменты кувшина прозрачного голубого стекла с рельефной ручкой найдены в объекте 707, возле туловища погребенного и у черепа лошади (рис. 23). Фрагменты представлены частью горла с венчиком и ручкой. Венчик отогнут наружу, ручка крепится к венчику и тулову. Ручка профилирована продольными ребрами.

Арибалл. Небольшой арибалл – парфюмерный сосуд прозрачного голубоватого стекла – обнаружен в ногах погребенного (объект 362) (рис. 12). Горло широкое, воронковидное, не очень высокое. Две петлеобразные фигурные ручки, овальные в сечении расположены симметрично с обеих сторон, прикреплены к горлу и тулову. Тулово предположительно шаровидное, форма дна неизвестна.

Отдельно отметим вторично использованное стеклянное изделие – кольцевой поддон прозрачного бесцветного стекла миски или кувшина. Он был найден в изножье захоронения вместе с другими сосудами (объект 231) (рис. 8). Несмотря на то, что захоронение было ограблено эта часть могилы не пострадала. Кольцевой поддон

диаметром около 6 см находился в перевернутом виде и был использован, по-видимому, в качестве небольшого сосуда-плошки. Места соединения с туловом некогда целого сосуда тщательно заглажены.

Что касается неидентифицированных сосудов, то мелкие фрагменты прозрачного бесцветного стекла встречены в объектах 418 и 479 (рис. 14; 15), прозрачного белого – в объектах 70, 582 (рис. 3), прозрачного синего стекла в виде фрагмента рельефной сложнопрофилированной ручки сосуда (кувшинчик или канфар) – в объекте 80, прозрачного желтоватого стекла – в объекте 707 (рис. 23).

Орудия труда представлены в группы всаднических захоронений следующими находками: железным ножом, каменными оселками, керамическими пряслицами, костяной проколкой, кремневым отщепом. Предметы такого назначения найдены в небольшом количестве: лишь в восьми захоронениях (объекты 67, 70, 231, 339, 345, 362, 480 582) (рис. 2; 3; 8–10; 12; 16). Во многом это объясняется военным и аристократическим характером этой группы людей, для которых, очевидно, был чужд ручной труд, свойственный в большей степени оседлой части населения. Наличие в могилах этих предметов скорее носило символический, ритуальный характер.

Ножи. Фрагменты железных ножей были найдены в трех захоронениях (объекты 70, 362, 562, 600) (рис. 3; 12; 17; 20). В первом случае нож лежал вдоль левого предплечья погребенного. Он был прямой, имел небольшой скос обуха у острия. В объекте 362 найден фрагмент черешка с частью основания лезвия, который находился рядом со стеклянным сосудом в ногах погребенного (рис. 12). В объекте 562 нож лежал среди костей ограбленного костяка, в его изголовье (рис. 17). Он также был прямой, сохранилась черешковая часть и многочисленные разрозненные мелкие фрагменты. В объекте 600 изделие имело аналогичную форму и находилось на поясе усопшего (рис. 20).

Оселки. В группе встречено три каменных оселка (объекты 67, 480) (рис. 2, 16). В объекте 67 два оселка находились в районе таза погребенного, в объекте 480 предмет был зажат в левой руке покойного. Все три экземпляра имели уплощенную подпрямоугольную в плане и сечении форму. У двух из них в основании было высверленное широкое сквозное отверстие для подвешивания на пояс (объекты 67 и 480). Явных следов сработанности выявлено не было, по всей видимости, эти орудия при жизни не использовались. Похожие оселки,

лежавшие также на тазу погребенного или рядом с ним, найдены на некрополе х. Городского (погребения № 6 и 18) (Сазонов и др., 1995. С. 119). В одном случае автор отнес такое изделие к группе амулетов (Сазонов, 1992. С. 256).

Пряслица. Наиболее многочисленной категорией орудий труда стала группа керамических пряслиц. Четыре изделия обнаружены в трех захоронениях (объекты 231, 345, 362) (рис. 8, 10, 12). В объекте 362 найдено два таких предмета. В двух случаях изделия были лепными (объекты 345 и 362), в одном – сероглиняным (объект 231). Что касается форм пряслиц, в их составе были: цилиндрическое поперечно-сжатое пряслице (объект 231), два биконических (объект 362) и одно усеченно-коническое (объект 345). Все со сквозными отверстиями. Пряслица лежали вместе с прочими сопроводительными вещами в ногах (объекты 231, 362), у кисти левой руки (объект 480), у ног жертвенной лошади (объект 345). Погребальные комплексы Усть-Альминского могильника с аналогичными лепными пряслицами биконической и усеченно-конической форм датируются в пределах середины I – первой половины III вв. (Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 46, 47, 49, 53, 57, 58, 68–70, 80). Коническая форма часто встречается в меото-сарматских бытовых комплексах (Сазонов, 1992. С. 253). Аналогичное цилиндрическое поперечно-сжатое пряслице было найдено при раскопках одного из курганов «Золотого кладбища» (курган 44) римской эпохи между станицами Казанской и Тифлисской (Гущина, Засецкая, 1994. С. 49).

Проколка. Костяная проколка была найдена в одном единственном случае (объект 339) (рис. 9). Изготовлена предположительно из грифельной кости лошади, обработке подвергалось только острие (тип 2, по Берлизову) (Берлизов, 2011. С. 123, табл. 50: 9). Проколка находилась вместе с бронзовым составным зеркалом и серебряным канфаром в ногах погребенного, слева.

Кремневый отщеп. Небольшой фрагмент был найден среди костей лошади в объекте 582. Однозначно о его принадлежности к комплексу утверждать нельзя, поскольку находка может относиться не к самому захоронению, а к его заполнению (Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 69). В комплексах некрополя Танаиса и Кобяковском некрополе подобные находки трактуются как кресальные камни (Малышев, 2008. С. 177).

Предметы вооружения. Предметы наступательного вооружения были встречены в 17 погребениях группы, что составило 40 % от числа

таких комплексов. Во всех случаях захоронения принадлежали взрослым мужчинам, что не противоречит данным исследователей других аналогичных комплексов (Хазанов, 1971. С. 15). Виды найденного оружия: мечи железные – 9 ед. (объекты 67, 70, 86, 406, 418, 480, 567, 578, 587) (рис. 2; 3; 5; 13; 14; 16; 18; 19), наконечники копий железные – 9 ед. (объекты 70, 86, 333, 362, 479, 480, 503, 621, 707) (рис. 3; 5; 12; 15; 16; 23), наконечник дротика железного – 1 ед. (объект 181). В еще одном сильно разграбленном захоронении (объект 80) было найдено каменное навершие меча – единственная подобная находка на исследованной части могильника. Сам меч, очевидно, был украден.

Мечи. Чаще мечи располагались с левой стороны от покойного, с небольшими вариациями в размещении – слева вдоль ног (объекты 86, 406, 418) (рис. 5; 13; 14), слева у таза (объекты 67, 480, 578) (рис. 2; 16; 19). С правой стороны они располагались: вдоль ног (объекты 567, 587) (рис. 18), вдоль корпуса (объекты 70) (рис. 3). Для объектов 70, 86, 480 в комплексе с мечом характерно наличие и наконечника копья (рис. 3, 5, 16). Во всех случаях меч располагался рукоятью к голове, острием к ногам. Все найденные мечи относятся к типу мечей без металлического навершия, характерных для позднесарматского этапа (Хазанов, 1971. С. 15), и датируются разными авторами в пределах I–III вв. (Хазанов, 1971. С. 17, 21; Малышев, 2011. С. 276; Лимберис, Марченко, 2015. С. 131, 132; Гущина, Засецкая, 1994. С. 9, 10). Всаднические мечи чаще длиной около 1 м (в объектах 567, 587 – около 60–70 см), двулезвийные, сужаются в последней трети длины, уплощенные или линзовидные в сечении, конец заострен, редко закруглен. Ширина плоскости лезвия в верхней части около 5 см. Штыри рукояти брусковидные с расширением к лезвию: прямые, узкие и длинные (в среднем, около 5 см), в сечении подквадратные или уплощенные.

Единственное найденное в одной из могил крупное халцедоновое дисковидное навершие на рукоять со сквозным отверстием для крепления имело диаметр около 5 см (объекты 80). Подобная находка является редкостью для сарматских мечей. По мнению одного из исследователей, традиция украшать таким образом мечи могла зародиться под влиянием кубано-пантикапейской традиции (Хазанов, 1971. С. 16, табл. 14: 5) и была характерна для боспорского оружия первых веков нашей эры (Гущина, Засецкая, 1994. С. 10). Есть и иное мнение, что дисковидные халцедоновые навершия, отличающиеся высоким уровнем изготовления, появляются у кочевников Азиатской Сарматии и Боспора, начиная лишь

со второй половины II в. (Десятчиков, 1973. С. 77; Трейстер, 2019. С. 567, 568). Халцедоновые элементы сарматских мечей известны также в Подонье, Дании и Северной Германии (Гугуев, 2000. С. 172; Безуглов, 2019. С. 50).

Вариант украшения мечей крупными бусинами, служившими, по-видимому, чем-то вроде подвесок на мечях без металлических наверший (Хазанов, 1971. С. 26), был встречен в двух случаях (объекты 480, 578) – это были крупные меловая и стеклянная бусины (рис. 16; 19). Крупная бусина из меловой породы имела цилиндрическую, поперечно-сжатую, форму толщиной около 1 см и диаметром 2,1 см (объект 480). В центре ее было довольно широкое отверстие для подвешивания. Бусина была найдена у левой кисти погребенного, в непосредственной близости от уложенного рядом меча. Аналогичная бусина была найдена в одной из позднесарматских катакомб Пашковского могильника № 2, где лежала прямо на мече (Лимберис, Марченко, 2015. С. 127–129). Наибольшее количество таких изделий приходится на I–II вв. (Алексеева, 1982. 27, табл. 44: 48). Стеклянная полихромная бусина-гигант диаметром 3,9 см имела усеченно-коническую форму (объекты 578). Изготовленная из глухого черного стекла, она была декорирована спиралью также из глухого белого и красного стекла. В центре сквозное поперечное отверстие для подвешивания. Бусина была обнаружена рядом с мечом, у верхней его трети. Известные погребальные комплексы с аналогичной находкой датируются второй половиной I – II вв. (Малышев, 2008. С. 42, 43).

На мечях, найденных в объектах 406 и 567, выделялись специфические объемные поперечные наросты на лезвиях (рис. 13; 18). Они располагались в обоих случаях примерно в одних и тех же местах – на уровне нижней трети лезвия, на середине длины меча и в верхней трети лезвия или у основания рукояти. По всей видимости, это сохранившиеся остатки ножен в виде скоб или колец, или неких элементов, декорировавших ножны (Хазанов, 1971. С. 26). В комплексах ряда могильников (у х. Городского, Танаиса) на некоторых мечях такие скобы довольно хорошо сохранились на уровне середины лезвий (Сазонов, 1992. С. 250; Безуглов, 2019. С. 48), а найденный в 1996 г. на Мысхакском некрополе короткий меч в ножнах и приведенные автором аналогии показывают расположение элементов декора в аналогичных нашим экземплярам местах. Автор также отмечает редкость таких находок для региона Северного Причерноморья и подчеркивает статусность их владельцев (Малышев, 2020. С. 157, 158, рис. 140).

Копья. Копья были неременным видом вооружения для тяжелой конницы, имея для такого всадника огромное значение (Хазанов, 1971. С. 44; Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 161). Найденные в группе захоронений железные наконечники копий, как правило, располагались в изголовье могилы, справа от черепа или в случае ограбленных комплексов – в районе головы погребенного (объекты 86, 333, 362, 479, 503, 707) (рис. 5; 12; 15; 23). Очевидно, что копье укладывалось вдоль тела погребенного. К нетипичным вариантам их расположения отнесены следующие: справа у таза покойного, рядом с мечом, острием к ногам (объект 70) (рис. 2), под костями правого предплечья, острием к ногам (объект 480) (рис. 16), под задними ногами жертвенной лошади, острием к изножью могилы (объект 621). Наконечник копья из объекта 70, очевидно, подвергся намеренной порче – был согнут. Случаи ритуальной порчи оружия известны в литературе (Малышев, 2008. С. 14; 2011. С. 157; Сазонов, 1992. С. 250).

Все наконечники были втульчатými, средняя длина составила около 25 см. Наиболее часто встреченная форма пера – тонкая листовидная, с выделенным острием, длинной или средней втулкой, без выраженного ребра жесткости (объекты 70, 86, 333, 479, 480, 503, 621, 707) (рис. 3; 5; 15; 16; 23). В сечении уплощенные линзовидные. Такая форма является наиболее распространенной у савроматов и сарматов, появляется на Дону и Заволжье не позднее V в. до н. э. Использовалась вплоть до начала позднесарматского периода, I–II вв. (Берлизов, 2011. С. 86, табл. 35). К примеру, в Усть-Лабинском могильнике № 2 комплексы, включавшие в себя такие наконечники копий, датировались очень широко – периодом IV в. до н. э. – II в. (Хазанов, 1971. С. 46, табл. XXIV: 3). Лишь в одном случае возможен иной вариант короткого листовидного пера со скругленным острием I–II вв. (Хазанов, 1971. С. 47, табл. XXVII: 1) (объект 362) (рис. 12). Но поскольку предмет был сильно разрушен, утверждать это наверняка не представляется корректным.

Дротик. Единственный экземпляр железного дротика, который считается редким видом оружия для сарматов (Хазанов, 1971. С. 50), длиной 14,8 см был найден в изголовье погребенного, справа (объект 181). Наконечник дротика треугольный, уплощенный, с опущенными шипами-жальцами (тип 4, по Берлизову) (Берлизов, 2011. С. 87, табл. 36). Коническая втулка в три раза превышает по длине лезвие.

Остатки оборонительного оружия всаднической группы были немногочисленны. Отчасти этому

причиной был большой процент ограбления комплексов, но, очевидно, следует учитывать и дороговизну доспеха, из-за чего его редко клали в могилы (Хазанов, 1971. С. 59). Металлические доспехи были доступны только зажиточному слою населения, что подтверждается в том числе разнообразным богатым инвентарем в таких могилах (Астахов, 2020. С. 108). В рамках всаднической группы остатки этого вида оружия были обнаружены только в трех захоронениях (объекты 74, 181, 345, 562). Поскольку все они были в свое время ограблены, изделия дошли до наших дней по большей части в виде небольших разрозненных фрагментов.

Шлем. Наиболее интересной и целостной находкой категории является крупный железный сильно коррозированный предмет, лежавший в ногах погребенного, частично на его правой голени (объект 74). Судя по структуре и очертаниям – местами прослеживаются полосы пластин – это был каркасный шлем остроконечной конической формы – одна из форм, доминировавших в позднеантичный период (Гущина, Засецкая, 1994. С. 11; Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 194; Астахов, 2020. С. 105). Шлем вместе с кольчужой, аналогично расположенные – на голени правой ноги, встречаются в комплексе Цемесской долины (погребение 50), датированном второй половиной I – началом II вв. (Малышев, 2008. С. 79, 80). Конические шлемы известны в могильнике у х. Городского и датируются концом II – первой половиной III вв. (Астахов, 2020. С. 105).

Панцири. Наличие остатков панцирей предполагается в объектах 74, 181, 345, 562 (рис. 4, 10, 17). Здесь были найдены железные фрагменты пластин прямоугольной и прямоугольно-вытянутой форм – так называемые чешуйки. Чешуйчатые панцири бытовали у сарматов и на Боспоре в первые века нашей эры (Хазанов, 1971. С. 59; Берлизов, 2011. С. 93, табл. 38). В объекте 74 таких фрагментов было найдено четыре, некоторые из них со скругленным нижним краем и рельефным вертикальным ребром на плоской лицевой стороне (Хазанов, 1971. С. 61; Берлизов, 2011. С. 95). Пластины были найдены слева, в районе плеча, у пояса и голени. Верхняя часть скелета была в свое время основательно разграблена. Такое расположение остатков доспеха полностью совпадает с положением кольчуги в комплексах могильника у х. Городского того же времени, где сохранность предмета была заметно лучше (погребения 1 и 10) (Сазонов, 1992. С. 249). Один из найденных фрагментов походил на часть кольчужного плетения, что может указывать на комбинированный вариант доспеха, бытовавший в Прикубанье, в том числе в первые века нашей

эры (Хазанов, 1971. С. 61). У левой голени были также найдены две небольшие бронзовые пряжки и три тонких бронзовых наконечника на ремни – вероятно, остатки застежек амуниции. Все они небольшие одночастные, прямоугольные плоские с округлым концом, фасетированные. В основании имели отверстия для крепления. Бронзовые пряжки с обоймой были с овальной рамкой и коротким язычком. Щиток обоймы в одном случае прямоугольный спереди и овальный сзади, в другом – овальный с двух сторон, были пробиты двумя (?) и одной заклепками (Берлизов, 2011. С. 132, 133, 135, 136, табл. 52, 53).

Наиболее хорошо сохранившийся панцирь находился в ногах погребенного, где был уложен ему на ступни ног (объект 181). Изделие имело подпрямоугольную форму и состояло не менее чем из десяти довольно крупных прямоугольных железных чешуек, некогда видимо приклепанных одна к другой внахлест по двум (?) точкам. Здесь же на пластине лежало крупное железное кольцо, которое могло быть частью конструкции доспеха. Общие размеры изделия составили 0,30 × 0,25 м. В объекте 345 были найдены две слипшиеся пластинки прямоугольной и удлиненно-прямоугольной форм (рис. 10). На втором были заметны две мелкие выступающие железные заклепки, скреплявшие чешуйки между собой. Несколько железных пластин обнаружено рядом со стеклянным сосудом и в объекте 562 (рис. 17). Определенно сказать, что это за предмет, не представляется возможным: фрагментов мало, и они довольно бесформенны.

Детали конской упряжи. Были встречены в 30 комплексах всаднической группы (объекты 67, 70, 74, 80, 86, 103, 106, 111, 181, 195, 221, 231, 339, 345, 350, 362, 406, 418, 475, 480, 482, 507, 567, 578, 582, 587, 588, 600, 633, 707) (70% от общего числа захоронений группы) (рис. 2–14; 16; 18–20; 23). Напомним, что в данной работе не учитываются комплексы-кенотафы. Находки категории представлены преимущественно элементами конской узды и украшениями ее и лошади. Как правило, элементы упряжи и украшения были надеты на саму лошадь, редко уложены рядом. Детали украшения были встречены лишь в семи объектах (объекты 74, 80, 195, 480, 578, 587, 600) (рис. 4; 6; 16; 19; 20).

Стандартный набор конской упряжи состоял из железных удил и псалий, подпружных железных колец и пряжек. Удила – 29 пар – встречены в 23 захоронениях (объекты 67, 70, 74, 86, 103, 106, 111, 181, 195, 231, 339, 345, 350, 406, 475, 480, 482, 567, 578, 587, 600, 633, 707) (рис. 2–6; 8–11; 13; 16;

18–20; 22; 23). В объекте 406 находилось две пары удила, в объектах 181, 707 – по три пары. Псалии (17 пар) были обнаружены в 19 объектах (объекты 67, 70, 74, 86, 111, 181, 195, 231, 339, 345, 350, 406, 475, 480, 482, 507, 567, 578, 707) (рис. 2–6; 8–11; 13; 16; 18; 19; 23). В 18 комплексах они находились в паре с удилами (объекты 67, 70, 74, 86, 111, 181, 195, 231, 339, 345, 350, 406, 475, 480, 482, 567, 578, 707). Подпружные железные кольца – 6 штук – были найдены в пяти могилах (объекты 86, 339, 362, 418, 582) (рис. 5; 9; 12; 14), в объекте 339 лежала пара таких колец. Подпружные железные пряжки (16 экз.) найдены в 15 комплексах (объекты 74, 103, 106, 111, 195, 221, 231, 345, 362, 406, 475, 482, 578, 588) (рис. 4; 6–8; 10; 12; 13; 19). В объекте 195 их было выявлено две. Из единичных находок, отнесенных к конской сбруе, отметим некое железное крепление подпруги (?) или седла (?), найденное поверх ребер, у лопатки правой передней ноги лошади (объект 480) (рис. 16). Крепление конструктивно представляло собой довольно короткую ось с двумя загнутыми кольцами, верхнее – стремявидное.

Псалии с удилами. Все удила были однотипными – в виде железных стержней с кольчатыми грызлами, соединенными друг с другом, округлые в сечении. Что касается псалий, то большинство из них были колесовидные: крестовина в окружности была образована двумя перпендикулярными осями (объекты 67, 70, 74, 86, 111, 181, 195, 231, 339, 345, 350, 406, 475, 480, 482, 507, 567, 578, 707) (рис. 2–6; 8–11; 13; 16; 18; 19; 23). На некоторых экземплярах с внутренней стороны окружности псалиев по линии крестовин сохранилось по четыре коротких шипа. Внешние петли чаще были близки к округло-прямоугольной форме, прочно соединялись с удилами (Берлизов, 2011. С. 104, табл. 42). Такого типа псалии получили наибольшее распространение на Северном Кавказе (Смирнов, 1952. С. 17) в период I в. до н.э. – II в. (Гущина, Засецкая, 1994. С. 11). Последние исследования расширяют верхний предел датировки до первой половины III в. (Малышев, 2008. С. 163; 2011. С. 278), сдвигая при этом нижний ко второй половине I – началу II вв. (Лимберис, Марченко, 2015. С. 132). Этот тип псалий известен опять же по некрополям Цемесской долины (Малышев, 2008. С. 162, 163), Широкой Балки (Малышев, 2011. С. 278), комплексам «Золотого кладбища» (Гущина, Засецкая, 1994. С. 11), Пашковского могильника (Лимберис, Марченко, 2015. С. 131), могильника у х. Городского (Сазонов, 1992. С. 251).

Встречен вариант узды, где вместо псалий к удилам на концы было привешено по подвижному железному кольцу (объекты 103, 600, 633)

(рис. 20; 22). В случае объекта 600 известна конструкция удила с кольцами, где к ним крепились бронзовые (?) двусторонние зажимы для ремней на заклепках. Подобное строение узды с кольцами предполагает, что они могли использоваться вместо псалий (Абрамова, 1993. С. 147–149). В регионе Центрального Кавказа этот тип удила бытовал в период I–III вв. (Малышев, 2008. С. 163).

Кольца. Кольца железные и бронзовые часто связывают с конским снаряжением, они считаются характерной находкой для позднесарматских погребений II–III вв. (Гущина, Засецкая, 1994. С. 11, 12). Встречены в подавляющем большинстве случаев по одному на захоронение (объекты 74, 86, 339, 418, 582) (рис. 4; 5; 9; 14). В единственном случае выявлены два кольца (объект 339). Кольца располагались у головы лошади (объект 339), в районе спины лошади (объекты 74, 86, 339, 418), на костях передних ног (объект 582).

Пряжки. Функция пряжек и их принадлежность определялась по их местоположению в комплексе (Малышев, 2011. С. 290). Рассмотрим те, что были отнесены к элементам конской упряжи. Как и кольца, они встречались преимущественно по одному экземпляру на объект (объекты 67, 80, 103, 106, 111, 221, 231, 345, 362, 406, 475, 482, 578, 588) (рис. 2; 7; 8; 10; 12; 13; 19). В случае объекта 195 их было обнаружено две. Большинство из них было железными. Две пряжки были найдены в изголовье лошадей (объекты 74, 406) (рис. 4; 13), у передних ног в трех захоронениях (объекты 106, 195, 362) (рис. 6; 12), в районе подбрюшья лошади – восемь случаев (объекты 67, 80, 195, 221, 231, 475, 578, 588) (рис. 2; 6–8; 19), в районе спины – три случая (объекты 103, 345, 482) (рис. 10), в одном варианте – у таза лошади (объект 74) (рис. 4) и у задних ног (объект 111). Кое-где они были представлены лишь фрагментами округлых или овальных рамок (объекты 103, 106, 111, 482, 578, 588), рамок прямоугольной формы (объекты 67, 74, 195, 362). Целые или частично целые округлые без щитков с прямым язычком: найдены в объектах 80, 221, 345, 475; овальная рамка с прямоугольным щитком – в объекте 406; прямоугольная – в объекте 231. Первые отнесены к типу П1 (по Малашеву), I в., вторая – тип П1, третья – к типу П3, I – первая половина II вв. (Гугуев, 2000. С. 195, 221, 222).

К украшениям узды были отнесены бусы-пронизи, а также сбруйные наборы в виде бляшек и элементов их креплений: зажимов для ремней, пряжек, наконечников ремней, накладок (объекты 74, 80, 195, 480, 578, 587, 600) (рис. 4; 6; 16; 19; 20). Пронизи на сбруе присутствовали в пяти захоронениях

(объекты 74, 195, 562, 578, 587) (рис. 4; 6; 17; 19), бляшки были обнаружены в трех комплексах (объекты 80, 195, 600) (рис. 6; 20).

Бусы-пронизи. По материалу изготовления были встречены пронизи из белой пасты (?), египетского фаянса, золотой фольги. Чаще всего они находились в районе лошадиных черепов или рядом. Пастовые бусы глухого белого цвета, как правило, украшали ремни оголовья, надетые в один вертикальный ряд, симметрично с двух сторон (объекты 74, 195, 562) (рис. 4; 6; 17). По форме они, как правило, были цилиндрические, реже бочковидные поперечно-сжатые или округлые поперечно-сжатые. В объекте 74 их была найдена 21 шт., в объекте 195 – 9 шт., в объекте 562 – 4 шт. Бусина из египетского фаянса (объект 578), округло-ребристая, бирюзового цвета найдена на позвонках лошади, между лопаток – вероятно, украшала собой поводья (рис. 19). Этот тип бус чаще всего встречается в комплексах I–II вв. (Малышев, 2008. С. 23, 27; Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 93, 94), отдельные комплексы заходят в I в. до н. э. и III–IV вв. (тип 29, по Алексеевой) (Алексеева, 1975. С. 34, табл. 5). Крупные пронизи из золотой фольги были найдены в четырех захоронениях (объекты 74 – 2 ед., 195 – 2 ед., 578 – 1 ед., 587 – 1 ед.). Лежали у таза и передних ног, вероятно, также были нанизаны на поводья (объекты 74, 587) (рис. 4), пронизи у черепа украшали собой ремни оголовья (объекты 195, 578) (рис. 6; 19). Эти бусины имели биконическую форму с выделенным поперечным ребром в месте максимального расширения, в длину были около 3–4 см. Сквозное отверстие с обеих сторон оформлено ободками из рубчатой проволоки. Такие пронизи носили ритуальный, бутафорский характер. Сделанные из тонкой ломкой фольги, очевидно, что они не были пригодны для использования в повседневной жизни, но в обряде захоронения при этом выполняли свою функцию символически. Такая форма бус известна еще с эллинистического времени (Трейстер, 2015. С. 35, 36, 119, 375). Аналогичные изделия были найдены в могильнике у х. Городского (погребение 13), где датированы II–III вв. (Художественное золото, 2012. С. 28).

Сбруйные наборы. Украшения сбруйных наборов обнаружены в пяти захоронениях (объекты 80, 195, 329, 480, 600) (рис. 6; 16; 20). В случае первых двух захоронений (объекты 80 и 195) металлическая гарнитура была представлена только бляшками, оба комплекса были в свое время разграблены. В объектах 480 и 600 найдены ременные подвески, накладки, пряжки, наконечники ремней. Малая бронзовая нашивная бляха в захоронении

объекта 80 представляла собой плоский диск диаметром 4,3 см, в котором по краю было проделано четыре небольших отверстия для крепления. Была найдена среди костей в районе груди лошади. Похожая бляха, но с двумя крепежными отверстиями, известна по кургану 47, исследованному между станицами Казанской и Тифлисской в 1901 г. (Гущина, Засецкая, 1994. С. 50, 113). В объекте 195 у черепа лошади обнаружена малая нащечная бронзовая бляха – сплошная прямоугольная, размерами 2,6 × 1,4 см, с прямоугольной выступающей широкой петлей на обороте. Ременная фигурная бронзовая подвеска подпрямоугольной вытянутой формы лежала у позвоночника лошади в объекте 329. В случае объекта 480 элементы декора упряжи были найдены в районе спины, у таза и задних ног лошади. У спины они были представлены шестью небольшими тонкими бронзовыми накладками длиной не более 3,7 см с отверстиями для крепления. На некоторых сохранились бронзовые заклепки, крепившие накладки к ремням упряжи. Здесь же лежало небольшое бронзовое портупейное подвесное кольцо диаметром около 1 см с небольшой бронзовой каплевидной подвеской. У задних ног были найдены две миниатюрные бронзовые пряжки с наконечниками-подвесками (уздечный набор?). Пряжки с прямоугольной рамкой размерами 2 × 1 см имели прямоугольные щитки, закрепленные на одну заклепку. Двухчастные нефасетированные наконечники-подвески имели подпрямоугольную форму, несколько расширившись книзу, петля для крепления выделена в прямоугольную форму, отверстия для крепления также прямоугольные, как и обойма. Длина подвесной части около 3 см, вместе с обоймой около 5 см, тип N1 (по Малашеву), I в. (Гугуев, 2000. С. 197, 221, 222). Известна схожая случайная находка из Херсонской области, отнесенная к позднесарматскому времени (Антипенко и др., 2021. С. 227).

Наиболее цельный парадный уздечный набор был обнаружен в объекте 600, где он был положен у головы лошади. Он изготовлен частично из белого металла, предположительно серебра, отдельные части были из бронзы. В наборе были три миниатюрные серебряные пряжки, две нащечные серебряные бляхи, шесть малых серебряных бляшек, миниатюрная серебряная фигурная накладка, шесть прямоугольных бронзовых (?) зажимов на ремни уздечки, две серебряные обоймы ремней, бронзовое подвесное кольцо на щитке. Все три миниатюрные пряжки состояли из округлой рамки с утолщением спереди и загнутым за рамку язычком. Щиток пластинчатый, прямоугольной формы, с креплением на ремень в виде заклепки-шляпки. Размеры пряжек 2,7 × 1,7 см. Две парные нащечные бляхи

округлой формы дисковидные, несколько выгнутые, диаметром около 3,3 см. По двум сторонам на каждой симметрично располагались два подквадратных выступа для креплений, в каждом по отверстию и заклепке-шляпке. Похожие нащечники известны по захоронению из кургана 160 Беспанского могильника, а также в комплексе памятника Березняки (Каменецкий, 1989. С. 302, табл. 81: 50). Как элемент уздечной гарнитуры они довольно часто встречаются в наборах позднесарматского времени Восточной Европы и Северного Кавказа (Малашев, Дзущев, 2016. С. 165, 173, 186). Бляхи-заклепки (6 экз.) размерами 1,2 × 1,2 см имели квадратную (ромбическую?) слегка выгнутую основу. По центру в каждой имелась заклепка-шляпка для крепления на ремень. Фигурная декоративная накладка состояла из уплощенной проволоочной рамки, согнутой в прямоугольник, одна из коротких сторон имела дополнительную угол-вершину. Внутри образованного полого пространства продольно были вставлены два симметричных зигзага из уплощенной проволоки. Размер накладки составил 2,4 × 1,3 см. Пластинчатые прямоугольные зажимы на ремни (6 ед.) были найдены прикрепленными к железным кольцам на удилах. Каждый зажим представлял собой согнутую пополам узкую пластину, к которой посредством двух заклепок крепились ремни оголовья. Предположительная длина каждого из зажимов около 6 см, ширина 1 см. Аналогичный набор амуниции в виде ременных зажимов, только вставленных в отверстия псалий, был обнаружен в подбойной могиле № 183 некрополя Нейзац в Крыму. Основная часть предметов из этой могилы была отнесена к II–III вв. (Антипенко и др., 2021. С. 228, 229). Подобный набор удил с зажимами из Беспанского могильника отнесен к III в. (Малашев, Дзущев, 2016. С. 166, 188). Обойм ремней уздечек найдено две. Каждая из них размерами 2,6 × 1,3 см выполнена из пластины, продольно загнутой в прямоугольный в сечении цилиндр. Вероятно, выполняли также и декоративную функцию. В единственном экземпляре найдено подвесное кольцо с зажимом овальной формы. Зажим крепился на ремень при помощи заклепки. находка датируется II–III вв. (Гущина, Засецкая, 1994. С. 11, 12). Похожая конструкция парадного уздечного набора с подвижными кольцами и металлическими зажимами при наличии парных нащечных блях, пряжек с подвижными язычками находит аналогии в степных погребениях позднесарматской культуры, в первую очередь в комплексах первой половины – середины III в. (Малашев, Дзущев, 2016. С. 175).

Детали одежды, украшения, предметы туалета, прочие предметы. В позднесарматский период количество встреченных в захоронениях пред-

метов туалета сокращается по сравнению с предшествующим периодом (Каменецкий, 1989. С. 200). В группе всаднических захоронений в погребальных наборах встречались детали одежды (фибулы – 14 ед., пряжки – 12 ед., накладки – 3 ед., заклепки – 1 ед.), украшения (серьги – 3 ед., подвеска – 1 ед., браслеты – 8 ед., перстни – 9 ед., бусы – 529 ед.), предметы туалета (зеркала – 4 ед., шкатулки – 6 деталей), другие предметы (монеты – 4 шт., зубы-амулеты – 5 ед., астрагалы – 20 ед., фишки – 7 ед.).

Фибулы. Фибулы найдены в 14 захоронениях группы (объекты 70, 111, 231, 339, 362, 368, 482, 503, 582, 588, 600, 614, 625, 633) (рис. 3; 8; 9; 12; 20–22). В большинстве это были женские захоронения – семь объектов (111, 231, 339, 482, 588, 600, 625), мужские – четыре комплекса (объекты 70, 362, 503, 582), детские – три объекта (368, 614, 633). Все фибулы, за исключением одной (объект 600), были бронзовыми. Найденные *in situ*, как правило, лежали острием вверх, прямо или несколько под углом, то есть очевидно застегивались приемником вверх. Как правило, фибулы располагались на груди слева (объекты 70, 111, 368, 614, 625, 633), реже справа (объекты 503, 600, 614, 625). Из нетипичных мест их расположения в комплексах – на поясе слева – две шт. (объект 482), в ногах (объект 231). В случае ряда объектов (362, 582, 588) фибулы были сдвинуты со своих первоначальных мест при ограблении могил и найдены уже среди разбросанных костей.

Всего было встречено пять типов фибул: лучковые с подвижным приемником, подвижная с расширенной спинкой и узкой ножкой, сильно профилированные фибулы причерноморского типа, фибулы-броши, провинциальная шарнирная фибула. Первый тип абсолютно преобладал. Лучковые фибулы с подвижным приемником (9 экз.) самая многочисленная группа. Встречены в различных исполнениях: украшенные простой спиральной обмоткой, второй половины II – начала III вв. (Сазонов, 1992. С. 254; Сазонов и др., 1995. С. 130; Малышев, 2008. С. 169, рис. 113: 67; 2011. С. 282; Свиридов, 2024. С. 130) (объекты 111, 503, 625), со спинкой, украшенной фигурной обмоткой, второй половины II – начала III вв. (Амброз, 1966. С. 51, табл. 9: 12; Сазонов, 1992. С. 254, 261; Гугуев, 2000. С. 225, рис. 5: 13; Малышев, 2008. С. 169, 282, рис. 113: 10; Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 65, 247; Художественное золото, 2012. С. 28; Лимберис, Марченко, 2015. С. 126, 129; Власов и др., 2024. С. 91, 92) (объекты 231, 368, 482, 600, 614). В объекте 600 таких фибул было найдено две. Пружинная фибула с расширенной гладкой спинкой и узкой ножкой (так называемая

«лебяжбинская» серия I–II вв.) (Амброз, 1966. С. 56, табл. 10: 6) представлена единственным экземпляром (объект 482). Три сильно профилированные фибулы причерноморского типа встречены в объектах 614, 625, 633, датируются второй половиной I – первой половиной II вв. (Амброз, 1966. С. 40, табл. 8: 6). В случае объектов 70, 362, 582, 588 бронзовые фибулы были сильно фрагментированы, что не позволило определить их тип.

В группе захоронений всадников также найдены три римские фибулы с геометрическими щитками и эмалью, две из них – фибулы-броши. Получившие широкое распространение в римское время, они использовались одновременно как в качестве застежек на одежде, так и украшений (Кругликова, 1984. С. 101, 214). Одна из фибул-брошей (объекты 339) ромбическая с рудиментами завитков на концах. Выемчатая эмаль светло-желтого и светло-зеленого цветов, форма датируется II–III вв. (Амброз, 1966. С. 33, табл. 15: 7). Была найдена в знатном женском захоронении, слева от погребенной, на уровне колен. Вероятно, брошена в могилу в момент захоронения, кроме того, подверглась ритуальной порче: игла была обломана. Броши с ромбическим щитком известны еще со времен архаики. Похожие формы найдены в Цемдолинском могильнике (Малышев, 2008. С. 169, 170), курганах у Новотитаровской, Раздольной, Пролетарского и других (Берлизов, 2011. С. 128, табл. 51). Наиболее близкая аналогия по форме и контексту происходит из могильника у х. Городского (погребение 2) (Сазонов, 1992. С. 254, 261; Национальный музей, 2022. С. 34).

Еще одна фибула-брошь из этого же объекта – изделие со сложной формой щитка в виде диска с крупным круглым сквозным отверстием по центру. Выше и ниже диск дополнен двумя полумесяцами, расположенными «рогами» вверх. В стороны от диска, перпендикулярно полумесяцам, отходят два кольцевидных придатка с тремя отростками на каждом. Выемчатая эмаль на фасадной части щитка цветная, сложная, оформлена в виде двух окружностей вокруг сквозного отверстия. На внутреннем «кольце» через пустые промежутки присутствуют сегменты светло-желтого цвета, на внешнем – сегменты синего цвета перемежаются с сегментами бело-оранжевой мозаики. Фибула целая, была найдена в районе груди погребенной, слева. Близкая по форме «рогатая» фибула известна все в том же могильнике у х. Городского (погребение 3). Оба комплекса этого некрополя отнесены к второй половине – концу II в. (Сазонов, 1992. С. 254, 257, 262; Национальный музей, 2022. С. 34). Отметим, что состав погребального инвентаря этих комплексов схож с объектом 339

не только в части фибул-брошей, также во всех трех комплексах обнаружены похожие серебряные кубки.

Третья фибула дужковая шарнирная, была найдена в женском захоронении (объекты 625) у теменной части черепа погребенной. Брошь с узким корпусом и геометрическим, прямоугольным щитком по центру, дополненным сверху и снизу двумя выступающими в обе стороны неширокими рельефными перекладинами. Концы корпуса оформлены вытянутыми полукруглыми выступами с перехватами в виде коротких рельефных перекладин. Центр щитка украшен «глазком» синего цвета. Игла отломана. Фибула также отнесена к II в. (Амброз, 1966. С. 29, табл. 14: 5) Похожие римские фибулы также известны в могильниках Фронтное-3 (Гавритухин и др., 2020. С. 101, 102) и Усть-Альминский (Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 82, 83, 278), где они также датируются в пределах II–III вв.

Пряжки. Поясные пряжки присутствовали в 11 захоронениях (объекты 67, 74, 80, 195, 345, 479, 480, 503, 567, 600, 614) (рис. 2; 4; 6; 10; 15; 16; 18; 20). В большинстве случаев в комплексах было найдено по одному изделию, только в двух захоронениях их было по две (объекты 195 и 479). Все пряжки, за исключением одной (объект 567), были бронзовыми. Чаще они находились в районе тазовых костей, на поясе (объекты 67, 74, 479, 480, 503). В объекте 567 пряжка лежала с внешней стороны левого бедра погребенного, в объекте 479 – между ног, а наконечник ремня – в ногах, в объекте 614 – в ногах, в объекте 80 – рядом с костями животного (погребальная пища), в объектах 195 и 345 – среди костей разграбленных захоронений. В объекте 345 найдена только обойма, состоящая из двух плоских пластин, соединенных двумя заклепками.

Небольшие ажурные бронзовые пряжки без обоймы с подвижным язычком обнаружены в объектах 67, 80 и 479. В объектах 67 и 479 присутствовали прямоугольные бронзовые нефасетированные фигурные наконечники-подвески. Пряжки этого типа встречаются в комплексах с вещами первых веков нашей эры (Зубарь, 1982. С. 105, рис. 71: 2). Аналогичные предметы известны в некрополе Раевского городища (погребение 8) (Малышев и др., 2021. С. 335), Фронтное-3 (Гавритухин и др., 2020. С. 101, 102, рис. 5: 15). Отдельно выделим прорезную пряжку с фигурной рамкой, украшенную дополнительными завитками в ее основной части. Пряжка находилась между ног погребенного (объект 479).

В объекте 74 обнаружена бронзовая пряжка с утолщенной в передней части овальной рамкой, язычок отсутствует, щиток с овальной лицевой и прямоугольной тыльной частями, датируется концом II – III вв. (Власов и др., 2024. С. 93, 94, рис. 5, 8, 9). Две бронзовые пряжки в объекте 195: округлорамчатая, с массивным уплощенным прямым и заостренным язычком I – начала II вв. (Малышев, 2020. С. 31, 167, рис. 145, №4); округлорамчатая, без утолщения, с прямым язычком, щиток округлой формы с лицевой и тыльной сторон (тип П2а, по Малашеву), II в. (Гугуев, 2000. С. 195, 221, рис. 2). В объектах 480 и 503 найдены только бронзовые рамки: рамка с прямой стороной в основании и полностью круглая. Пряжки с круглыми рамками встречаются в комплексах I – начала II вв. (Малышев, 2020. С. 167, рис. 145: 19). Железная пряжка была представлена сильно фрагментированной прямоугольной рамкой, язычок отсутствовал (объект 567). В объекте 614 от пряжки сохранилась только фигурная бронзовая рамка без щитка с оформленным заглубленным ложем для язычка и несколько удлиненной в этом месте рамкой. В целом она имела полукруглую форму с прямой выделенной в основании стороной.

Элементы одежды и обуви. Единственная обувная заклепка была найдена у левой стопы погребенного в объекте 362 (рис. 12). Кроме того, по небольшой бронзовой пластине лежало в ногах индивидов в объектах 86 и 111 (рис. 5). В обоих случаях они лежали у правой ноги. Похожая бронзовая заклепка была найдена у левого тазового крыла усопшего в объекте 482.

Украшения. Серьги. Считаются массовым видом украшения, который на протяжении всего раннего железного века использовался как женщинами, так и мужчинами (Кононов, 2023б. С. 32). В нашем случае все же предполагается, что захоронения, содержавшие в инвентаре серьги, были женскими. Были встречены лишь в трех погребениях группы (объекты 498, 600, 625) (рис. 20, 21). В первом случае серьга была бронзовая (объект 498), во втором – золотая (объект 600), в третьем – серебряная (объект 625). Простая бронзовая серьга из объекта 498 была фрагментирована, представляла собой несомкнутое гладкое проволочное малое кольцо (до 2 см в диаметре), округлое в сечении, с небольшой спайкой вниз, к которой, по всей видимости, крепились подвеска (Берлизов, 2011. С. 111, 112, табл. 47). Сама подвеска не сохранилась. Серьга была найдена среди разбросанных при ограблении костей лошади.

Фрагмент золотой серьги, предположительно, с кольцевидной дужкой, был представлен подвеской

(щитком?) с вставкой, высота щитка 1,1 см. Изделие было обнаружено среди разбросанных костей верхней части скелета в объекте 600: богатое захоронение в свое время было ограблено. Каплевидная подвеска имела по краю рубчатый валик, в центр вставлена стеклянная/каменная вставка светло-голубого глухого цвета в высокой прямой оправе. Сверху как будто заметна обломанная петелька. Схожие по стилистике серьги известны по некрополям Фанагории (Трейстер, 2015. С. 112, 114, рис. 21: 18), Херсонеса и Мысхакского могильника, где они датируются в пределах II–IV вв. (Журавлев и др., 2017. С. 45, 46, 247, кат. 86; Малышев, 2020. С. 75, 97, 162, 163). Наиболее близкой аналогией является серьга из Мысхакского некрополя (погребение 57) (Малышев, 2020. С. 97). Комплекс датируется II в. В погребениях этого же некрополя (погребения 13 и 22) встречены серебряные перстни с припаянными в виде щитка двумя такими вставками II в. (Малышев, 2020. С. 44, 45, 58, 59, 159). В некрополе Горгиппи (саркофаг 2 рубежа I–II – первой половины III вв.) найдены похожие изделия из золота: ременной наконечник, бляха, браслет, пронизь с припаянными вставками, все этой же каплевидной формы. В этом же захоронении аналогичными многочисленными изделиями было инкрустировано парадное оружие (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 252–258, 273, 467). В некрополе Фронтное-3 такие элементы были частью ожерелья (Гавритухин и др., 2020. С. 106). Они же встречаются и на перстнях (Арсентьева, Горская, 2019. С. 121). Использование подобных подвесок/вставок было довольно широко распространено в первые века нашей эры. Все же представляется, что в нашем случае, судя по расположению изделия, речь может идти о фрагменте серьги.

Простая серебряная серьга с кольцевидным крючком для подвешивания в объекте 625 обнаружена *in situ* на правой височной кости погребенной. Она была фрагментирована: сохранилась лишь подвесная часть изделия в виде увитого проволокой жесткого столбика с полым шариком на конце. Аналогичное изделие найдено в погребении 70 некрополя Широкая Балка, автор датирует его IV в. (Малышев, 2011. С. 124, 298).

Гривна. Единственная найденная в границах раскопа золотая гривна обнаружена в знатном детском захоронении в паре с лошадьё (объект 614), где, очевидно, выполняла престижно-знаковую функцию (Гущина, Засецкая, 1994. С. 15, 16, 114) символа власти (Сазонов, 1992. С. 245). Витая гривна была изготовлена из скрученного спирально четырехгранного в сечении стержня (Берлизов, 2011.

С. 120, табл. 49, отд. 3), диаметр изделия 9,6 см. Конструкция застежки представляла собой загнутую на одном обороте петлю и небольшой крючок. Подобные золотые гривны известны и по другим памятникам среднесарматской и позднесарматской культур (Каменецкий, 1989. Табл. 82: 42). Их появление в могильниках этого времени отражает формирование в меото-сарматской среде групп с высоким социальным статусом (Кононов, 2023а. С. 19). То есть во всех случаях их стоит рассматривать как социально-значимый атрибут (Стоянова, 2011. С. 126). Золотые браслеты, изготовленные в той же технике, были найдены в могильниках у х. Городской и в кладе из Капандиби I в. (Трейстер, 2023. С. 344, 345, 393). В первом случае предмет датирован II в. (Сазонов, 1995. С. 135; Художественное золото, 2012. С. 22). На том же могильнике у х. Городской была обнаружена конструктивно похожая гривна II–III вв. (Сазонов, 1995. С. 135; Художественное золото, 2012. С. 27).

Подвески. Единственный экземпляр обнаружен в объекте 633 (рис. 22). Подвеска, выполненная из гальки, была найдена среди стеклянных бус, на шее погребенной. Вероятно, служила амулетом. Представляла собой небольшую ромбовидную уплощенную гальку с просверленным сквозным отверстием для подвешивания, длина изделия около 2 см. На лицевой стороне высечено рельефное изображение из тонких неглубоких борозд, составивших собой некий геометрический орнамент. Поверх рельефа подвеска окрашена в глухой желтый цвет. Подобные экземпляры относятся к местным изделиям, их количество возрастает в римское время, как и количество амулетов (Алексеева, 1982. С. 26, 27).

Браслеты. Найдены в пяти комплексах (объекты 498, 600, 614, 625, 633) (рис. 20–22). Всего обнаружено восемь изделий, отнесенных к четырем типам: 1) раздвижные браслеты из тонкой бронзовой проволоки со связанными к спинке концами (тип 1, по Зубарю); 2) браслет с несомкнутыми концами из округлого стержня и бронзовой обмоткой поверх него; 3) бронзовый несомкнутый браслет, округлый в сечении с заостренными концами (тип 3, по Зубарю; тип 5, по Берлизову); 4) бронзовый несомкнутый браслет из округлого в сечении стержня с утолщением на концах и обрубленными концами (тип 7, по Зубарю, тип 3, по Берлизову).

Браслет первого типа встречен в комплексе с захоронением ребенка знатного рода (объект 614). Лежал в ногах вместе со стеклянным сосудом. Тип характерен для погребений первых веков нашей эры. Северного Причерноморья, а также Югославии,

Венгрии, Австрии, Германии (Зубарь, 1982. С. 94, 95). Чаще попадаются именно в детских захоронениях. Еще два браслета этого типа довольно плохой сохранности найдены в объекте 633 на руке и на груди ребенка. Захоронение также принадлежало к числу знатных. Однотипные браслеты из бронзы и серебра найдены на территории некрополей Цемесской долины, Широкой Балки, Мысхако, у х. Городского, Усть-Альминского могильника, некрополя Горгиппи и других (Сазонов, 1992. С. 255, 271; Абрамова, 1993. С. 153, 154; Гушина, Засецкая, 1994. С. 16, 65, 140; Алексеева, Сорокина, 2007. С. 187, 235; Малышев, 2008. С. 94, 174; 2011. С. 292; 2020. С. 164, 165; Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 19, 21, 142, 145, 213, 239, 268).

Браслет второго типа лежал между ребенком и лошастью, скорее всего был брошен в могилу перед погребением. Представлял собой довольно толстый, округлый в сечении стержень, обмотанный поверх уплощенной бронзовой проволокой. Обмотка сохранилась не везде. Похожий браслет, но гораздо более худшей сохранности, найден в детском захоронении могильника у х. Городской (погребение 13), датирован II в. (Сазонов, 1992. С. 255, 257, 271).

Браслет третьего типа обнаружен на левой руке ребенка в объекте 633, датируется широко I–IV вв. (Зубарь, 1982. С. 94, 95; Берлизов, 2011. С. 116, табл. 48; Малышев, 2011. С. 292).

Браслет, отнесенный к четвертому типу, находился на правом предплечье погребенной (объект 625). Изготовлен из округлого в сечении, довольно толстого стержня с утолщением на концах и обрубленными концами. Еще один цельнометаллический браслет этого же типа, но изготовленный из золота/электра, найден в богатом разграбленном женском захоронении у головы погребенной (объект 600). Такая форма появляется в Северном Причерноморье в первых веках нашей эры и встречается вплоть до раннесредневекового времени (Зубарь, 1982. С. 95, 99; Берлизов, 2011. С. 115, 116, табл. 48). Комплекс некрополя Широкая Балка, содержащий аналогичный браслет, был отнесен к концу II – середине III вв. (Малышев, 2011. С. 147, 148, 284, 292). В Усть-Альминском могильнике такие браслеты встречались в могилах 994, 995, 1045, склепах 1002, 1010, все они датируются в пределах II – второй трети III вв. (Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 34, 38, 47, 71, 170, 172, 173, 186, 261). Известен этот тип и по Пашковскому могильнику № 1 (погребения 14.1948 и 15.1948) (Смирнов, 2016. С. 37, 37, 208, 209), а также по комплексу могильника Фронтное-3 (погребение 163)

(Гавритухин и др., 2020. С. 101, 103, 104). Небольшой фрагмент бронзового браслета в виде отрезка округлого в сечении стержня найден среди разбросанных костей в разграбленном захоронении (объект 498).

Перстни и кольца. Перстни и кольца встречаются в восьми захоронениях группы (объекты 111, 195, 221, 339, 345, 480, 498, 578) (рис. 6; 7; 9; 10; 16; 19). Всего найдено девять таких изделий. Наиболее многочисленная группа представлена бронзовыми кольцами. Все они были однотипными, с продольным выступающим клиновидным ребром по внешней окружности (объекты 195, 339, 345, 480). Всего таких колец обнаружено пять, в объекте 345 их было два. В объектах 195, 345 и 480 кольца лежали у голов лошадей, в объекте 339 – у задних ног лошади, в объекте 345 – среди разбросанных при ограблении костей. Аналогичное кольцо, также обнаруженное в ногах жертвенной лошади, найдено в погребениях 4 и 16 могильника х. Городского, автор относит их ко II в. (Сазонов, 1992. С. 257, 263; 1995. С. 127, 130).

Единственный в группе стеклянный перстень обнаружен у левого крыла таза погребенной женщины (?) в объекте 221. Полихромное изделие было изготовлено из коричневого стекла с синей полусферической имитацией вставки с желтым ободком вокруг, шинка в сечении округлая. Стеклянные перстни известны по могильникам у х. Городского (погребение 22 первой половины II в.) (Сазонов, 1995. С. 119, 134), Усть-Альминский (могила 970 первой половины II в.) (Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 11, 121), Фронтное-3 (погребение 230) (Гавритухин и др., 2020. С. 103, 104), Заветное, Битакский, Нейзац, Неапольский, Чернореченский, Совхоз 10, Бельбек IV (Труфанов, 2018. С. 82). Все они укладываются в широкий период конца I – первой половины III вв. с заметным их преобладанием во II в.

В группе всаднических захоронений также найдены два бронзовых перстня со вставками (объекты 111 и 498). Перстень в объекте 498 был найден среди разбросанных при ограблении костей. Массивный, овальной формы, шинка овальная в сечении, немного расширяется кверху. В такое же овальное отверстие на щитке помещалась сильно разрушенная стеклянная вставка. Идентичным по форме оказался и второй такой перстень, найденный в объекте 111. Он лежал на левом крыле таза погребенной. В отличие от первого, в нем сохранилась сердоликовая вставка с геммой-инталией. Плазма вставки овальная со слегка выпуклой верхней гранью. На гемме изображена римская богиня правосудия Юстиция, в правой руке

державшая острием вниз длинный меч, в левой – весы, на глазах повязка. Эта форма перстней была распространена в римское время (Арсентьева, Горская, 2019. С. 119). Они известны как со стеклянными вставками, так и со вставками из полудрагоценных камней, с геммами и без, в комплексах некрополей Цемесской долины (погребения 27 и 46 второй половины I – II вв.) (Малышев, 2008. С. 50, 76, 175), Широкой Балки (погребение 138 первой половины III в. н.э.) (Малышев, 2011. С. 58, 59, 213), Перевальное (вторая половины I – II вв.) (Власов и др., 2024. С. 94, 95), Фронтное-3 (погребение 16) (Гавритухин и др., 2020. С. 103, 104), Мысхакского некрополя (погребение 22 первой половины II в.) (Малышев, 2020. С. 159, 161), Усть-Альминского некрополя (могила 1007, последняя треть I – первая половина II вв.) (Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 44, 197). Невыразительные фрагменты гораздо менее массивного проволочного (?) бронзового перстня (?) обнаружены на правой руке погребенного в объекте 578. Изделие сильно разрушено, что не позволило определить его тип.

Бусы. Наиболее многочисленным видом украшения погребенных стали различные по материалу, форме, цвету и количеству бусы. Коллекция бус насчитывает 529 единиц. Из 43 комплексов группы бусы были найдены в 11 из них (объекты 103, 106, 221, 231, 339, 345, 362, 482, 498, 582, 588) (рис. 7–10, 12). Большинство захоронений были женскими и детскими. Абсолютно преобладают стеклянные бусы – 409 ед. (77 %); далее по количеству следуют каменные – 77 ед. (14,5 %): гагат – 37 ед., сердолик – 29 ед., янтарь – 11 ед.; меловые бусы – 18 ед. (3,5 %); металлические бусы – 18 ед. (3,5 %): бронза – 8 ед., золото – 6 ед., бронза-золото – 4 ед.; костяные бусы – 7 ед. (1,5 %).

Бусы по материалу изготовления в объектах распределены в следующих сочетаниях: в объекте 103 найдена золотая полая бусина; в объекте 106 – стеклянная, три гагатовые, сердоликовая; в объекте 111 – 117 стеклянных (в том числе 46 бисерин), сердоликовая, янтарная, четыре бронзовые; в объекте 221 – три гагатовые; в объекте 231 – две золотые полые; в объекте 339 – золотая полая бусина, стеклянная бусина; в объекте 345 – стеклянная и сердоликовая; в объекте 362 – стеклянная, сердоликовая; в объекте 482 – 84 стеклянных (бисер), меловая; в объекте 498 – шесть стеклянных (пять бисер), меловая; в объекте 562 – четыре меловых; в объекте 582 – золотая полая; в объекте 588 – 26 стеклянных (в том числе 15 бисерин); в объекте 614 – 27 стеклянных (10 бисерин), 30 гагатовых, две сердоликовые, четыре бронзовые с обмоткой из золотой фольги; в объекте 625 – 73 стеклянных (40 бисерин), 23 сердоликовых,

10 янтарных, гагатова, семь меловых, две костяные, бронзовая; в объекте 633 – 92 стеклянных (35 бисерин), пять меловых, четыре костяные, три бронзовые. В большинстве случаев бусы найдены у головы, в районе шеи или на груди погребенных, очевидно, чаще всего составляли собой ожерелья или использовались в качестве самостоятельных подвесок. Возможно, в некоторых случаях бусами могла обшиваться одежда.

Металлические бусы представлены золотыми и бронзовыми экземплярами. Все 10 золотых изделий были крупными, из золотой фольги. Судя по расположению в могилах, чаще использовались в качестве украшений на волосы или головной убор, так называемые наконечники, найдены в районе висков (объекты 231 и 614) или на груди (объект 339), возможно использовались как подвески на одежду (?): найдены в районе пояса (объект 103), или, вероятно, могли быть брошены в могилу перед погребением (объект 614). Золотые бусы встречены двух видов: полые бочковидные с напаянными тонкими круглыми в сечении ободками на устьях (объекты 103, 231, 339, 582) и длинные трубчатые с бронзовой литой основой-трубочкой и золотой пластинчатой обмоткой с рельефным геометрическим орнаментом поверх нее (объекты 339 и 614). Крупные бусы бочковидной формы в литературе чаще всего относят к украшениям конской узды (Трейстер, 2015. С. 374, 377). Как уже говорилось выше, эта форма известна с эллинистического времени (Трейстер, 2015. С. 35, 36, 119, 375). Прямые аналоги известны в могильнике у х. Городского (погребение 13) II–III вв. (Художественное золото, 2012. С. 28).

Бронзовые бусы (8 шт.) найдены в составе ожерелий из различных типов бус в районе шеи и груди погребенных (объекты 111, 625, 633). В объекте 111 это были четыре фигурные вытянутые пронизи: бочковидные сдвоенные и строенные, в объекте 625 – округлая поперечно-сжатая, округлая в сечении (тип 1, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 23, табл. 40: 4). В объекте 633 бронзовые бусы представлены двумя типами: удлиненные цилиндрические пронизи, образованные из пластинок с незамкнутыми краями (2 ед.) (тип 5, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 23, табл. 40: 21–23), и округлая поперечно-сжатая, округлая в сечении (1 ед.) (тип 1, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 23, табл. 40: 4). Все бронзовые экземпляры отнесены к I–II вв.

Каменные бусы представлены гагатом, сердоликом и янтарем. Также найдены в зоне головы и груди. Гагатовые были мелкими коротко-цилиндрическими

неорнаментированными (тип 27а, по Алексеевой) (Алексеева, 1978. С. 14, табл. 20: 41); 3 шт. в объекте 106, 3 шт. в объекте 221, 28 шт. в объекте 614, 1 шт. в объекте 625. Встречаются в комплексах III в. до н.э. – III в., с преобладанием в I–II вв. В объекте 614 также найдены: трапециевидная бусина с отверстием на широкой грани (тип 40, по Алексеевой) (Алексеева, 1978. С. 16, табл. 22: 18) и стрелковидная бусина с гладкой поверхностью и подпрямоугольным поперечным сечением (тип 84, по Алексеевой) (Алексеева, 1978. С. 18, табл. 22: 4), обе датируются I в. Сердоликовые бусы были однотипными: округлые, пропорциональные, поперечно-сжатые: в объектах 106, 111, 345 и 362 встречено по одному экземпляру (тип 2а, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 14, 15, табл. 38: 18), в объекте 614 – 2 экз. (тип 2а, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 14, 15, табл. 38: 18, 22), в объекте 625 – 23 экз. (тип 2а, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 14, 15, табл. 38: 18). Датируются I–II вв. Янтарные бусы представлены следующими типами: бусина подпрямоугольной в плане формы с скругленными углами, поперечно-сжатая, сильно уплощенная (объект 111) (тип 44, по Алексеевой) (Алексеева, 1978. С. 25, 26, табл. 24: 33); 10 крупных сильно уплощенных бусин неправильной формы, чаще подпрямоугольной в плане с скругленными углами, различной пропорции, поперечно сжатые (объект 625) (тип 44, по Алексеевой) (Алексеева, 1978. С. 25, 26, табл. 24: 35–38, 40). Все отнесены к I–II вв., отдельные датируются III–IV вв.

Меловые бусы представлены следующими экземплярами: две небольшие: двумя небольшими округлые поперечно-сжатые бусины I–III вв., найденные в объектах 482 и 498 (тип 6, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 27, табл. 44: 36); короткоцилиндрические, датируемые I–III вв., обнаружены в объектах 562 (4 шт.), 625 (7 шт.) (тип 8, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 27, табл. 44: 47) и 633 (2 шт.) (типы 4, 8, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 27, табл. 44: 37, 47); небольшая округлая бочковидная бусина I–II вв. (объект 633) (тип , по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 29, табл. 44: 34); цилиндрическая бусина I–IV вв. (объект 633) (тип 7, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 29, табл. 44: 41).

Костяные бусы представлены усеченно-конической пронизью I–II вв. (объект 600) (тип 4, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 31, табл. 46: 4); пятью бочковидными (2 экз. в объекте 625, 3 экз. в объекте 633) первой половины II в. (тип 2, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 31, табл. 46: 51); бочковидной сильно вытянутой бусиной первой половины II в. (объект 633) (тип 2, по Алексеевой) (Алексеева, 1982. С. 31, табл. 46: 20).

Что касается наиболее многочисленной категории стеклянных бус, то они, ввиду своей многочисленности (409 ед., 235 из которых это мелкий стеклянный бисер), очевидно, требуют отдельного, более детального, исследования, что данной работой не предусмотрено. Отметим лишь разнообразие морфологии, цвета и размеров встреченных в рассматриваемой группе захоронений стеклянных бус.

Предметы туалета. Зеркала. Литые зеркала из высокооловянного сплава присутствовали в четырех комплексах группы (объекты 106, 111, 339, 625) (рис. 9; 21). Простые зеркала-подвески – круглые диски с боковым ушком и рельефным орнаментом в виде тамгообразных сарматских знаков на оборотной стороне – получают распространение с конца I – III вв. (Мальшев, 2008. С. 178), тип IX, по Хазанову (Хазанов, 1963. С. 58, 59, 65–67). В это время они становятся господствующим типом (Кононов, 2022. С. 58). Зеркала с тамгой в Северном Причерноморье характерны для II – начала III вв. (Каменецкий, 1989. С. 200). Нередко зеркала подвергались целенаправленной ритуальной порче, неся в том числе некую культовую нагрузку (Каменецкий, 1989. С. 302, 385).

Три из четырех зеркал в группе всаднических захоронений были однотипными – дисковидными, на обороте нанесен рельефный орнамент в виде окружности в центре и так называемых «птичьих лапок», чередующихся с завитками против часовой стрелки вокруг нее. Два небольших фрагмента в объекте 106 найдены среди костей ограбленного скелета. Еще одно такое же разбитое зеркало обнаружено в объекте 111 между ног индивида. В объекте 625 зеркало лежало на поясе слева, у таза погребенной. В одном из комплексов некрополя Широкой Балки исследователь датирует захоронения с такими зеркалами II – первой половиной III вв. (Мальшев, 2011. С. 176, 190, 191, 300, рис. 240). В погребениях 49 и 79 некрополя Цемесской долины аналогичные зеркала отнесены к II в. (Мальшев, 2008. С. 78, 79, 116, 117, 178), в Усть-Альминском могильнике захоронения (могила 1045, склеп 973), содержавшие такие зеркала, были отнесены к первой половине – середине III в. (Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 71, 72, 129, 261), а комплекс могильника Фронтное-3 (могила 62) – к концу II – первой половине III вв. (Свиридов, 2024. С. 128, 130).

Особый интерес представляет собой импортное римское бронзовое зеркало, найденное в одном из знатных захоронений группы (объект 339) (рис. 9). Крупное, составное, в диаметре 10 см, сзади на крышке оно было украшено позолоченным

рельефным изображением сцены из греческой мифологии, оформленной рамкой в виде широкого валика. Сцена представляла собой обнаженную богиню Венеру, в сопровождении четырех амуров. Богиня изображалась со спины, идущей вправо. Две фигурки амуров располагались рядом, по обе стороны от нее. Еще двое амуров удерживали над богиней растянутую ленту. Подобные классические сюжеты были популярны на римских зеркалах, изготовленных в основном в период Антонинов, их примеры найдены во многих отдаленных частях империи. Известные аналогии хранятся, в том числе, в Метрополитен-музее, где они датируются серединой II в. (Metropolitan, 1987. P. 31, 1987.11.1, 1978.11.4).

Шкатулки. В трех объектах (объекты 52, 345, 362) (рис. 10; 12) были обнаружены бронзовые элементы деревянных шкатулок. Все три комплекса были разграблены. В объекте 345 на некогда находившуюся в захоронении шкатулку указывает найденный в изголовье рядом с погребальным сосудом бронзовый брусковидный ключ от нее. В объекте 362 в ногах погребенного, также рядом с сосудом, обнаружены два бронзовых изделия: предположительно обломок конструкции щеколды в виде удлиненной заостренной с одной из сторон накладки и круглая дисковидная бляха со смещенным рельефным кольцом поверх нее. Вероятно, такой элемент мог оформлять переднюю стенку шкатулки. Наиболее интересный и полный набор бронзовых деталей шкатулки найден в ногах погребенного в объекте 52, также рядом с погребальным сосудом. Они были представлены фрагментом скобы (щеколда?), умбоновидной бляхой, украшавшей собой, вероятно, замковую часть, и короткой цепочкой с крупными ромбовидными звеньями, которая также могла быть частью механизма.

Шкатулки, широко известные по памятникам первых веков нашей эры. Северного Причерноморья (Гущина, Засецкая, 1994. С. 35), найдены, к примеру, в комплексах Усть-Альминского некрополя (склепы 987, 1002, 1040, могилы 1025, 1045), датируемых второй половиной I – первой половиной III вв. (Пуздровский, Труфанов, 2016. С. 29, 38, 58, 69–72, 167, 187, 230, 256, 261), а также в захоронениях могильника у х. Городского (погребения 1 и 3), второй половиной – конца II в. (Сазонов, 1992. С. 252, 253, 257, 260, 262, 273); Широкой Балки (погребение 51) II–III вв. (Мальшев, 2011. С. 99, 300, 301).

Другие предметы. Монеты. Традиция уплаты Харону за переправу в царство мертвых (Зубарь,

1982. С. 106), известная в большей степени в эллинистический период, продолжается и в римское время (Малышев, 2020. С. 171). Так, брошенные в могилы боспорские монеты найдены в двух комплексах (объекты 195 и 231) (рис. 6, 8). В обоих случаях найдено по две монеты: в объекте 195 это были две золотые/электровые монеты, в объекте 231 – золотая/электровая и бронзовая. В объекте 195 обе монеты лежали среди разбросанных костей верхней части скелета погребенного: два статера времен правления Савромата II, чекана 188/189 г. (Анохин, 1986. № 566), и Евпатора, чекана 156/157 г. (Анохин, 1986. №532). Бронзовая сильно затертая нечитаемая монета в объекте 231 была вложена погребенному в рот. Вторая монета в объекте – золотой статер времен правления Савромата II 196/197 г. (Анохин, 1986. № 574а) – лежала слева на груди усопшего.

Зубы животных. Два зуба животных (объект 479) (рис. 15), два клыка свиньи (объект 406) (рис. 13) и кабана (объект 633) (рис. 22) найдены справа от погребенного, рядом с наконечником копья (объект 479), у коровьей головы в ногах индивида (объект 406), рядом с костяком лошади (объект 633). Такого рода предметы кульново-магического характера были распространены в скифо-сарматском мире и продолжали бытовать в сармато-римскую эпоху (Гущина, Засецкая, 1994. С. 21). Зубы и кости животных в виде амулетов встречаются повсеместно в комплексах Кубани, Центрального Кавказа, Крыма.

Астрагалы, как правило, также служили защитными амулетами или игральными костями (Гущина, Засецкая, 1994. С. 21). Они найдены лишь в одном захоронении в количестве 20 штук, принадлежавшем взрослому индивиду (объект 582). Судя по контексту, они были компактно уложены в изножье погребенного, рядом с шестью каменными и одной керамической фишками. Речь в данном случае скорее всего идет об игровых принадлежностях. Керамическая фишка диаметром 3,2 см предположительно была изготовлена из стенки красноглиняного сосуда. Что касается каменных экземпляров, то они представляли собой однотипные плоские галечные камни диаметром около 5 см каждый.

Ряд предметов, найденных в захоронениях всаднической группы, не были определены из-за их плохой сохранности. Такие изделия найдены в объекте 86: некий бронзовый предмет (элемент одежды?) (рис. 5); в объекте 111: небольшое железное изделие цилиндрической формы; в объекте 195: два пятна железного тлена среди костей

разграбленного погребения (рис. 6); в объекте 231: железный тлен в ногах погребенного (рис. 8); в объектах 333, 362, 498, 633: небольшие фрагменты бронзовых изделий, найденных среди костей (рис. 22).

В целом состав погребального инвентаря, найденного в комплексах всаднической группы, показал, что захоронения с лошадьми в большинстве своем были представлены могилами воинов и лишь некоторые из них относились к захоронениям знати.

Источники и литература

- Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.
- Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. М.
- Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. М.
- Алексеева Е.М., Сорокина Н.П., 2007. Коллекция стекла античной Горгии (I–III вв.). М.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР (САИ Д 1-30).
- Анохин, В.А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Антипенко А.В., Смекалова Т.Н., Новичихин А.М., Мульд С.А., 2021. Лагунные уздечные наборы позднесарматского времени из Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 262.
- Анфимов Н.В., 1947. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИА. Вып. 16.
- Арсентьева Е.Н., Горская О.В., 2019. Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни : каталог коллекции. СПб.
- Астахов И.А., 2020. Защитное вооружение на позднем Боспоре: данные археологии // ПИФК. № 3.
- Безуглов С.И., 2019. Степь и Танаис во II–III вв. н.э. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V. Материалы X международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь.

- Берлизов Н.Е., 2011. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар. Ч. 1.
- Берлизов Н.Е., Берлизов А.Н., 2024. О статусе «всаднических погребений» из синдских и меотских могильников Западного Кавказа // История. Культурология. Политология. Краснодар. № 4.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А., 2008. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб.
- Власов В.П., Масыкин В.В., Стоянова А.А., Труфанов А.А., 2024. Могильник позднеимперского времени Перевальное: обзор основных категорий погребального инвентаря (по материалам раскопок 1988–1990 гг.) // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи. Симферополь.
- Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Языкоч С.В., 2020. Могильник римского времени Фронтное-3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. № 2.
- Горончаровский В.А., 2020. Реконструкция вооружения сарматских всадников первых веков н.э. (по материалам раскопок могильника близ хутора Городского в Адыгее) // История военного костюма: от древнего мира до наших дней. СПб.
- Горончаровский В.А., Никоноров В.П., 1987. Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. № 1.
- Гугуев Ю.К., 2000. Сарматы и их соседи на Дону // Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону. Вып. 1.
- Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Десятчиков Ю.М., 1973. Сарматы на Таманском полуострове // СА. № 4.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Шемаханская М.С., 2017. Золото Херсонеса Таврического (ювелирные изделия из собрания ГИМ). М.
- Зубарь В.М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев.
- Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Кононов В.Ю., 2022. Тенденции развития зеркал и металлических украшений в контексте этнополитической истории Кубани римского периода // Via in Tempore. История. Политология. № 49(1).
- Кононов В.Ю., 2023а. Металлические гривны сармато-меотского населения Кубани эллинистического и римского времени // ПИФК. № 1.
- Кононов В.Ю., 2023б. Серьги и височные кольца из меотских и сарматских памятников Кубани // Вестник КалмГУ.
- Кругликова И.Т., 1984. Античная археология. М.
- Лимберис М.Ю., Марченко И.И., 2015. Две катакомбы позднесарматского времени из Пашковского могильника № 2 // Вестник ВолГУ. № 5.
- Малашев В.Ю., Дзущев Ф.С., 2016. Парадные сбруйные наборы III в. н. э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Памятники средне-сарматской культуры северо-кавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V вв. М.
- Малышев А.А., 2008. Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.
- Малышев А.А., 2009. ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М.
- Малышев А.А., 2011. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке (Некрополи Черноморья. Т. IV). М.
- Малышев А.А., 2020. Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. М.
- Малышев А.А., Горланов С.С., Мочалов А.В., 2021. Некрополь античного времени Раевского городища: история исследования, топография и хронология // КСИА. Вып. 263.
- Национальный музей республики Адыгея. Археологические коллекции в музейном собрании. Майкоп, 2022.
- Новичихин А.М., 2010. Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет // Население архаической Синдики. М.

- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь.
- Сазонов А. А., 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А., 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп.
- Свиридов А. Н., 2024. Подвески-«игольницы» из могильника Фронтное-3 (Юго-Западный Крым) // АВ. № 44.
- Смирнов К. Ф., 2016. Пашковский могильник № 1. М.; СПб. Т. 1: Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947–1949 гг.
- Смирнов К. Ф., 1952. Основные пути развития меотосарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИА. № 46.
- Стоянова А. А., 2011. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ. Вып. 17.
- Трейстер М. Ю., 2015. Фанагория. Результаты археологических исследований. М. Т. 2. Золото Фанагории.
- Трейстер М. Ю., 2019. Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре // ДБ. Вып. 24.
- Трейстер М. Ю., 2023. О ювелирных изделиях первых веков н. э. из комплексов на территории Колхиды и прилегающих областей Северо-Восточного Причерноморья (о так называемой стилистической группе «Горгиппия–Лоо») // МАИАСП. № 15.
- Труфанов А. А., 2018. Стекланные перстни из могильников Юго-Западного и Центрального Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Симферополь. Т. IV.
- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Художественное золото и серебро Адыгеи. Майкоп, 2012.
- Шабанов С. Б., 2020. Стекланные сосуды римского времени из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003–2012 гг.) // ПИФК. № 2.
- Metropolitan Museum of Art, 1987. One Hundred Seventeenth Annual Report of the Trustees for the Fiscal Year July 1, 1986 through June 30, 1987 // Annual Report of the Trustees of the Metropolitan Museum of Art. New York. No 117.

Предметы вооружения из всаднических погребений на поселении Ястребовское-Бережное-1¹

В. А. Горончаровский²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7=87-89

Среди сарматских погребений первых веков нашей эры в грунтовом могильнике Ястребовское-Бережное-1 особый интерес вызывают шесть захоронений всадников с определенным набором наступательного вооружения. В пяти случаях (объекты 67, 70, 86, 406, 480) туши взнузданных лошадей с уздечными наборами, в состав которых входили удила с колесовидными псалями, были уложены с подогнутыми ногами слева от погребенного. Другую картину демонстрирует объект 578, где уже без узды их поместили по обе стороны от тела умершего воина. Анализ погребального инвентаря позволил датировать упомянутые комплексы концом I – началом III вв. В качестве хроноиндикаторов рассматривались сероглиняный трехручный канфар (Аспургиане, 2008. С. 97, 98, рис. 80: 1), детали ременной гарнитуры (Шаров, 2023. С. 83, рис. 138: 1), удила с колесовидными псалями (Антипенко, 2016. С. 85–90) и находки предметов вооружения из хорошо датированных комплексов (Свиридов, Язиков, 2024. С. 77, рис. 185).

Непременной принадлежностью всех всаднических погребений являются длинные мечи без металлического навершия (тип 2, по Хазанову) (Хазанов, 2008. С. 50). Как правило, они находятся слева от скелета, вдоль руки или вдоль ноги от пояса, острием вниз. Расположение меча справа вдоль руки отмечено лишь в погребении 70. Там же, рядом с мечом, на уровне таза был найден наконечник, видимо, предварительно сломанного копья, помещенного острием вниз. В погребении 86 легкое, судя по наконечнику, копьё было положено также справа, но острием вверх.

Мечи (табл. 1). Клинки мечей без продольного ребра откованы вместе со штырем для насаживания

рукояти, в который они плавно переходят под тупым углом. Среди мечей из всаднических погребений могильника Ястребовское-Бережное-1 можно выделить две хронологические группы. К ранней, датирующейся концом I – первой половиной II вв., относятся находки из погребений 67, 70, 86, 406 (рис. 1: 1–4). Для них характерны следующие размеры: длина от 0,86 до 1,00 м; ширина пяты узкого, линзовидного в сечении клинка от 3,1 до 4,0 см; длина прямоугольного в сечении штыря рукояти от 10,0 до 16,3 см; ширина штыря у пяты клинка от 1,3 до 1,9 см. К более поздней группе второй половины II – начала III вв. принадлежат мечи из погребений 480 и 578 (рис. 1: 5, 6) длиной от 0,78 до 0,82 м с клинками, имеющими пяту шириной от 4,2 до 4,5 см при длине прямоугольного в сечении штыря рукояти от 5,0 до 5,6 см (ширина его у пяты клинка от 3,4 до 3,6 см).

Навершие меча обнаружено только в погребении 578 (рис. 2). По форме оно представляет собой усеченный конус округлых очертаний (диаметр 3,9 см, отверстие в центре диаметром 0,4 см) из стекла глухого черного цвета с волнистым орнаментом из белых и красных нитей (Сокольский, 1954. С. 154, табл. VI: 6).

Наконечники копий (табл. 2). В составе предметов вооружения из двух погребений ранней группы (70 и 86) наряду с мечами были обнаружены наконечники копий листовидной формы (рис. 3: 1, 2). В первом случае это слегка изогнутый тяжелый наконечник длиной 40,7 см с ромбическим в сечении пером, имеющим выделенное ребро жесткости, и конической втулкой длиной 13,3 см при диаметре 3,3 см. Во втором – легкий наконечник длиной 26 см с ромбическим в сечении пером, где намечено ребро жесткости, и конической втулкой длиной 10,5 см. В 6,3 см от основания втулки сохранилась шляпка штифта, которым он дополнительно крепился к древку копья, видимо, использовавшегося как метательное. В комплект вооружения с мечом, имеющим отношение к поздней группе, входит наконечник копья длиной 36 см из погребения 480 (рис. 3: 3). У него узкое перо ланцетовидной формы

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0010 «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным».

² Россия, 191181, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры. E-mail: goronvladimir@yandex.ru.

Таблица 1. Мечи

№	№ погребения	Длина общая (см)	Длина рукояти (см)	Ширина пяты клинка (см)	Навершие
1	67	92	14,0	4,0	—
2	70	100	16,3	3,9	—
3	86	91	10,0	3,1	—
4	406	86	13,4	3,2	—
5	480	78	5,6	4,5	—
6	578	82	5,0	4,2	+

Таблица 2. Наконечники копий

№	№ погребения	Длина (см)	Длина пера (см)	Ширина пера (см)	Ребро жесткости	Диаметр втулки (см)
1	70	40,7	27,4	4,8	+	3,3
2	86	26,4	15,5	2,6	+	2,5
3	480	36,0	19,3	2,9	+	2,5

Рис. 1. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Мечи из всаднических погребений: 1–4 – ранняя хронологическая группа (погребения 67, 70, 86, 406); 5, 6 – поздняя хронологическая группа (погребения 480, 578)

Рис. 2. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Навершие меча из погребения 578

Рис. 3. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Наконечники копий из всаднических погребений: 1, 2 – ранняя хронологическая группа (погребения 70 и 86); 3 – поздняя хронологическая группа (погребение 480)

с выделенным ребром жесткости, и коническая втулка длиной 16,7 см при диаметре 2,5 см.

Вряд ли зафиксированный в могильнике Ястребовское-Бережное-1 достаточно ограниченный набор вооружения без каких-либо средств защиты отражает его реальный состав у воинов-всадников. Скорее всего, присутствие в погребении меча или меча в сочетании с копьем носило для своего рода «среднего класса» варварского общества исключительно статусный характер, не требовавший в качестве подтверждения дополнительных материальных ценностей. В рядовых погребениях могильника представлены кинжалы, дротики, лук и наконечники стрел.

Источники и литература

- Антипенко А.В., 2016. Типология псалий I–IV вв. н.э. (по материалам погребальных памятников Северного Причерноморья) // МАИЭТ. Вып. 21.
- Аспургиане, 2008. Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.
- Свиридов А.Н., Язиков С.В., 2024. Могильник римского времени Фронтное-3 в Юго-Западном Крыму. М. Ч. 3.
- Сокольский Н.И., 1954. Боспорские мечи // МИА. Вып. 33.
- Хазанов А.М., 2008. Очерки военного дела сарматов. СПб.
- Шаров О.В., 2022. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в поздне-римскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.). М.

Бронзовые зеркала из грунтового могильника поселения Ястребовское-Бережное-1¹

В. В. Вахонеев²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-90-97

ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1» расположен в Абинском районе Краснодарского края, возле хутора Ястребовский, к северо-западу от Абинска. Он был обнаружен в 2023 г. в ходе археологических разведок на трассе строительства магистрального нефтепровода. Памятник представляет собой комплекс поселения и обширного могильника римского и раннесредневекового периодов общей площадью около 9,4 га. Могильник II–IV вв. вытянут по оси северо-запад–юго-восток и насчитывает более 520 погребальных комплексов (Соловьев и др., 2024. С. 152–158).

В ходе раскопок Краснодарской археологической экспедицией ИИМК РАН в 2024 г. был найден богатый инвентарь погребений, в составе которого особое место занимают бронзовые зеркала – всего 32 экземпляра. Зеркала регулярно встречаются в женских погребениях сарматского времени. Эти предметы служили не только принадлежностью туалета, но и могли иметь обрядово-символическое значение, сопровождая владельцев в загробной жизни (Вагнер, 2012. С. 168). Наличие крупной коллекции зеркал на поселении Ястребовское-Бережное-1 предоставляет ценную информацию в указанной области.

Основную массу находок составляют небольшие бронзовые зеркала-подвески с боковой петлеобразной ручкой. Они представляют собой круглые или близкие к круглым по форме зеркала диаметром 4–6 см, отлитые из сплава меди, олова и свинца (Антипенко и др., 2024. С. 1056–1061), с небольшим прямоугольным ушком-ручкой. Судя по расположению в комплексах, такие зеркала носили на поясе или подвешивали к элементам костюма. Поверхность оборотной стороны (тыльной,

противоположной отражающей) у многих экземпляров украшена рельефным орнаментом. Как правило, в центре зеркального диска располагалась окружность или выпуклый кружок, вокруг которого изображались различные знаки (крестообразные, спиралевидные, розеттовидные и др.), характерные для традиционной символики сарматов (Кононов, 2018. С. 260).

Исследование данного типа находок насчитывает почти столетнюю историю (Rau, 1927. S. 92). В типологии А. М. Хазанова зеркала-подвески с боковой петлей обозначены как тип IX – «зеркала с боковым ушком» (Хазанов, 1963. С. 65). Увеличение числа находок привело к регулярным дополнениям типологий (Абрамова, 1971. С. 125; 1987; Скрипкин, 1990. С. 95; Марченко, 1996. С. 23–25; Глухов, 2003). По А. С. Скрипкину, данная категория относится к завершающему этапу развития сарматских зеркал II–IV вв., для которого характерно преобладание изделий с боковыми или центральными петлями (Скрипкин, 1990. С. 95). Основными признаками для вариантов внутри типа стали диаметр и толщина зеркала, форма и размеры ручки-петли, наличие рельефных элементов на тыльной стороне. Определенные успехи наблюдаются в попытках анализа орнаментальных мотивов зеркал с целью уточнения их хронологии (Кривошеев, 2005. С. 51, 95–97; Труфанов, 2007. С. 175–179; Косяненко, 2008. С. 110–117). Наконец, недавно Т. А. Габуевым и О. Ф. Фризен, исходя из схемы изменения декора, были выделены микрохронологические варианты со второй половины I до начала III вв. (Габуев, Фризен, 2023. С. 170–172). Эта типология орнаментальных схем взята нами за основу анализа зеркал с боковым ушком из могильника Ястребовское-Бережное-1.

В Прикубанье первые орнаментированные зеркала-подвески появились еще в первой половине I в., эволюционировав от неорнаментированных экземпляров, и имели утолщенный край и выступ в центре диска (Лимберис, Марченко, 2018). Массовое распространение таких зеркал фиксируется уже во второй половине I в., что связывается с проникновением

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0012 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvvkerch@mail.ru.

в среду сарматской знати моды на орнаментированные подвесные зеркала. Датирующие материалы из сопутствующего инвентаря (фибулы, бусы, сосуды) указывают, что большинство погребений с зеркалами-подвесками относится ко II в. (за редким исключением в конце I – начале III вв.).

В грунтовом могильнике Ястребовское-Бережное-1 обнаружено 25 зеркал, которые уверенно относятся к типу IX типологии А.М. Хазанова. Еще в пяти случаях от изделий сохранились только разрозненные части, позволяющие реконструировать их форму и размеры. Все они с высокой долей вероятности также относятся к тому же типу зеркал, что и предыдущие.

Согласно схеме декора, предложенной Т.А. Габуевым и О.Ф. Фризенем, эти зеркала принадлежат двум вариантам. Пять зеркал (рис. 1) относятся к схеме А варианта 2: от центрального выступа отходят три или четыре луча, оформленных в виде крючков с загнутыми округлыми концами или так называемых «птичьих лапок». Она датируется концом I – серединой II вв. (Габуев, Фризен, 2023. С. 170).

Рис. 1. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Зеркала типа IX, вариант 2 схема А

Остальные зеркала принадлежат к схеме Л варианта 2 (рис. 2–4). Этот вариант имеет малую окружность вокруг центра (центральный выступ в виде небольшой кнопки или вовсе отсутствует), от которой отходят, чередуясь между собой, два вида лучей: лучи с закрученными концами и лучи «птичьи лапки», которые ограничены внешней окружностью, не соединенной с крайним валиком. Пар лучей может быть три или четыре. Они могут быть закручены как против часовой стрелки, так и бессистемно. Зеркала этой схемы датируются второй половиной II в. (Габуев, Фризен, 2023. С. 174).

В 23 случаях зеркала обнаружены в районе таза (рис. 5), в двух – у ног (рис. 6) и в районе живота (рис. 7), в остальных случаях не уточнено. Все зеркала найдены в погребениях в единичных экземплярах. Два зеркала обнаружены вне комплексов, а одно – в хозяйственной яме. Примечательно, что зеркала клались как во взрослые женские погребения, так и в детские (рис. 8).

В погребении 271 некрополя Чернышевский I в Адыгее обнаружено зеркало, соединенное с бронзовой лучковой подвязной фибулой с помощью бронзовой цепочки. Эта находка позволила сделать предположение, что зеркало носилось подвешенным на цепочку/шнурок/веревку и крепилось к одежде с помощью фибулы (Габуев, Фризен, 2023. С. 169, 170). Подобные случаи зафиксированы и в могильнике Ястребовское-Бережное-1. К примеру, в погребении (объект 525) рядом с зеркалом

Рис. 2. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Зеркала типа IX, вариант 2 схема Л

Рис. 3. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Зеркала типа IX, вариант 2 схема Л

Рис. 4. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Фрагментированные зеркала

находилась лучковая подвижная одночленная фибула с фигурной обмоткой серии I варианта 5 по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966. С. 51), а шнурок, очевидно, не сохранился (рис. 9).

Обращает на себя внимание степень сохранности зеркал из могильника. Практически все экземпляры

Рис. 5. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Погребение (объект 205) с зеркалом. Вид с севера

Рис. 6. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Погребение (объект 197) с зеркалом. Вид с севера

Рис. 7. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Погребение (объект 560) с зеркалом. Вид с юго-востока

Рис. 8. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Детское погребение (объект 385) с зеркалом. Вид с северо-востока

Рис. 9. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Зеркало и фибула в погребении (объект 535). Вид с юго-востока

обнаружены в разбитом виде – часто разделенными на три–пять и более фрагментов. Лишь немногие зеркала найдены целыми или условно реставрируемыми из крупных частей. Вероятно, хрупкость литой бронзы и нагрузка грунта привели к расколу тонких зеркальных дисков. Не исключено также, что некоторые зеркала могли быть умышленно разбиты перед помещением в могилу. Такой ритуальный прием известен у сарматских племен в отношении других видов инвентаря (в частности, сосудов). Окончательный вывод о причине фрагментации затруднителен без технологической экспертизы, однако преобладание фрагментированных зеркал является характерной чертой данного комплекса.

В ходе исследования могильника также найдено два зеркала иных типов. Одно из них представляет собой плоский бронзовый диск диаметром 5,9 см и толщиной 0,25 см, с центральной петлей (рис. 10). Оно было обнаружено над головой костяка в погребении (объект 400) (рис. 11). Лицевая сторона гладкая, полированная. Тыльная сторона снабжена литой центральной петлей, овальной в сечении, размещенной в центре слабо вогнутой задней поверхности. По ободу диска фиксируется слабый рельефный бортик. Диск слегка выгнут по краям, орнаментация отсутствует. Зеркало относится к типу X в типологии А.М. Хазанова – группе бронзовых зеркал с центральной литой петлей на обороте, хорошо известных в позднесарматской среде (Хазанов, 1963. С. 67–69; Скрипкин 1984. С. 33). Этот тип хронологически относится преимущественно к III в., что подтверждается широким распространением подобных зеркал на памятниках Нижнего Поволжья указанного периода (Хазанов, 1963. С. 67–69; Скрипкин, 1984. С. 33, 34).

Рис. 10. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Зеркало

Рис. 11. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Погребение (объект 400) с зеркалом. Вид с севера

Зеркала вышеописанного типа отличаются большим разнообразием форм и орнамента и еще не обрели устойчивых стандартных черт к моменту своего бытования, то есть представляли собой формирующийся тип артефактов. Конструкция центральнопетельчатых зеркал включает круглый металлический диск небольшого диаметра с отполированной лицевой поверхностью и литую бронзовую петлю на тыльной стороне, служившую для держания зеркала в руке либо для подвешивания при ношении. Обратная сторона зеркала часто украшалась рельефным орнаментом: встречаются композиции из геометрических элементов (например, квадрат, вписанный в круг, расходящиеся лучи или концентрически расположенные окружности вокруг петли), хотя известны и экземпляры без украшений. Подобное разнообразие, по мнению А. М. Хазанова, объясняется генезисом этих зеркал результатом слияния сибирско-центральноазиатских форм с местными художественными традициями Поволжья, что привело к появлению новой оригинальной разновидности зеркал (Хазанов, 1963. С. 68, 69).

Происхождение центральнопетельчатых зеркал долгое время было предметом дискуссий. Ряд исследователей выводил их из восточных прототипов. М. И. Ростовцев и П. Рау усматривали в подобных зеркалах влияние сибиро-китайских образцов (Ростовцев, 1918. С. 71; Рау, 1929. S. 45), а В. А. Йенни связывал их генезис с традициями китайских зеркал эпохи Хань. В противовес этому, Т. Н. Книпович отстаивала версию о местном (варварском) изобретении данной формы. Современная точка зрения во многом исходит из выводов А. М. Хазанова (Хазанов, 1963. С. 64, 65): центральнопетельчатые зеркала рассматриваются как продукт смешанного происхождения, возникший при адаптации заимствований из Азии локальной сарматской культурой. Б. А. Литвинский, в частности, указывал, что складывание финального облика таких зеркал могло происходить в Средней Азии и Восточном Туркестане под влиянием ханьской традиции изготовления зеркал (Литвинский, 1971. С. 39, 40). По мнению А. С. Скрипкина, первые экземпляры зеркал с центральной петлей появляются во II в., а наибольшую популярность этот тип получает во второй половине III в. (Скрипкин, 1984. С. 33, 34, 46–48), что согласуется с датировкой рассматриваемого экземпляра из могильника Ястребовское-Бережное-1.

Наконец, зеркало из погребения (объект 339) выделяется из всего комплекса находок (рис. 12; 13). Этот предмет относится к особой категории римских зеркал с рельефной тыльной стороной, украшенных

Рис. 12. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Зеркало

Рис. 13. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Погребение (объект 339). Вид с севера

позолотой. Они отличаются относительно простым общим строением: небольшие по размеру (чаще всего диаметром 9–12 см), без ручек, обладали гладкой зеркальной поверхностью из бронзы с высоким содержанием олова (около 10–30 %), отполированной до металлического блеска. Рельефы, выполненные в литье, крепились к тыльной стороне зеркала и, как правило, обрамлялись выпуклым бортиком. В ряде случаев фиксировались ажурный или орнаментированный край.

К настоящему времени известно около сотни подобных зеркал, происходящих главным образом из

Малой Азии, Сирии, Восточной Фракии, в меньшей степени из Северной Африки и к северу от Альп (Niezabitowska-Wiśniewska, 2012. P. 213). Их первые сводные публикации представлены в работах В. Цюхнера (Züchner, 1942. S. 150–152), Г. Цальхаас (Zahlhaas, 1975), Д. Виллерса (Willers, 1986. P. 30–32) и других. К сожалению, археологически засвидетельствованных находок крайне мало. Многие экземпляры лишены точного контекста, что затрудняет их датировку и атрибуцию.

Немногочисленные находки таких зеркал происходят из Северного Причерноморья. Зеркало, обнаруженное в Пантикапее в 1894 г., содержит изображение трех граций, другое, найденное в 1901 г., – Эрота, завязывающего сандалию Афродите. Зеркало из Ольвии декорировано бюстом Прозерпины (Niezabitowska-Wiśniewska, 2012. P. 214).

Вопросы происхождения и хронологии этой группы зеркал остаются дискуссионными. Предполагаемыми центрами производства называют Малую Азию (наиболее вероятно) и Северную Африку. Стилиевые параллели, как правило, указывают на II в. с возможными истоками в эпоху Флавиев (конец I в.) и продолжением до первой трети III в. Однако важно отметить, что в 1989 г. в Херсонесе было найдено две формы для литья зеркал с изображением трех богинь и трех граций. Херсонес мог быть как производственным центром, так и мастерской по копированию образцов, происходящих из Малой Азии или западных провинций (Trejster, Zolotarev, 1993).

Сюжетный мотив рельефов большинства зеркал связан с мифологическими сюжетами, преимущественно с богинями, сценами любви, заботой о детях (три грации, Елена и Менелай, суд Париса, Венера с амурами, сцены омовения и т.д.) (Schulze, 2017. S. 308). Композиции часто перегружены деталями, заполняют весь диск, при этом перспектива не выстраивается, акценты делаются на фигурах, доминирующих в масштабе и значении (Biers, 1994. P. 32–34).

В контексте обозначенного круга памятников особый интерес представляет рельефное зеркало, найденное в составе погребального инвентаря погребения (объект 339) в могильнике Ястребовское-Бережное-1. Предмет выполнен из бронзы, с сохранением позолоты на отдельных участках лицевой поверхности. Диаметр зеркала 10,3 см. Тыльная сторона украшена рельефной композицией, включающей фигуру в центре и дополнительных персонажей по бокам. Несмотря на наличие значительных загрязнений и окислов до проведения

реставрации зеркала, можно с полной уверенностью выполнить атрибуцию изображения. Сохранность зеркала удовлетворительная, в нижней части значительные утраты, однако рельеф читается хорошо. Позолота сохранилась в углублениях фона.

Центральная фигура представляет собой Венеру Победоносную (Venus Victrix). Она изображена в излюбленном для римской иконографии виде: стоит в контрапосте, повернувшись спиной к зрителю и слегка оглянувшись через правое плечо. Ягодицы обнажены, ниже ниспадает тонкая, рельефно переданная складками драпировка – характерная черта изображений Венеры, особенно в таких ее формах, как Venus Victrix и Venus Pudica, сочетающих эротизм и достоинство. В правой руке она держит шлем, что подчеркивает ее функцию богини-покровительницы победителей, часто отождествляемой с победой над любовью или с победой посредством обаяния. Левая рука опирается на постамент или колонну. Вокруг Венеры угадываются второстепенные фигуры амуров. Сверху композиция завершается фестоном. Иконография однозначно указывает на верность атрибуции: характерная поза с опорой на постамент, наличие щита у ног (одного из постоянных атрибутов Венеры Победоносной), фигуры амуров. Это изображение имеет многочисленные аналогии среди памятников римского изобразительного искусства первых веков нашей эры. В первую очередь, это касается рельефного зеркала из Бейрута, хранящегося в Берлинском музее древностей (Zahlhaas, 1975. № 20. Taf. 20; LIMC VIII, 1997. P. 211, s.v. Venus. P. 196, taf. 146). Оно является практически полной аналогией, за исключением мелких деталей. К примеру, Венера в правой руке держит меч в ножнах, в то время как на кубанском экземпляре – шлем. Аналогичная фигура богини также представлена на монетах и предметах глиптики (LIMC, VIII, 1997, s.v. Venus. P. 198–207, taf. 146).

По стилистическим признакам, а также по аналогии с другими римскими рельефами, зеркало датировано адриановским или раннеантониновским временем (ок. 130–160 гг.). Это согласуется с хронологией немногих экземпляров зеркал с рельефами, происходящих из археологических контекстов, и подтверждает принадлежность изделия к элитной продукции восточных провинциальных мастерских Римской империи.

Венера Победоносная – важный культовый образ в Риме, объединяющий любовную и воинскую сферы. На римских произведениях искусства она часто изображается в расслабленной, но царственной позе с эротическим антуражем и с оружием как

символом победы или покровительства героям. Зеркало как предмет, традиционно ассоциируемый с женщиной, может трактоваться как аллегория триумфа любви над войной или власти красоты над мужской доблестью.

Таким образом, находка из могильника Ястребовское-Бережное-1 может быть отнесена к серии позолоченных римских рельефных зеркал с мифологическим сюжетом, датируемой II в. Она представляет собой редкий образец прикладного искусства подобного рода в Северном Причерноморье. Вероятно, зеркало было привезено на Кубань через Боспор либо по торговым связям сарматской аристократии с римскими провинциями напрямую. Зеркало было престижной вещью в погребальном инвентаре, свидетельствуя о дальних контактах и влияниях.

Проанализированные находки бронзовых зеркал из могильника Ястребовское-Бережное-1 существенно дополняют представления о материальной культуре меотско-сарматского населения Прикубанья в первые века нашей эры. Основная группа зеркал (подвески с боковой ручкой) соответствует широко распространенному на Северном Кавказе типу, связанному с сарматскими традициями. Хронологически весь набор зеркал укладывается в период от середины I до середины III вв., что согласуется с датой функционирования могильника по сопутствующим материалам. В то же время присутствие импортного римского позолоченного зеркала с рельефом демонстрирует также определенные внешние связи и заимствования. Эта находка уникальна для данного комплекса и свидетельствуют о включенности местной знати в торгово-обменные процессы, в следствие которых римские импортные предметы попадали в сарматскую среду.

Обнаружение сразу 32 зеркал в одном могильнике – случай исключительный, что может говорить о специфике погребального обряда именно на этом памятнике (возможной особой роли зеркала как оберега у погребенных). В целом результаты изучения зеркал из могильника Ястребовское-Бережное-1 согласуются с ранее полученными данными по сопоставимым комплексам Предкавказья (Мальшев, 2008. С. 178; Фризен, 2016. С. 294–298; Габуев, Фризен, 2023. С. 172). Они подтверждают существование в среде сарматизированных меотов устойчивой традиции использования орнаментированных бронзовых зеркал в составе женского убора. Дальнейшее исследование данного собрания (в том числе технологическое и изотопное) представляется перспективным для выяснения мест изготовления зеркал и более точного отнесения

импортных образцов к конкретным культурным центрам. Настоящая публикация вводит в научный оборот новый комплекс подобных изделий и тем самым способствует уточнению типологии и хронологии зеркал в Северном Причерноморье римского периода.

Источники и литература

- Абрамова М.П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Абрамова М.П., 1987. Подкумский могильник. М.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М.
- Антипенко А.В., Смекалова Т.Н., Куликова А.В., Фридрихсон С.К., Лобода А.Ю., Гурьева П.В., Коваленко Е.С., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б., 2024. Комплексные исследования сарматских зеркал-подвесок // Кристаллография. Т. 69. № 6.
- Вагнер Е.В., 2012. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского государственного университета. Волгоград. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 1 (21).
- Габуев Т.А., Фризен О.И., 2023. Зеркала-подвески с боковой ручкой из погребальных комплексов Среднего Закубанья (по материалам грунтовых могильников Штурбинский и Чернышевский I) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. № 1.
- Глухов А.А., 2003. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени // НАВ. Вып. 6.
- Кононов В.Ю., 2018. Орнаментированные зеркала-подвески с боковой ручкой (хронология, мода, влияние) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Материалы XVIII Боспорских чтений. Симферополь.
- Косяненко В.М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов.
- Кривошеев М.В., 2005. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018. Хронология орнаментированных зеркал-подвесок с боковой ручкой из меотских могильников правобережья Кубани // *Stratum plus*. СПб. ; Кишинев. № 4.
- Литвинский Б. А., 1971. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
- Малышев А. А., 2008. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора. М.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.
- Ростовцев М. И., 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // *МАР*. № 18.
- Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Соловьев С. Л., Топоривская М. А., Украинский П. А., Касимов А. Ю., Гарипов А. С., Бараненко П. А., Черткова Н. С., Цинько А. С., 2024. Краткие итоги археологических раскопок в Крымском и Абинском районах Краснодарского края в 2024 г. // Бюллетень ИИМК РАН. № 16.
- Труфанов А. А., 2007. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Симферополь.
- Фризен О. И., 2016. Штурбинский грунтовой могильник в Закубанье I–II вв. н. э. // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург.
- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // *СА*. № 4.
- Biers J. C., 1994. The Judgement of Paris: An Excerpt on a Roman Relief Mirror // *MVSE. Annual of the Museum of Art and Archaeology University of Missouri. Columbia*. Vol. 26.
- Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. 1997. Vol. VIII. 2. Zürich; Düsseldorf.
- Niezabitowska-Wiśniewska B., 2012. Distribution of Roman mirrors in Scandinavia and in the Crimea – the Differences and Similarities // *The Younger Generation: Akten des ersten Lublin-Berliner Doktorandenkolloquiums*. Lublin.
- Rau P., 1927. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk.
- Schulze H., 2017. Ein singuläres Mythenbild auf einem Reliefspiegel augusteischer Zeit // *Augustus ist tot – Lang lebe der Kaiser! Rahden/Westf.*
- Treister M. J., Zolotarev M. I., 1993. Moulds for casting of matrices for Roman relief mirrors from Chersonesus // *Bronces y religión romana. Actas del XI Congreso Internacional de Bronces Antiguos*. Madrid.
- Willers D., 1986. Yorn Etruskischen zum Romischen. Noch einmal zu einem Spiegelrelief // *The J. Paull Getty Museum Journal*. N. 14.
- Zahlhaas G., 1975. Römische Reliefspiegel. Kataloge der Prähistorischen Staats-sammlung. München. T. 17: Kallmünz.
- Züchner W., 1942. Griechische Klappspiegel. Berlin.

Фибулы из грунтового могильника поселения Ястребовское-Бережное-1¹

В. В. Кропотов², В. В. Вахонеев³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-98-119

Металлические застёжки-фибулы – важная деталь костюма древнего населения Европы, призванная скреплять между собой отдельные части верхней одежды и одновременно служить эффективным украшением. Постоянно изменяясь по форме и стилю и одновременно будучи одним из наиболее распространенных видов украшений, они являются надежными и, пожалуй, наиболее узкими хронологическими индикаторами, играющими большую роль в вопросах датировки как отдельных памятников, так и целых культур. Кроме того, подробное изучение фибул оказывает незаменимую помощь в выявлении древних центров производства, определении направлений торгово-экономических связей, выделении отдельных культурно-исторических областей. Важны фибулы и как произведения древнего искусства, отражающие этапы духовного развития общества и особенности его верований. Именно поэтому каждая новая публикация как уже давно известных коллекций, так и новых находок неизменно вызывает интерес среди специалистов.

Данная работа представляет собой краткий обзор коллекции фибул, собранной в ходе изучения грунтового могильника первых веков нашей эры на территории объекта археологического наследия «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Памятник расположен на границе Крымского и Абинского районов Краснодарского края между населенными пунктами Ястребовский и Бережной на правом берегу р. Абин. Работы на нем проводились в 2024 г. силами Краснодарской экспедиции ИИМК РАН под общим руководством С. Л. Соловьева.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0012 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий».

² Россия, 299035, Севастополь, ул. Университетская, 33. Севастопольский государственный университет, Институт перспективных исследований. E-mail: v-kropotov@bk.ru.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: vvvkerch@mail.ru.

Всего было изучено 33 873 кв. м площади объекта, на которой открыто 520 захоронений указанного периода. Контуры большинства погребальных сооружений из-за особенностей грунта проследить не удалось, но в тех случаях, когда это получалось, они представляли собой простые подпрямоугольные в плане могилы глубиной до 1 м. Покойные, как правило, располагались на дне могильных ям вытянуто на спине, головой в восточном или западном направлении, случаев иного расположения усопших выявлено немного. Почти все захоронения индивидуальны, некоторые из них сопровождалась погребениями коней. Сопутствующий инвентарь достаточно разнообразен – это предметы вооружения, детали конской упряжи, керамические и стеклянные сосуды, различные украшения, в том числе изготовленные из драгоценных металлов, предметы быта и прочее (Соловьев и др., 2024. С. 151–158).

Одна из наиболее многочисленных категорий находок на могильнике – металлические застёжки-фибулы. Всего их собрано не менее 170 экземпляров. К сожалению, некоторые образцы настолько сильно фрагментированы, что определить их тип и датировку не представляется возможным. Надежно атрибутированные изделия представлены следующими типологическими группами: лучковые подвязные фибулы, провинциально-римские шарнирные броши, причерноморские сильно профилированные фибулы, застёжки с завитком на конце приемника и с кнопкой на конце приемника. Общий перечень находок с указанием номера коллекционной описи, места обнаружения, типологической принадлежности, индивидуальных размеров и хронологического положения по периодизации В. В. Кропотова (Кропотов, 2010. С. 332–338) представлен в таблице 1.

Лучковых подвязных фибул в рассматриваемой коллекции абсолютное большинство (148 экз.). Это провололочные одночленные застёжки с четырехвитковой пружиной, верхней тетивой и плавно расширяющейся книзу ножкой; корпус большинства оригиналов покрыт сплошной или фигурной обмоткой (рис. 1: 1–3). В классификации А. К. Амброза

Таблица 1. Типологическая принадлежность и хронологическая позиция фибул

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
1	КАЭ-24-ЯБ-I-63/1	Об. 8	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,4 × 2,0	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
2	КАЭ-24-ЯБ-I-88/4	Об. 19	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	4,9 × 2,5	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
3	КАЭ-24-ЯБ-I-98/2	Об. 13	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,5 × 2,8	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
4	КАЭ-24-ЯБ-I-98/3	Об. 13	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Деформирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
5	КАЭ-24-ЯБ-I-110/1	Об. 29	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Деформирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
6	КАЭ-24-ЯБ-I-148/3	Об. 40	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
7	КАЭ-24-ЯБ-I-158/1	Об. 47	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,8 × 2,4	Первая половина – середина / третья четверть II в.
8	КАЭ-24-ЯБ-I-179/2	Об. 54	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
9	КАЭ-24-ЯБ-I-179/3	Об. 54	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,3 × 2,4	Первая половина – середина / третья четверть II в.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
10	КАЭ-24-ЯБ-I-179/4	об. 54	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
11	КАЭ-24-ЯБ-I-179/7	об. 54	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,7 × ?	Первая половина – середина / третья четверть II в.
12	КАЭ-24-ЯБ-I-206/5	об. 65	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,1 × 2,3	Первая половина – середина / третья четверть II в.
13	КАЭ-24-ЯБ-I-206/7	об. 65	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,4 × 2,3	Первая половина – середина / третья четверть II в.
14	КАЭ-24-ЯБ-I-228/1	об. 84	Лучковая фибула с колечато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,4 × 2,7	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
15	КАЭ-24-ЯБ-I-229/1	Вне комплекса	Лучковая фибула с колечато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
16	КАЭ-24-ЯБ-I-234/3	об. 90	Лучковая фибула с колечато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,9 × 2,7	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
17	КАЭ-24-ЯБ-I-273/3	об. 88	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	5,1 × 2,4	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
18	КАЭ-24-ЯБ-I-273/4	об. 88	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	5,1 × 2,5	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
19	КАЭ-24-ЯБ-I-281/3	Об. 112	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
20	КАЭ-24-ЯБ-I-287/7	Об. 110	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,5 × 3,7	Первая половина – середина / третья четверть II в.
21	КАЭ-24-ЯБ-I-376/1	Об. 143	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2).	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
22	КАЭ-24-ЯБ-I-395/2	Об. 144	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,4 × 2,9	Первая половина – середина / третья четверть II в.
23	КАЭ-24-ЯБ-I-421/1	Об. 156	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,3 × 2,3	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
24	КАЭ-24-ЯБ-I-424/5	Об. 163	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Фрагментирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
25	КАЭ-24-ЯБ-I-427/2	Об. 166	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,2 × 2,3	Первая половина – середина / третья четверть II в.
26	КАЭ-24-ЯБ-I-428/2	Вне комплекса	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Деформирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
27	КАЭ-24-ЯБ-I-459/2	Об. 78	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Деформирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
28	КАЭ-24-ЯБ-I-480/2	об. 180	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой; пружина и игла изготовлены из железной проволоки (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,7 × 2,4	Первая половина – середина / третья четверть II в.
29	КАЭ-24-ЯБ-I-497/3	об. 191	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	деформирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
30	КАЭ-24-ЯБ-I-500/2	об. 192	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,3 × 3,4	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
31	КАЭ-24-ЯБ-I-517/1	об. 197	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	5,7 × 2,5	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
32	КАЭ-24-ЯБ-I-538/1	об. 205	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
33	КАЭ-24-ЯБ-I-542/1	об. 102	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
34	КАЭ-24-ЯБ-I-557/7	об. 209	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,4 × 2,5	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
35	КАЭ-24-ЯБ-I-586/21	Вне комплекса	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	7,1 × 3,0	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
36	КАЭ-24-ЯБ-I-592/8	об. 220	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,0 × 2,1	Первая половина – середина / третья четверть II в.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
37	КАЭ-24-ЯБ-I-597/7	Об. 128	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар.4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
38	КАЭ-24-ЯБ-I-600/20	Об. 111	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,7 × 2,5	Первая половина – середина / третья четверть II в.
39	КАЭ-24-ЯБ-I-606/1	Об. 226	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
40	КАЭ-24-ЯБ-I-612/3	Об. 229	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Фрагментирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
41	КАЭ-24-ЯБ-I-612/4	Об. 229	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Фрагментирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
42	КАЭ-24-ЯБ-I-612/5	Об. 229	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Фрагментирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
43	КАЭ-24-ЯБ-I-612/8	Об. 229	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
44	КАЭ-24-ЯБ-I-623/2	Об. 132	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
45	КАЭ-24-ЯБ-I-637/9	Об. 231	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
46	КАЭ-24-ЯБ-I-639/3	Об. 239	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,1 × 2,4	Первая половина – середина / третья четверть II в.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
47	КАЭ-24-ЯБ-I-647/2	об. 238	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	фрагментирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
48	КАЭ-24-ЯБ-I-648/1	об. 247	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
49	КАЭ-24-ЯБ-I-657/2	об. 236	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,3 × 2,1	Первая половина – середина / третья четверть II в.
50	КАЭ-24-ЯБ-I-664/1	об. 245	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
51	КАЭ-24-ЯБ-I-667/4	Вне комплекса	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	7,6 × ?	Первая половина – середина / третья четверть II в.
52	КАЭ-24-ЯБ-I-720/2	об. 275	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
53	КАЭ-24-ЯБ-I-721/9	об. 276	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
54	КАЭ-24-ЯБ-I-723/2	об. 280	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,0 × 2,4	Первая половина – середина / третья четверть II в.
55	КАЭ-24-ЯБ-I-745/1	об. 282	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,0 × 2,8	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
56	КАЭ-24-ЯБ-I-757/1	об. 288	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
57	КАЭ-24-ЯБ-I-757/2	Об. 288	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
58	КАЭ-24-ЯБ-I-758/1	Об. 281	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,4 × 2,3	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
59	КАЭ-24-ЯБ-I-792/1	Вне комплекса	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,6 × 2,3	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
60	КАЭ-24-ЯБ-I-800/1	Об. 321	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,7 × 2,1	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
61	КАЭ-24-ЯБ-I-812/3	Об. 324	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,3 × 2,4	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
62	КАЭ-24-ЯБ-I-812/4	Об. 324	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,3 × 2,5	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
63	КАЭ-24-ЯБ-I-812/4a	Об. 324	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,0 × 2,3	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
64	КАЭ-24-ЯБ-I-813/4	Об. 322	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,7 × 2,2	Первая половина – середина / третья четверть II в.
65	КАЭ-24-ЯБ-I-865/1	Об. 263	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,6 × 2,3	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
66	КАЭ-24-ЯБ-I-868/2	об. 300	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
67	КАЭ-24-ЯБ-I-871/3	об. 339	Провинциально-римская шарнирная фибула-брошь с ромбовидным щитком, украшенная разноцветной эмалью (Кропотов – гр. 16, форма 70)	5,0 × 3,9	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
68	КАЭ-24-ЯБ-I-871/10	об. 339	Провинциально-римская шарнирная фибула-брошь с кольцевидным щитком, дополненным по сторонам двумя лунницами и двумя малыми дисками, украшенная разноцветной эмалью (Кропотов – гр. 16, модификация форм 55-56)	6,4 × 5,7	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
69	КАЭ-24-ЯБ-I-879/1	об. 246	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	4,5 × 2,0	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
70	КАЭ-24-ЯБ-I-883/1	об. 332	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
71	КАЭ-24-ЯБ-I-883/1a	об. 332	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
72	КАЭ-24-ЯБ-I-883/2	об. 332	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,4 × 2,8	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
73	КАЭ-24-ЯБ-I-941/39	Вне комплекса	Фибула с ленточной спинкой и кнопкой на конце приемника (Амброз – гр. 12, вар. 3; Кропотов – гр. 9, вар. 2)	деформирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
74	КАЭ-24-ЯБ-I-943/2	об. 322	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,1 × 2,6	Первая половина – середина / третья четверть II в.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
75	КАЭ-24-ЯБ-I-951/9	Об. 284	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Деформирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
76	КАЭ-24-ЯБ-I-965/1	Об. 368	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,0 × 2,5	Первая половина – середина / третья четверть II в.
77	КАЭ-24-ЯБ-I-966/3	Об. 250	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,8 × 2,3	Первая половина – середина / третья четверть II в.
78	КАЭ-24-ЯБ-I-1008/1	Об. 387	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,7 × 2,6	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
79	КАЭ-24-ЯБ-I-1058/3	Об. 404	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Фрагментирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
80	КАЭ-24-ЯБ-I-1079/3	Об. 412	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
81	КАЭ-24-ЯБ-I-1098/2	Вне комплекса	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар.4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар.4, форма 1)	Деформирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
82	КАЭ-24-ЯБ-I-1116/2	Об. 424	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
83	КАЭ-24-ЯБ-I-1116/5	Об. 424	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	5,6 × 2,3	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
84	КАЭ-24-ЯБ-I-1116/7	об. 424	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
85	КАЭ-24-ЯБ-I-1116/7а	об. 424	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
86	КАЭ-24-ЯБ-I-1188/3	об. 438	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
87	КАЭ-24-ЯБ-I-1200/4	об. 445	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
88	КАЭ-24-ЯБ-I-1207/1	Вне комплекса	Провинциально-римская шарнирная фибула-брошь с ромбовидным щитком, украшенная разноцветной эмалью (Кропотов – гр. 16, модификация формы 70)	обломок	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
89	КАЭ-24-ЯБ-I-1208/1	об. 448	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	4,9 × 2,4	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
90	КАЭ-24-ЯБ-I-1211/3	об. 449	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	обломок	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
91	КАЭ-24-ЯБ-I-1217/5	об. 450	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,0 × 2,0	Первая половина – середина / третья четверть II в.
92	КАЭ-24-ЯБ-I-1217/7	об. 450	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,0 × 2,5	Первая половина – середина / третья четверть II в.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
93	КАЭ-24-ЯБ-1-1238/7	Об. 465	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,2 × 2,3	Первая половина – середина / третья четверть II в.
94	КАЭ-24-ЯБ-1-1238/8	Об. 465	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	5,8 × 2,7	Первая половина – середина / третья четверть II в.
95	КАЭ-24-ЯБ-1-1264/2	Об. 471	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,8 × 2,5	Первая половина – середина / третья четверть II в.
96	КАЭ-24-ЯБ-1-1275/3	Об. 474	Причерноморская сильно профилированная фибула с бусинами на дужке (Амброз – гр. 11, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 10, сер. II, форма 3б)	5,7 × 1,7	Первая половина – середина / третья четверть II в.
97	КАЭ-24-ЯБ-1-1275/4	Об. 474	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,5 × 2,6	Первая половина – середина / третья четверть II в.
98	КАЭ-24-ЯБ-1-1281/7	Об. 473	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
99	КАЭ-24-ЯБ-1-1288/1	Об. 478	Фибула с сужающейся к ножке спинкой и завитком на конце приемника (Амброз – гр. 13, вар. 5; Кропотов – гр. 9, сер. I, форма 5)	Обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
100	КАЭ-24-ЯБ-1-1301/2	Об. 477	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,8 × 2,6	Первая половина – середина / третья четверть II в.
101	КАЭ-24-ЯБ-1-1313/6	Об. 486	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,5 × 2,0	Первая половина – середина / третья четверть II в.
102	КАЭ-24-ЯБ-1-1313/7	Об. 486	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	Фрагментирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
103	КАЭ-24-ЯБ-I-1315/1	об. 459	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой; на пружине сохранились следы ремонта железной проволокой, игла отсутствует (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,0 × 2,4	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
104	КАЭ-24-ЯБ-I-1316/7	об. 484	Лучковая фибула с коленчато(?) изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
105	КАЭ-24-ЯБ-I-1316/8	об. 484	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	7,0 × 2,7	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
106	КАЭ-24-ЯБ-I-1316/9	об. 484	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
107	КАЭ-24-ЯБ-I-1322/3	об. 488	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	фрагментирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
108	КАЭ-24-ЯБ-I-1322/4	об. 488	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,5 × 2,5	Первая половина – середина / третья четверть II в.
109	КАЭ-24-ЯБ-I-1351/4	об. 496	Причерноморская сильно профилированная фибула с бусинами на дужке (Амброз – гр. 11, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 10, сер. II, форма 3б)	5,6 × ?	Первая половина – середина / третья четверть II в.
110	КАЭ-24-ЯБ-I-1353/1	Вне комплекса	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,2 × 2,2	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
111	КАЭ-24-ЯБ-I-1355/1	Вне комплекса	Провинциально-римская шарнирная фибула-брошь с ромбовидным щитком, украшенная разноцветной эмалью (Кропотов – гр. 16, модификация формы 70)	4,9 × 4,1	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
112	КАЭ-24-ЯБ-I-1359/2	Об. 497	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,3 × 2,5	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
113	КАЭ-24-ЯБ-I-1372/3	Об. 504	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
114	КАЭ-24-ЯБ-I-1378/3	Об. 454	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
115	КАЭ-24-ЯБ-I-1378/3а	Об. 454	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
116	КАЭ-24-ЯБ-I-1383/1	Об. 513	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
117	КАЭ-24-ЯБ-I-1383/2	Об. 513	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,9 × 2,5	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
118	КАЭ-24-ЯБ-I-1407/1	об. 529	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,4 × 2,3	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
119	КАЭ-24-ЯБ-I-1407/3	об. 529	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	7,5 × 3,1	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
120	КАЭ-24-ЯБ-I-1408/1	об. 503	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	7,6 × 3,0	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
121	КАЭ-24-ЯБ-I-1409/1	об. 520	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
122	КАЭ-24-ЯБ-I-1419/4	об. 482	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	7,7 × 3,0	Первая половина – середина / третья четверть II в.
123	КАЭ-24-ЯБ-I-1419/7	об. 482	Фибула с сужающейся к ножке спинкой и завитком на конце приемника (Амброз – гр. 13, вар. 5; Кропотов – гр. 9, сер. I, форма 5)	3,4 × ?	Первая половина – середина / третья четверть II в.
124	КАЭ-24-ЯБ-I-1420/10	об. 531	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
125	КАЭ-24-ЯБ-I-1459/1	об. 517	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,0 × 2,3	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
126	КАЭ-24-ЯБ-I-1475/3	об. 541	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,1 × 2,4	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
127	КАЭ-24-ЯБ-I-1475/6	об. 541	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
128	КАЭ-24-ЯБ-1-1498/1	Об. 514	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
129	КАЭ-24-ЯБ-1-1505/2	Об. 535	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
130	КАЭ-24-ЯБ-1-1505/5	Об. 535	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	5,6 × 2,4	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
131	КАЭ-24-ЯБ-1-1549/12	Об. 572	Лучковая фибула с колечато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,5 × 2,5	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
132	КАЭ-24-ЯБ-1-1549/13	Об. 572	Лучковая фибула с колечато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,9 × 2,8	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
133	КАЭ-24-ЯБ-1-1552/4	Об. 569	Лучковая фибула с колечато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
134	КАЭ-24-ЯБ-1-1554/2	Об. 571	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	5,3 × 2,4	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
135	КАЭ-24-ЯБ-1-1554/3	Об. 571	Лучковая фибула с колечато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,7 × 3,1	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
135	КАЭ-24-ЯБ-1-1568/5	об. 575	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	6,2 × 2,3	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
137	КАЭ-24-ЯБ-1-1595/1	об. 589	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	6,8 × 2,7	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
138	КАЭ-24-ЯБ-1-1595/2	об. 589	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
139	КАЭ-24-ЯБ-1-1624/1	об. 594	Фибула с сужающейся к ножке спинкой и завитком на конце приемника (Амброз – гр. 13, вар. 5; Кропотов – гр. 9, сер. I, форма 5)	3,9 × 1,8	Первая половина – середина / третья четверть II в.
140	КАЭ-24-ЯБ-1-1625/1	об. 596	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,7 × 2,6	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
141	КАЭ-24-ЯБ-1-1625/2	об. 596	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная фигурной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
142	КАЭ-24-ЯБ-1-1674/10	об. 614	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	7,7 × 3,2	Первая половина – середина / третья четверть II в.
143	КАЭ-24-ЯБ-1-1719/7	об. 625	Провинциально-римская шарнирная фибула-брошь с прямоугольным щитком с двумя рельефными перекладинами, дополненная с двух сторон зооморфными выступами; в центре щитка – цветная вставка (Кропотов – гр. 16, модификация формы 34)	6,3 × 2,2	Первая половина – середина / третья четверть II в.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
144	КАЭ-24-ЯБ-1-1719/8	Об. 625	Причерноморская сильно профилированная фибула с бусинами на дужке (Амброз – гр. 11, сер. I, вар. 2-3; Кропотов – гр. 10, сер. II, форма 2-3а)	Обломки	Первая половина – середина / третья четверть II в.
145	КАЭ-24-ЯБ-1-1719/9	Об. 625	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	4,5 × 2,0	Первая половина – середина / третья четверть II в.
146	КАЭ-24-ЯБ-1-1723/3	Об. 629	Фибула с узкой ленточной спинкой и завитком на конце приемника (Амброз – гр. 13, вар. 3; Кропотов – гр. 9, сер. I, форма 3)	4,7 × 1,6	Первая половина – середина / третья четверть II в.
147	КАЭ-24-ЯБ-1-1725/2	Об. 628	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,8 × 2,4	Первая половина – середина / третья четверть II в.
148	КАЭ-24-ЯБ-1-1725/4	Об. 628	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	7,2 × 2,3	Первая половина – середина / третья четверть II в.
149	КАЭ-24-ЯБ-1-1729/1	Об. 634	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
150	КАЭ-24-ЯБ-1-1729/1а	Об. 634	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	Фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
151	КАЭ-24-ЯБ-1-1772/17	Об. 633	Причерноморская сильно профилированная фибула с бусинами на дужке (Амброз – гр. 11, сер. I, вар. 1; Кропотов – гр. 10, сер. II, форма 1а)	6,3 × 3,4	Первая половина – середина / третья четверть II в.
152	КАЭ-24-ЯБ-1-1779/1	Об. 597	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	5,2 × 2,1	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.

№ п/п	Инв. №	Комплекс	Типологическая принадлежность	Размер (см)	Хронологическая группа
153	КАЭ-24-ЯБ-I-1779/3	об. 597	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	5,7 × 2,4	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
154	КАЭ-24-ЯБ-I-1779/4	об. 597	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	6,3 × 2,7	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
155	КАЭ-24-ЯБ-I-1815/7	об. 653	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	7,2 × 2,8	Первая половина – середина / третья четверть II в.
156	КАЭ-24-ЯБ-I-1915/2	об. 686	Лучковая фибула с коленчато изогнутой спинкой, украшенная сплошной обмоткой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 4; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 1)	фрагментирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
157	КАЭ-24-ЯБ-I-1916/2	об. 688	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
158	КАЭ-24-ЯБ-I-1916/2a	об. 688	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	обломки	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
159	КАЭ-24-ЯБ-I-1925/1	Вне комплекса	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	фрагментирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.
160	КАЭ-24-ЯБ-I-1939/1	об. 692	Лучковая фибула с резко изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 5; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 4, форма 2)	деформирована	Последняя четверть / конец II – первая половина III вв.
161	КАЭ-24-ЯБ-I-2088/3	об. 735	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	6,5 × 2,6	Первая половина – середина / третья четверть II в.
162	КАЭ-24-ЯБ-I-2197/4	об. 732	Лучковая фибула с плавно изогнутой спинкой и короткой завязкой (Амброз – гр. 15, сер. I, вар. 3; Кропотов – гр. 4, сер. I, вар. 3)	деформирована	Первая половина – середина / третья четверть II в.

Рис. 1. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Фибулы из могильника: 1 – КАЭ-24-ЯБ-1-1815/7 (объект 653); 2 – КАЭ-24-ЯБ-1-1359/2 (объект 497); 3 – КАЭ-24-ЯБ-1-1779/4 (объект 597); 4 – КАЭ-24-ЯБ-1-871/3 (объект 339); 5 – КАЭ-24-ЯБ-1-871/10 (объект 339); 6 – КАЭ-24-ЯБ-1-1719/7 (объект 625); 7 – КАЭ-24-ЯБ-1-1772/17 (объект 633); 8 – КАЭ-24-ЯБ-1-1723/3 (объект 629);

такие изделия относятся к группе 15, серии I (Амброз, 1966. С. 48–51), в типологии В.В. Кропотова – к группе 4, серии I (Кропотов, 2010. С. 68–80). По степени изгиба дужки находки распадаются на три варианта: плавно (аркообразно) изогнутые образцы (рис. 1: 1) (вариант 3 по А.К. Амброзу / вариант 3 по В.В. Кропотову); изделия, для которых типичен более круто (коленчато) изогнутый корпус (рис. 1: 2) (вариант 4 по А.К. Амброзу / вариант 4, форма 1 по В.В. Кропотову), и находки, характеризующиеся резко выгнутой спинкой, как бы нависающей над пружиной (рис. 1: 3) (вариант 5 по А.К. Амброзу / вариант 4, форма 2 по В.В. Кропотову). В количественном отношении описываемые украшения представлены неравномерно: довольно много фибул с плавно изогнутой дужкой (вариант 3) – 58 экз., еще более многочисленны коленчато изогнутые образцы (вариант 4) – 68 экз., но совсем немного резко выгнутых изделий (вариант 5) – 22 экз. Интересная особенность коллекции – широкое применение в декоре фибул проволочной обмотки (сплошной

или фигурной), в том числе среди образцов варианта 3, для которых такое украшение в принципе не характерно.

Относительно общей датировки лучковых фибул описываемых модификаций в литературе существует более или менее единое мнение – это в целом II и первая половина III вв. (см., например: Амброз, 1966. С. 49–52; Скрипкин, 1977. С. 107; Труфанов, 2009. С. 210; Кропотов, 2010. С. 74–80). Однако в хронологическом разграничении вариантов имеются значительные разногласия. Так, А.К. Амброз относил указанные образцы, соответственно, к первой половине – середине II в., второй половине II – началу III вв. и концу II – III вв. (Амброз, 1966. С. 50, 51). Его определения поддержал А. С. Скрипкин (Скрипкин, 1977. С. 107), однако другие авторы отметили условность такого ограничения, указывая на более чем значительный «перехлест» периодов бытования вещей (Косяненко, 1987. С. 53–58; Кривошеев, 2005. С. 145; Труфанов, 2009. С. 210). Новые материалы допускают использование образцов варианта 3 после середины II в. (как минимум в третьей четверти столетия) и предполагают существование фибул вариантов 4 и 5 в рамках конца II – первой половины III вв. (Кропотов, 2010. С. 74–80). В пользу последнего, помимо прочего, свидетельствуют и рассматриваемые находки: в пяти комплексах могильника с территории поселения Ястребовское-Бережное-1 (объекты 424, 484, 541, 571 и 597) встречены совместно застегки с коленчато изогнутым корпусом и более резко выгнутые образцы.

Несоизмеримо меньшим количеством находок в рассматриваемой коллекции представлены другие группы фибул. Так, провинциально-римских брошей всего пять экземпляров. Эти украшения характеризуются уплощенным, рельефно выделенным щитком и шарниром из двух стоек. Особенности формы и декора щитка образцы различаются.

К наиболее распространенному типу относится брошь с ромбовидным щитком, украшенным на углах миниатюрными дисками с кольцеобразными выступами по сторонам; центральная часть щитка рельефно выделена и покрыта разноцветной эмалью (объект 339) (рис. 1: 4). В западноевропейской литературе такие изделия принято относить ко второй половине II – началу III вв. (Patek, 1942. Tafel. XV: 4; Feugère, 1985. P. 368–372, pl. 152: 1903; Cociş, 2004. P. 124, pl. CVII: 1504, 1511), однако в Северном Причерноморье им сопутствует несколько более поздний материал, типичный

в основном для последней четверти / конца II – первой половины III вв. (Кропотов, 2010. С. 314, 315, рис. 89а, форма 70). В одном комплексе с описанным предметом (объект 339) встречена уникальная брошь с кольцевидным щитком, дополненным с четырех сторон лунницами и малыми дисками; образец богато украшен многоцветной эмалью (рис. 1: 5). Еще два оригинала с ромбовидными щитками (табл. 1, № 88 и 111), найденные вне погребальных комплексов, отличаются только второстепенными декоративными элементами и, по-видимому, датируются тем же временем (Feugère, 1985. P. 368–372, pl. 151: 1897; Cociş, 2004. P. 124, pl. CVII: 1513; Боталов, Иванов, 2012. С. 277, рис. 4: 3).

К группе так называемых равноконечных провинциально-римских фибул относится застежка с прямоугольным щитком, ограниченным с двух сторон рельефными перекладами; концы изделия оформлены в виде зооморфных выступов, в центре щитка размещена круглая стеклянная вставка (рис. 1: 6). В отличие от описанных выше шарнирных украшений, эта находка характерна для несколько более раннего времени. Ее аналогии с территории римских провинций принято относить к первой четверти II в. (Ettlinger, 1973. P. 116–118, tafl. 13: 28) или ко второй половине I – первой половине II вв. (Riha, 1979. P. 191–192, tafl. 63: 1649–1651; 1994. P. 163–164, tafl. 43: 2848). В Северном Причерноморье подобные застежки известны в комплексах первой половины – середины / третьей четверти II в. и изредка встречаются в более позднее время (Кропотов, 2010. С. 314, рис. 89, 89а, формы 34–42). Рассматриваемый образец был найден в одном захоронении (объект 625) вместе с лучковой подвижной фибулой варианта 3 и причерноморской сильно профилированной застежкой, что подтверждает указанную закономерность.

Причерноморских сильно профилированных фибул в могильнике Ястребовское-Бережное-1 найдено четыре (объекты 474, 496, 625, 633). Все они характеризуются украшенной двумя бусинами спинкой, пластинчатым приемником с кнопкой на конце и многовитковой пружиной с верхней тетивой, прижатой к головке специальным крючком (рис. 1: 7). По этим признакам застежки соотносятся с группой 11, серией I по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966. С. 40, 41) и группой 10, серией II по типологии В.В. Кропотова (Кропотов, 2010. С. 229–233). Общепринятая датировка таких изделий II – начало / первая половина III вв. (Скрипкин, 1977. С. 112, 113; Кропотов, 2010. С. 231; Воронцов, Столяров, 2020. С. 69). При этом считается, что наиболее ранними

являются образцы с близко посаженными на дужке бусинами, а более поздними – изделия с широко расставленными бусинами, у которых также часто встречается раскованная спинка. И хотя обе формы неоднократно отмечены совместно в закрытых комплексах (Кропотов, 2010. С. 233), данная точка зрения остается господствующей. В анализируемой коллекции представлены как «ранняя» (рис. 1: 7), так и «поздняя» формы (объекты 474, 496, 625). Обе они, по-видимому, датируются первой половиной – серединой / третьей четвертью II в. Во всяком случае, две находки из четырех (в том числе образец с очень широкой спинкой) встречены в погребениях вместе с лучковыми фибулами варианта 3 (объектами 474 и 625).

Фибул с завитком на конце сплошного приемника на могильнике также известно четыре. Три из них имеют небольшие размеры, пластинчатую, плавно сужающуюся к ножке спинку и четырехвитковую пружину с верхней тетивой; концы приемников утрачены, поэтому их форма остается не известной (объекты 478, 482 и 534). Четвертая застежка сохранилась более полно. От предыдущих ее отличает только ленточная спинка; завиток на конце приемника спиральный (рис. 1: 8). По перечисленным особенностям фибулы соответствуют образцам группы 13, вариантов 3 и 5 по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966. С. 45, 46) и изделиям группы 9, серией I, форм 3 и 5 по типологии В.В. Кропотова (Кропотов, 2010. С. 183–185). Датировка оригиналов достаточно широкая – I и отчасти II вв. (Амброз, 1966. С. 45) или вторая половина I – начало III вв. (Кропотов, 2010. С. 183). Материалы рассматриваемой коллекции уточняют время бытования только одной находки (объект 482), найденной вместе с лучковой застежкой варианта 3, – первая половина – середина / третья четверть II в. Остальные могут быть отнесены к этому же времени только условно.

Последний образец в нашем собрании происходит из культурного слоя памятника и является пружинной фибулой с кнопкой на конце сплошного приемника. Этот экземпляр характеризуется крупными размерами, треугольной, сужающейся книзу ножкой с едва намеченной кнопкой на конце, четырехвитковой пружиной с верхней тетивой и овально расширенной спинкой, украшенной по продольной оси двумя пуансонными линиями (рис. 1: 9). Изделия деформировано, его первоначальная длина не менее 6,5 см, высота корпуса около 2,5 см, максимальная ширина спинки 1,3 см. По описанным признакам, в первую очередь крупным размерам, широкой спинке, пуансонному декору и едва намеченной кнопке на конце

приемника, образец относится к поздним изделиям своего типа. А.К. Амброз объединил такие застёжки в вариант 4 фибул с гладким корпусом и кнопкой на конце приемника (группа 12) и датировал второй половиной II – III вв. (Амброз, 1966. С. 44). В.В. Кропотов включил их в вариант 2 группы 9 своей классификации с датировкой в пределах первой половины – середины / третьей четверти II в. (Кропотов, 2010. С. 212, 213). К середине – второй половине II в. отнес такие фибулы (Хр-66) А.А. Труфанов (Труфанов, 2009. С. 199). Настаивая на бытовании подобных образцов все-таки именно в ранней части II в., можно указать на частые их сонаходки (в том числе полностью идентичных изделий) с лучковыми подвязными застёжками варианта 3 и отсутствие сочетаний с вещами последующего времени (Кропотов, 2010. С. 213). Вместе с тем даже учет поздних определений не отрывает данную находку от основной коллекции фибул, оставляя ее в тех же хронологических рамках.

Таким образом, весь набор металлических застёжек-фибул из могильника на поселении Ястребовское-Бережное-1, представленный 162 надежно идентифицированными находками и несколькими неподдающимися атрибуции (из-за плохой сохранности) экземплярами, датируется II – первой половиной III вв. и распадается на две отчетливые хронологические группы: образцы первой половины – середины / третьей четверти II в. (фибулы лучковые подвязные варианта 3, провинциально-римская равноконечная, причерноморские сильно профилированные, с завитком и кнопкой на конце приемника – 68 экз.) и изделия последней четверти / конца II – первой половины III вв. (лучковые подвязные фибулы вариантов 4 и 5, и провинциально-римские шарнирные броши – 94 экз.). Не идентифицированные и, соответственно, не датированные находки, скорее всего, также принадлежат к этим группам, но до углубленного, всестороннего их анализа точно утверждать это нельзя.

Массовость металлических застёжек, точность датировки и распространение по всей площади памятника позволяют использовать их в качестве основы для разработки хронологии как всего могильника, так и отдельных категорий его инвентаря.

Источники и литература

- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. Вып. Д 1-30.
- Боталов С.Г., Иванов А.А. 2012. Новый комплекс кочевой аристократии гунно-сарматского времени в Южном Зауралье // ПИФК. № 4.
- Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2020. Восточноевропейские сильно профилированные фибулы с территории Окско-Донского водораздела // История вещей – история и вещи. М.
- Косяненко В.М., 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. № 2.
- Кривошеев М.В., 2005. Фибулы из сарматских комплексов второй половины II – первой половины III вв. н.э. в южной части Волго-Донского междуречья // IV Кубанская археологическая конференция: материалы. Краснодар.
- Кропотов В.В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
- Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. № 2.
- Соловьев С.Л., Топоривская М.А., Украинский П.А., Касимов А.Ю., Гарипов А.С., Бараненко П.А., Черткова Н.С., Цинько А.С., 2024. Краткие итоги археологических раскопок в Крымском и Абинском районах Краснодарского края в 2024 г. // Бюллетень ИИМК РАН. № 16.
- Труфанов А.А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. СПб. ; Кишинев. № 4.
- Cociş S., 2004. Fibulele din Dacia Romană. Cluj-Napoca.
- Ettliger E., 1973. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern.
- Feugère M., 1985. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Paris.
- Patek E., 1942. Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen von Pannonien. Budapest.
- Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst.
- Riha E., 1994. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Augst.

Украшения римской эпохи из грунтового могильника поселения Ястребовское-Бережное-1

Е. И. Арсентьева¹

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-120-126

При раскопках погребальных комплексов грунтового могильника на поселении Ястребовское-Бережное-1 обнаружены различные виды украшений и элементы декора костюма. Особенно часто фиксируются находки бусин и браслетов. В значительном количестве представлены перстни и подвески, в меньшем количестве серьги, найдены амулетница и гривна (более позднего времени). Костюм также нередко дополняли пряжки и фибулы, являвшиеся конструктивным элементом одежды и одновременно имевшие декоративное значение. Несмотря на то что многие погребения были потревожены или разграблены, все же остается возможность проследить основные способы использования подобных предметов и составить представление о наряде жителей поселения.

Из общего числа украшений из грунтового могильника на поселении Ястребовское-Бережное-1 наиболее многочисленны бусы и пронизки. Представлен широкий ассортимент материалов от ископаемых смол до драгоценных металлов и самоцветов: янтарь, гагат, мел, кость, раковина-каури, стекло, сердолик, халцедон, золото, серебро, бронза, кость. Это разнообразие материалов сочетается с многочисленными вариантами формы и декора, цвета и технологии изготовления. И хотя пышные наборы бус не обязательно коррелируют с богатством погребения (Алексеева, 1975. С. 11; 1982. С. 237), все же подобные находки позволяют сделать некоторые наблюдения о декоре костюма их владельцев и дополнить сведения о традициях региона в римскую эпоху.

Самым популярным материалом для изготовления бусин являлось стекло различных оттенков. Исследователи называют несколько источников его происхождения в регионе из числа традиционных центров стеклоделия – Египет, Сирию, Месопотамию (Довгалюк, 2011. С. 318, 319), а также мастерские Северного Причерноморья (Алексеева, 1978. С. 58).

Монохромные бусины демонстрируют значительное разнообразие цветов, размеров и форм. Иногда их дополняют предметы с более сложным декором, например полихромным глазчатым.

Популярны были также бусы из гагата. Технология их производства не предполагает транспортировку на далекие расстояния, поскольку материал быстро теряет влагу и становится хрупким. Вследствие этого предполагается и минимальная удаленность от места находки мастерских по изготовлению гагатовых бусин (Алексеева, 1978. С. 6–10). Янтарные бусины зафиксированы в меньшем количестве. По мнению Е. М. Алексеевой, они поступали в Северное Причерноморье чаще с I по II вв. и с IV по V вв. с территории Средиземноморья и Прибалтики (Алексеева, 1978. С. 21–24).

Бусины из камня представлены экземплярами из сердолика и халцедона – двух наиболее популярных минералов античного мира. Широкое распространение этих камней не позволяет точно установить источник их происхождения и транспортировки к месту находки, поскольку их месторождения известны как в Индии и Африке, так и, например, в Крыму. Относительно времени изготовления, по мнению Е. М. Алексеевой, максимальное разнообразие для подобных изделий на Боспоре фиксируется в период с I по III вв. (Алексеева 1982. С. 11, 14).

Скопления бусин обычно обнаруживаются под нижней челюстью, в районе шейных позвонков и ключиц. В потревоженных погребениях расположение подобных находок позволяет реконструировать ожерелье, в котором, как правило, ритмично чередуются несколько экземпляров различных видов бусин (рис. 1). В качестве примера можно привести объекты 284 и 472, где округлые шаровидные бусины из светлого стекла эффектно сочетаются с черными цилиндрическими пронизками из гагата² – двух самых популярных

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Отдел истории и культуры античного мира. E-mail: elenarsent@mail.ru.

² Тип 27а, № 41, табл. 20 по Е. М. Алексеевой. Короткоцилиндрические неорнаментированные с гладкой матовой и блестящей поверхностью (Алексеева, 1978). III в. до н. э. – III в.

Рис. 1. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 284. Деталь. Вид с севера

Рис. 2. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 247. Деталь. Вид с востока

материалов, использовавшихся населением Северного Причерноморья (Довгалюк, 2011).

В некоторых случаях акцентом в ожерелье являлась крупная бусина с ярким декором – например, в погребении 625 округлая бусина из темно-синего стекла с насыщенными рядами контрастных глазков³ дополнена многочисленными однотипными бусинами из мела и гагата. Изредка шейное украшение составляли лишь несколько крупных бусин (например, погребения 521 и 633, где рядом обнаружены бусины из камня, стекла, бронзы и кости).

В отдельных случаях по одной бусине найдено у пояса (погребение 274) или у локтя (погребение 517). Как правило, они более ценны и эффектны (например, одна золотая бусина в погребении 103), имеют более сложный декор и значительные размеры. Аналогичные примеры известны в некрополе Широкая Балка в погребениях I–III вв., где представлены халцедоновые бусины диаметром 1,45–1,76 см, а также крупная мозаичная (Дмитриев и др., 2011. С. 70, 98, 106). Нередко высказывается мнение, что подобные объекты необычных форм и размеров использовались в качестве амулетов (Высотская, 1994. С. 132; Довгалюк, 2011. С. 352) или застежек (Храпунов, 2011. С. 38).

Скопления бусин в единичных случаях расчищены на запястьях (например, в погребении 633, где множество мелких бусин обнаружено вместе с бронзовыми браслетами, или в объекте 247) (рис. 2). Такое сочетание элементов декора встречается

нечасто. Аналогии приводят авторы публикации материалов некрополя Нейзац (Стоянова, 2011. С. 125). Предположительно, в этом случае бусины могли использоваться для украшения костюма, то есть нашивались на рукава одежды. В некоторых случаях бусины на запястье зафиксированы с аналогичным скоплением около фибулы (погребение 247). Предположительно, эти предметы являлись единым объектом, имевшем декоративное и конструктивное значение (Стоянова, 2011. С. 122).

Браслеты из грунтового могильника на поселение Ястребовское-Бережное-1 встречаются часто, хотя и не демонстрируют большое разнообразие форм и материалов. Как правило, представлены круглопроволочные изделия преимущественно из бронзы (реже железные и лишь один золотой) всего нескольких основных типов. Чаще всего фиксируются браслеты простой конструкции, которая позволяла максимально легко использовать изделие независимо от размера запястья. Представлены украшения с несомкнутыми или заведенными друг за друга концами, которые отличаются лишь размером и сечением стержня – круглого или овального, а также оформлением завершенных – заостренных, тупых, уплощенных или расширяющихся (рис. 3).

Браслеты с заостренными концами – один из самых популярных типов в Северном Причерноморье от римского периода до эпохи Великого переселения народов (Малышев, 2011. С. 292). Браслеты с тупыми или слегка утолщенными концами получают распространение в эпоху Великого переселения народов и бытуют до конца I тыс. (Малышев, 2011. С. 293). Браслеты с заведенными друг за друга подвижными концами, закрученными вокруг основания, становятся особенно популярны

³ Тип 84а, № 16, табл. 15 по Е.М. Алексеевой.

Рис. 3. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Бронзовый браслет

Рис. 4. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Бронзовый браслет

в регионе в I–II вв. (Малышев, 2011. С. 292). В синхронных комплексах фиксируются и браслеты с несомкнутыми утолщенными концами (Малышев, 2011. С. 293).

Уплощенные концы часто оформляли в характерной форме змеиных головок. Не всегда сохранность предмета позволяет выявить наличие подобного декора, который мог быть ограничен лишь схематично выполненными окружностями, обозначающими глаза. В отдельных случаях уплощенные несомкнутые концы украшены рельефами более сложной конфигурации, в которой некоторые исследователи также видят стилизованных рептилий (Гущина, Журавлев, 2016. С. 16, 20).

Браслеты с подвижными закрученными вокруг основания концами (рис. 4), по мнению многих исследователей, позволяют регулировать их размер. Такие конструкции обычно принадлежали детям и подросткам (например, погребение 493). Аналогичные изделия зафиксированы при раскопках некрополя в Широкой Балке в детских погребениях I–III вв. (Дмитриев и др., 2011. С. 149, 158). Подобные предметы также происходят из комплексов I–III вв. некрополя римского времени Бельбек IV (Гущина, Журавлев, 2016. С. 87). Публикующие памятник исследователи подчеркивают наличие большого числа аналогий этой форме в различных регионах Северного Причерноморья и акцентируют внимание на невозможности разработки более детальной периодизации.

Существуют различные модификации подобной подвижной конструкции. Например, известны случаи находок браслетов этого типа (но большего диаметра) на ногах, предположительно,

для крепления на щиколотках мягких кожаных сапожек (Высотская, 1994. С. 110). Однако в грунтовом могильнике на поселении Ястребовское-Бережное-1 ножные браслеты не были обнаружены. Иногда конструктивный элемент в виде завязки оформлен декоративно с помощью дополнительной горизонтальной спирали сверху. Аналогичные украшения обнаружены в некрополе Бельбек IV (Гущина, Журавлев, 2016. С. 243).

В значительно меньшем количестве зафиксированы находки браслетов с крючком на конце. Состояние сохранности не позволяет определить, соответствовала ли ему простая петля на противоположной стороне подобно экземплярам из некрополя Бельбек IV (Гущина, Журавлев, 2016. С. 226), могильника Нейзац (Храпунов, 2011. С. 107) или более сложная из раскопок так называемого Совхоза № 10 (Стржелецкий и др., 2005. С. 157), датированного IV в. Представленный лишь одним экземпляром золотой браслет с раструбами на концах имеет множество разновременных аналогий среди бронзовых изделий, значительно реже среди драгоценных металлов (например, Лесков и др., 2005. С. 152; Засецкая, 2024. С. 72, 98).

В грунтовом могильнике на поселении Ястребовское-Бережное-1 браслеты встречаются чаще всего по одному в погребении. Значительно реже найдены по два, но в этом случае обычно на разных запястьях (например, погребения 357, 363, 382). В единичных случаях зафиксированы на одной руке два браслета (например, погребение 66). Такой способ применения украшений хорошо известен для данного региона – могли носить вплоть до шести на одной руке (Дмитриев и др., 2011. С. 100). Совместные находки браслетов и бусин не позволяют точно определить

их использование. Возможны три варианта: упомянутое выше сочетание металлического браслета и рукава с обшивкой, сочетание двух браслетов из разных материалов (браслеты из бусин обнаружены в детских погребениях некрополя Совхоз № 10 (Стржелецкий и др. 2005. С. 157) или соединение браслета с бусинами в одном изделии, подобно обнаруженным при раскопках в некрополях Усть-Альмы и Неаполя Скифского (Высотская, 1994. С. 112).

Большой популярностью у жителей поселения Ястребовское-Бережное-1 пользовались также перстни и кольца, хотя можно отметить не слишком большое разнообразие форм и материалов, как и в случае с браслетами. Представлены несколько основных типов, преимущественно из бронзы и стекла. Одной из самых популярных конструкций можно назвать изделие с декоративным уплощенным щитком из проволоки, уложенной сверху горизонтально в виде спиральной розетки (рис. 5). Такие перстни получают повсеместное распространение в первые века нашей эры. В Северном Причерноморье встречаются обычно в погребениях I–II вв. (Высотская, 1994. С. 113) и позднее – во II–III вв. (Дмитриев и др., 2011. С. 110, 175).

Уплощенный щиток более крупных размеров представлен дважды: массивные перстни из железа и бронзы выполнены в форме, которая распространилась в эпоху эллинизма. Щитки иногда оставляли гладкими, но чаще украшали рельефом или наносили резные изображения, чтобы использовать их в качестве печати (Арсентьева, Горская, 2019. С. 52, 53). В данном случае состояние сохранности предметов не позволяет в полной мере определить их назначение, хотя на бронзовом экземпляре сохранилась передняя часть изображения животного в профиль (рис. 6).

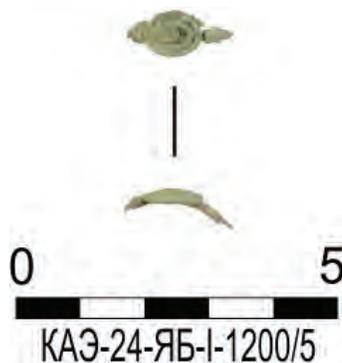

Рис. 5. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Бронзовый перстень

Рис. 6. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Щиток бронзового перстня

Находки перстней подобной формы с рельефным декором известны и в Северном Причерноморье. Например, подобный предмет был обнаружен при раскопках Усть-Альминского некрополя. Он датирован I в. до н. э. – I в. (Высотская, 1994. С. 113).

Вместе с тем в грунтовом могильнике на поселении Ястребовское-Бережное-1 встречаются и простые гладкие металлические кольца без декора с плоской внутри и выпуклой снаружи шинкой, относительно назначения которых до сих пор нет единого мнения. Они могли служить украшением другого элемента одежды, являться деталью пояса или застежки (Высотская, 1994. С. 115). Аналогии им датируют обычно II–III вв. (Дмитриев и др., 2011. С. 220).

Яркой декоративностью отличаются полихромные перстни из стекла: шинка из пестрого стекляного жгута эффектно контрастирует с выпуклой цветной вставкой на уплощенной жуковине. Обычно подобные находки и их варианты датируют I–II или II–III вв., то есть диапазон существования подобных изделий охватывает не менее трех столетий (Высотская, 1994. С. 115; Гущина, Журавлев, 2016. С. 91). Интерес представляют выполненные из полихромного стекла кольца, где цветная шинка дополнена в верхней части высоким контрастным выступом в светлом обрамлении (рис. 7; 8). Очевидно, так была решена задача имитации формы более дорогих изделий из металла и самоцвета в драгоценном касте, которые были широко распространены в III в. (например, Арсентьева, Горская, 2019. С. 151).

В единичных случаях обнаружены экземпляры, изготовленные с применением драгоценных металлов и полудрагоценных камней, например из

Рис. 7. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Стекланный перстень

Рис. 9. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Перстень из сердолика

Рис. 8. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Стекланный перстень

Рис. 10. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Перстень с геммой

серебра с насечками на щитке. Крайне редким можно также назвать кольцо, выточенное из единого фрагмента темного сердолика, где густой цвет камня подчеркнут лаконичным дизайном (рис. 9). Формы с высокими выделенными плечиками датируются III в., однако образцы из камня сохраняются достаточно редко, они более характерны для последних этапов античной глиптики и прикладного искусства Сасанидской эпохи (Арсентьева, Горская, 2019. С. 147, 162–164).

Кованный перстень с округлой шинкой, расширяющейся к щитку, декорирован овальным сердоликом с резным изображением на плоской поверхности (рис. 10). Изображена стоящая фигура богини, опирающейся на скипетр. Техника схематичной резьбы широкими врезами без детальной проработки близка так называемому стилю «бестолковых врез» глиптики эпохи поздней империи. Форма кольца с гнездом для утопленной в него вставки соответствует II–III вв. (Арсентьева, Горская, 2019. С. 138). Аналогичный

экземпляр с утраченной вставкой также мог быть украшен геммой. Следует отметить, что изображение на инталии, вполне вероятно, уже не использовалось в качестве печати, но могло служить амулетом или нести иную смысловую нагрузку (Гущина, Журавлев, 2016. С. 90). Соответственно, и статус владельца не всегда понятен. В некоторых случаях, перстни с геммами являются показателем высокого социального положения (Высотская, 1994. С. 116), в других случаях – принадлежат рядовым жителям поселения, людям весьма скромного достатка (Стржелецкий и др., 2005. С. 166).

Кольца и перстни в погребениях грунтового могильника на поселении Ястребовское-Бережное-1 обнаружены по одному. Часто их находят по сторонам от тазовых костей или на фаланге пальца (например, погребения 457, 536), даже несмотря на плохую сохранность костяка. Все они имеют достаточно большой размер (диаметр). Носили перстни на разных руках вопреки римским традициям, о которых пишет Плиний: «Тот же, кто

первым стал носить кольцо на руке постоянно, делал это с осторожностью, надевая украшение на левую руку, которая поддерживала складки плаща и потому была скрыта от глаз окружающих». В дальнейшем, как говорит об этом Плиний, «роскошь внесла... много всяких разнообразий, вправляя геммы с изысканным сверканьем и унижая пальцы богатым состоянием» (Плиний Старший, XXXIII, VI, 21).

Упомянутые выше простые гладкие кольца без декора, которые, предположительно, могли составлять часть иного украшения, часто находят вместе с фибулами. Такие примеры известны по материалам Усть-Альминского могильника (Высотская, 1994. С. 115) и некрополя Нейзац (Храпунов, 2011. С. 85). В грунтовом могильнике на поселении Ястребовское-Бережное-1 встречены иные примеры сочетания различных элементов декора костюма.

Фибулы, как и пряжки, являясь функциональной деталью, одновременно добавляют и особую декоративность образу. Находки фибул зафиксированы в большинстве погребений. Как правило, их обнаруживают по одной на плече, чаще всего на левом; иногда на груди или на поясе, что может быть признаком крепления одежды в этой области (такие примеры обнаружены, например, в могильнике Нейзац (Стойнова, 2011. С. 117)). В некоторых случаях встречаются по две рядом (например, в погребениях 332, 597 две на плече, в погребении 288 у пояса, в погребении 571 – две на груди).

Реже носили по две в разных местах (например, одну на плече, вторую на поясе: погребения 324 и 596) или симметрично на разных плечах (подобно погребению II–III вв. из Широкой Балки (Дмитриев и др., 2011. С. 111)). В единичных случаях использовали несколько застежек (например, три в погребении 450), такому применению известны аналогии в регионе: например, в некрополе Широкая Балка, три фибулы найдены в погребении, датированном I в. (Дмитриев и др., 2011. С. 87). Четыре лучковых фибулы обнаружены в погребении некрополя Нейзац (Стойнова, 2011. С. 116), пять вместе на груди погребенного зафиксированы при раскопках уже упомянутой Широкой Балки (Дмитриев и др., 2011. С. 176).

В качестве декорирующих булавки элементов в грунтовом могильнике на поселении Ястребовское-Бережное-1 найдены кольца более пышных форм и декора (рис. 11; 12): например, из полихромного стекла или со щитком в виде декоративной спирали,

Рис. 11. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 282. Деталь. Вид с юго-востока

Рис. 12. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Объект 180. Деталь. Вид с востока

подобным перстню на фибуле из некрополя в погребении 115 Широкой Балки, датированном второй половиной II – началом III вв. (Дмитриев и др., 2011. С. 181). Среди материалов этого памятника также известна синхронная традиция соединять две фибулы при помощи одного или двух перстней (Дмитриев и др., 2011. С. 137, 139).

Серьги и височные кольца простой формы в виде кольца в один-полтора оборота при раскопках грунтового могильника на поселении Ястребовское-Бережное-1 встречаются достаточно редко и обычно не являются парным украшением. Такая традиция хорошо известна в различных регионах (Чугунов, 2024. С. 346) и находит аналогии среди находок римского времени, происходящих с территории Северного Причерноморья (Высотская, 1994. С. 106; Стойнова, 2011. С. 126; Гущина, Журавлев, 2016. С. 91).

Незначительную часть от общего числа украшений составляют подвески. Преимущественно они входили в состав шейного украшения (например, погребение 626), но иногда обнаруживаются и отдельно. В частности, у пояса были найдены грушевидные подвески из темно-синего стекла и подвеска-клык. Там же носили и подвесные зеркала с боковой петлей.

Таким образом, материалы из раскопок грунтового могильника на поселении Ястребовское-Бережное-1 позволяют получить некоторое представление о костюме жителя поселения, декорированного разнообразными аксессуарами. Пряжки и фибулы украшали одежду, образовывая эффектные драпировки ткани. Завершая красочный наряд, образ дополняли разнообразные украшения: многоцветные бусы на груди, браслеты и кольца на руках.

Источники и литература

- Плиний Старший, Естествознание. Об искусстве / пер. Г.А. Тароняна. М., 1994.
- Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. М. САИ. Т. 1.
- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. М. САИ. Т. 2.
- Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. М. САИ. Т. 3.
- Арсентьева Е.И., Горская О.В., 2019. Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни. СПб.
- Высотская Т.Н., 1994. Усть-альминское городище и некрополь. Киев.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В., 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в юго-западном Крыму // Труды ГИМ. Вып. 205.
- Дмитриев А. В., Довгалюк Н. П., Малышев А. А., Масленников А. А., Онайко Н. А., 2011. Описание погребальных комплексов // Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху. По материалам некрополя в Широкой Балке. М.
- Довгалюк Н.П., 2011. Бусы из некрополя Широкая Балка // Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху. По материалам некрополя в Широкой Балке. М.
- Засецкая И.П., 2024. Боспорский некрополь эпохи Великого переселения народов. Последняя четверть IV – начало VII вв. : каталог коллекции. СПб.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., 2005. Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.
- Малышев А.А., 2011. Погребальный инвентарь некрополя в Широкой Балке // Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху. По материалам некрополя в Широкой Балке. М.
- Стоянова А.А., 2011. Аксессуары женского костюма II – первой половины III вв. н.э. // Исследования могильника Нейзац. Симферополь.
- Стрелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И., 2005. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя Совхоз № 10) // Stratum plus. СПб. ; Кишинев ; Одесса ; Бухарест. № 4.
- Храпунов И.Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь.
- Чугунов. К.В., 2024. Аржан-2: погребально-поминальный комплекс в тувинской «Долине царей». СПб.

Монетные находки на поселении Ястребовское-Бережное-1¹

А. Е. Терещенко²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-127-133

В период с августа по октябрь 2024 г. сотрудниками ИИМК РАН в рамках Краснодарской археологической экспедиции были проведены охранно-спасательные археологические изыскания на территории объекта культурного наследия «Поселение Ястребовское-Бережное-1» в окрестностях хутора Ястребовский (Крымский район Краснодарского края). В ходе работ на участке общей площадью 31 081 кв. м были изучены: античное поселение IV–III вв. до н. э. и два грунтовых могильника сарматского (I–IV вв.) и хазарского (VIII–IX вв.) времени. Среди многочисленных и разнообразных находок присутствуют и монеты. Всего было обнаружено 26 экземпляров, чеканка которых осуществлялась в период от последней трети IV в. до н. э. до первой трети VII в. Все они четко делятся на три хронологических группы: 1) последняя треть IV в. до н. э. – 16 бронзовых монет пантикапейской чеканки номиналом в обол, тетрахаек и дихаек из культурного слоя поселения³; 2) начало II – начало III вв. – бронзовый сестерций и четыре золотых (электровых?) статера; 3) конец VI – первая треть VII вв. – золотой византийский солид императора Маврикия и серебряный гексаграмм императора Ираклия I. Рассмотрим подробнее представляемый материал (табл. 1).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0010 «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры. E-mail: andrtereshhen@yandex.ru.

³ Вся основная информация о монетах (место находки, параметры, состояние и др.) представлена в табл. 1, фотографии самих монет – на рис. 1 и 2. Также для удобства восприятия на рис. 2 имеется фото аналогов монетных типов в хорошем состоянии. Данные фото взяты из открытых источников: для Пантикапея и Боспорского царства – «Монеты Боспора. Каталог-архив» <https://bosporan-kingdom.com>; Византийской империи – www.acsearch.info/search.html.

Прежде всего отмечу плохую сохранность монет первой группы, только одна имеет удовлетворительное состояние. Это свидетельствует о длительном нахождении данных экземпляров в обращении. Чрезвычайно любопытно то, что несмотря на наличие артефактов, датированных III в. до н. э., ни одной монеты этого времени не было найдено, хотя большую часть всех нумизматических находок *in corpore*, как правило, составляют монеты именно этого периода. Создается впечатление, что лишь в последней трети IV в. до н. э. на изученной части памятника происходила какая-то деятельность, связанная с денежным обращением. Здесь необходимо отметить превалирование среди монетных находок самых крупных номиналов меди, таких как оболы и тетрахаек. На рубеже IV–III вв. до н. э. эта деятельность либо внезапно прекращается, что маловероятно, либо переносится в другое, еще не исследованное место на поселении. Не исключено, что подобный ход событий мог иметь место и в более раннее время.

Довольно интересно складывается ситуация и с монетами второй группы. Из пяти экземпляров, ее составляющих, четыре найдены в могилах. Это бронзовый сестерций Савромата I и золотые статеры Евпатора (рис. 1: 18) и Савромата II (рис. 1: 19, 20). Еще один статер времени правления Рискупорида II (рис. 1: 21) был обнаружен в культурном слое. Монеты имеют хорошую сохранность и высокий незатертый рельеф, это можно сказать даже про бронзовый сестерций, неважное состояние которого обусловлено исключительно коррозионными процессами. Принимая в расчет это обстоятельство, можно предположить, что и статер Рискупорида II, скорее всего, первоначально находился в погребении и лишь в результате распада некрополя (или по каким-то иным причинам) оказался в слое.

Таким образом, у нас как будто возникают основания полагать, что некоторые жители поселения Ястребовское-Бережное-1 во II–III вв. старались снабжать своих усопших в качестве сопроводительного инвентаря «деньгами мертвых»

Рис. 1. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1».
Монеты

Рис. 2. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное».
Монеты

самого лучшего качества (конечно, по мере своих возможностей). Подобные случаи встречаются очень редко, особенно когда речь идет о меди. К сожалению, представленную благостную картину несколько нарушает наличие совершенно нечитаемого экземпляра (рис. 1: 25; 2: 25), обнаруженного в погребении 170 вместе с одним из упомянутых выше статеров Савромата II (рис. 1: 20). Объяснить совместное присутствие столь различных по своему состоянию монет в одном захоронении пока не представляется возможным.

Третья группа, как уже говорилось, представлена двумя византийскими монетами. Обе несут следы вторичного использования. Будучи изъятыми из сферы товарно-денежных отношений, они получили вторую жизнь в качестве оберегов, об этом свидетельствуют отверстия для подвешивания, пробитые в строго определенных местах. Серебряный гексаграмм Ираклия I имеет на аверсе следы потертости, что указывает на некоторый период его хождения в своем основном качестве – собственно монеты. В большей степени эти следы заметны на оборотной стороне. Однако это, скорее всего, обусловлено постоянным контактом с телом владельца, вместе с которым в конечном итоге амулет оказался в могиле. История золотого солида Маврикия представляется более интересной. Прежде всего, отметим одну важную деталь – наличие крохотного кусочка золотой пластинки, припаянной у края оборотной стороны монеты над отверстием (рис. 2: 23). Очевидно, это остаток ушка для подвески. В какой-то момент ушко обломалось, и для дальнейшего использования артефакта в нем было пробито отверстие. Еще одна интересная особенность – явная затертость нижней (по отношению к отверстию) части монеты. Весьма любопытно то, что данная «затертость» наблюдается с обеих сторон предмета в одном и том же секторе монетного поля и, более чем вероятно, данный дефект образовался отнюдь не в процессе его обращения как монеты. Скорее всего, владелец в определенных жизненных обстоятельствах (клятвы, обращение к высшим силам и т.п.) имел привычку брать левой рукой за оберег, слегка потирая его. В конце концов, в какой-то момент амулет был утерян и оказался в культурном слое.

Три бронзовых монеты определить не удалось по причине сильнейшей затертости и коррозии. Тем не менее, принимая во внимание общую фактуру и нахождение в слое, один экземпляр (рис. 1: 26) можно отнести к IV в. до н.э. Оставшиеся две монеты (рис. 1: 24, 25), поскольку они обнаружены

Таблица 1. Монетные находки из раскопок поселения Ястребовское-Бережное-1

Av. Голова бородатого сатира вправо. Rv. Протома орлиноголового грифона с серповидным крылом влево, ниже осетр, по контуру буквы П-А-N			Пантикапей (ранняя группа), ок. 327–325 гг. до н.э. (Терещенко, Шауб, 2017. С. 148)		
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
1	КАЭ-24-ЯБ-I-1982/1. Кв. ИИ-25, пласт 4 (рис. 1: 1)	Рис. 2: А	20 мм	Бронза, тетрахалк	Состояние плохое, потерта
2	КАЭ-24-ЯБ-I-1870/1. Кв. ММ-27, пласт 1 (рис. 1: 2)	Рис. 2: А	21 мм	Бронза, тетрахалк	Состояние очень плохое, потерта и испорчена коррозией
Av. Голова бородатого сатира вправо. Rv. Протома орлиноголового грифона с прямым крылом влево, ниже осетр, по контуру буквы П-А-N			Пантикапей (основная группа) 375–340 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245, таб. XL: 18); 330–315 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216, № 57); 314–310 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 140, № 111); 327–319 гг. до н.э. (Терещенко, 2013а. С. 124)		
№	Место находки, номер описи и номер на рисунке	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
3	КАЭ-24-ЯБ-I-2157/1. Кв. АА-65, пласт 1 (рис. 1: 3)	Рис. 2: Б	19 мм	Бронза, тетрахалк	Состояние плохое, потерта и испорчена коррозией
4	КАЭ-24-ЯБ-I-1675/3. Кв. АА-20, пласт 2 (рис. 1: 4)	Рис. 2: Б	19 мм	Бронза, тетрахалк	Состояние неважное, испорчена коррозией
Av. Голова безбородого сатира вправо. Rv. Протома пегаса с серповидным крылом вправо. П-А-N			Пантикапей (ранняя группа), ок. 327–325 гг. до н.э. (Терещенко, Шауб, 2017. С. 147, 148)		
№	Место находки, номер описи и номер на рисунке	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
5	КАЭ-24-ЯБ-I-1189/1. Кв. Ц-9, пласт 3 (рис. 1: 5)	Рис. 2: В	17 мм	Бронза, дихалк	Состояние плохое, потерта и испорчена коррозией
Av. Голова безбородого сатира в венке влево. Rv. Голова быка в три четверти влево, по контуру буквы П-А-N			Пантикапей 325–300 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245, № 1); 315–300 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216, № 60); 294–284 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141, № 124); 319–310 гг. до н.э. (Терещенко, 2013а. С. 124, 125)		
№	Место находки, номер описи и номер на рисунке	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
6	КАЭ-24-ЯБ-I-2152/27. Кв. ГГ-ДД-80, ЖЖ-33-ИИ-КК-77-79, об. 745. Русло реки (?) (рис. 1: 6)	Рис. 2: Г	27 мм	Бронза, обол	Состояние плохое, потерта и испорчена коррозией
7	КАЭ-24-ЯБ-I-1596/1. Кв. ТТ-8-9, объект 586. Погребение (рис. 1: 7)	Рис. 2: Г	26 мм	Бронза, обол	Состояние очень плохое, потерта, испорчена коррозией

Av. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Rv. Голова льва влево, под ним осетр, по контуру буквы П-А-N		Пантикапей 325–300 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245, табл. XLI: 2); 315–300 гг. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216, № 61); рубеж IV–III вв. до н.э. (Голенко, 1970. С. 23, приложение № 1); 293–283 гг. до н.э. (Анохин, 2011. С. 152, № 1039); 319–310 гг. до н.э. (Терещенко, 2013а. С. 124, 125)			
№	Место находки, номер описи и номер на рисунке	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
8	КАЭ-24-ЯБ-I-630/1. Кв. ОП-16-17, объект 157. Хозяйственная яма 26 (рис. 1: 8)	Рис. 2: Д	20 мм	Бронза, тетрагалк	Может быть, указанный тип. Состояние очень плохое, потерта, испорчена коррозией
9	КАЭ-24-ЯБ-I-737/1. Кв. Ч-18, пласт 2 (рис. 1: 9)	Рис. 2: Д	19 мм	Бронза, тетрагалк	Состояние плохое, потерта и испорчена коррозией
10	КАЭ-24-ЯБ-I-396/1. Кв. 33-13, пласт 3 (рис. 1: 10)	Рис. 2: Д	20 мм	Бронза, тетрагалк	Состояние удовлетворительное
11	КАЭ-24-ЯБ-I-1368/1. Кв. ЛЛ-9, пласт 5 (рис. 1: 11)	Рис. 2: Д	20 мм	Бронза, тетрагалк	Состояние плохое, испорчена коррозией
Av. Голова безбородого сатира в венке влево. Надчеканка: 12-лучевая звезда. Rv. Голова льва влево, внизу осетр, по контуру буквы П-А-N. Надчеканка: горит		Пантикапей, начало III в. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245, № 3; Шелов, 1956. С. 216, № 62); конец первой – начало второй четверти III в. до н.э. (Голенко, 1970. С. 23, приложение № 2); 284–275 гг. до н.э. (Анохин, 1986, С. 141, № 130, 131); последнее десятилетие IV в. до н.э. (Терещенко, 2013б. С. 333)			
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
12	КАЭ-24-ЯБ-I-1867/1. Кв. ФФ-26, пласт 1 (рис. 1: 12)	Рис. 2: Е	18 мм	Бронза, тетрагалк	Состояние плохое, испорчена коррозией
13	КАЭ-24-ЯБ-I-701/1. Кв. О-17, пласт 4 (рис. 1: 13)	Рис. 2: Е	20 мм	Бронза, тетрагалк	Состояние очень плохое, потерта и испорчена коррозией
14	КАЭ-24-ЯБ-I-1825/1. Кв. АА-21, пласт 3 (рис. 1: 14)	Рис. 2: Е	19 мм	Бронза, тетрагалк	Состояние очень плохое, потерта и испорчена коррозией
Разновидность надчеканки – 10-лучевая звезда					
15	КАЭ-24- ЯБ-I-925/1. Кв. ДД-18, пласт 4 (рис. 1: 15)	Рис. 2: Ж	19 мм	Бронза, тетрагалк	Состояние плохое, испорчена коррозией

Av. Голова бородатого сатира влево. Надчеканка: 12-лучевая звезда. Rv. Голова быка в 3/4 влево, по контуру буквы П-А-N. Надчеканка: горит. Очень редкий экземпляр, по причине надчеканки		Пантикапей, 300–250 гг. до н.э. (Зограф, 1951. С. 245, № 7); начало – первая половина III в. до н.э. (Шелов, 1956. С. 216, № 63, 64); первая – начало второй четверти III в. до н.э. (Голенко, 1970. С. 23, приложение № 3); 284–275 гг. до н.э. (Анохин, 1986. С. 141, № 132); 302/1–284/3 гг. до н.э. (Терещенко, 2013б. С. 335)			
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
16	КАЭ-24-ЯБ-I-2070/1. Кв. Ч-27, пласт 3 (рис. 1: 16)	Рис. 2: 3	20 мм	Бронза, тетрахалк	Состояние очень плохое, потерта и испорчена коррозией
Av. Бюст царя в головной повязке вправо, по кругу TI IOYAIOC BACIAEΩC CAYPOMATHC. Rv. Венок, в нем MN. Точечный ободок		Боспорское царство, правление Савромата I (93/94–123/124 гг.), 104–117 гг. (Анохин, 1986. С. 156, № 443); 103/104–108 гг. (Фролова, 1997. Ч. I. С. 252, рис. XLIV: 8–11)			
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
17	КАЭ-24-ЯБ-I-197/3. Кв. ВВ-ГГ-14, объект 197. Погребение 44 (рис. 2: 17)	Рис. 2: И	20 мм	Бронза, сестерций	Состояние неважное, испорчена коррозией
Av. Бюст царя в головной повязке вправо, справа палица. По кругу BACIAEΩC EYΠATOPOC. Точечный ободок. Rv. Бюст Антонина Пия в головной повязке вправо, под обрезом шеи – ΓNY (453 г. б. э.). Точечный ободок		Боспорское царство, правление Евпатора (154/155–170/171 гг.), 156/157 г. (Анохин, 1986. С. 161, № 532; 2011. С. 242, № 1706)			
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
18	КАЭ-24-ЯБ-I-518/2. Кв. ММ-НН-12, объект 195. Погребение 137 (рис. 2: 18)	-	7,8 г, 19 мм	Электр (?), статер	Состояние отличное
Av. Бюст царя в головной повязке, вправо, справа палица. По кругу BACIAEΩC CAYPOMATOY. Точечный ободок. Rv. Бюст Марка Аврелия в головной повязке вправо, под обрезом шеи CΠY (485 г. б.э.). Точечный ободок		Боспорское царство, правление Савромата II (174/175–210/221 гг.), 188/189 г. (Анохин, 1986. С. 162, № 566; 2011. С. 252, № 1782)			
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
19	КАЭ-24-ЯБ-I-518/1. Кв. ММ-НН-12, объект 195. Погребение 137 (рис. 2: 19)		7,9 г, 19 мм	Электр (?), статер	Состояние хорошее

<p>Av. Бюст царя в головной повязке, вправо, справа палица. По кругу ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Точечный ободок. Rv. Бюст Септимия Севера в головной повязке, вправо, справа звезда. Под обрезом шеи ΓϚΥ (493 г. б.э.). Точечный ободок</p>			<p>Боспорское царство, правление Савромата II (174/175–210/221 гг.), 196/197 г. (Анохин, 1986. С. 163, № 574а; 2011. С. 256, № 1808)</p>		
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
20	КАЭ-24-ЯБ-И-637/2. Кв. ОО-12, объект 231. Погребение 170 (рис. 2: 20)		7,9 г, 20 мм	Электр (?), статер	Состояние отличное
<p>Av. Бюст царя в головной повязке вправо. По кругу ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Точечный ободок. Rv. Бюст Каракаллы в головной повязке, вправо, справа звезда. Под обрезом шеи ΗΦ (508 г. б.э.). Точечный ободок</p>			<p>Боспорское царство, правление Рискупорида II (211/212–228/229 гг.), 211/212 г. (Анохин, 1986. С. 166, № 628а; 2011. С. 270, № 1903)</p>		
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
21	КАЭ-24-ЯБ-И- 1257/1. Кв. ОО-ПП-10, пласт 3 (рис. 2: 21)		7,9 г, 20 мм	Электр (?), статер	Состояние хорошее
<p>Av. Бюст Маврикия в фас, на голове шлем и жемчужная диадема, на торсе кираса, драпированная плащом. В правой руке держава, в левой – щит с изображением всадника, справа от бюста звезда. По верхнему краю монетного поля надпись: δM MAVRIC – TIB P P AVI. Rv. На черте фигура крылатого ангела в фас. В правой руке длинный посох, увенчанный ставрограммой, в левой – держава, под державой звезда. По бокам фигуры легенда: VICTORI – A AVCCS, под чертой CONOB (Константинопольский монетный двор)</p>			<p>Византийская империя, правление императора Маврикия (539–602 гг.), 583–601 гг., (Dumbarton (1), 1966. P. 298, № 7с)</p>		
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
22	КАЭ-24-ЯБ-И-331/1. Кв. III-16, пласт 4 (рис. 2: 22)	Рис. 3: К	4,2 г, 21 мм	Золото, солид облегченного веса (23 силиквы)	Состояние плохое, потерта. У края пробито отверстие для подвески
<p>Av. Сидящие на двойном троне Иракий и Иракий Константин. Они одеты в плащи, застегнутые на правом плече фибулой, на головах – короны с крестами, в правых руках державы. Между головами в поле крест. По верхнему краю надпись: $\delta\delta$ NN ηCRACLIχS ϵΤ ηCRΑ CONSΤA. Rv. По центру крест на трехступенчатой базе, справа в поле большая К. По кругу легенда: $\delta\delta$ NN ηCRACLIχS ϵΤ ηCRΑ CONSΤA.</p>			<p>Византийская империя, правление императора Иракия I (610–641 гг.), 615–638 гг. (Dumbarton (2.1), 1968. P. 271, № 61. Pl. X: 61.2, 61.3)</p>		
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Фото аналогов	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
23	КАЭ-24-ЯБ-И-159/2. Кв. P-15, объект 30. Погребение 21 (рис. 2: 23)	Рис. 2: Л	21 мм	Серебро, гексаграмм	Потерта. У края пробито отверстие для подвески

Неопределенные				
№	Место находки, номер описи и номер в фототаблице	Вес, размер	Металл, номинал	Примечания
24	КАЭ-24-ЯБ-1-1167/1. Кв. ММ-10, объект 435. Погребение 317 (рис. 2: 24)	25 мм	Бронза	Состояние очень плохое, затерта и испорчена коррозией
25	КАЭ-24-ЯБ-1-637/1. Кв. ОО-12, объект 231. Погребение 170 (рис. 2: 25)	20 мм	Бронза, тетрахапк	Состояние очень плохое, затерта и испорчена коррозией
26	КАЭ-24-ЯБ-1-147/23. Кв. ВВ-ГГ-13, пласт 6 (рис. 2: 26)	15 мм	Бронза	Состояние очень плохое, полностью затерта и испорчена коррозией. Однако, судя по фактуре, это может быть IV в. до н.э.

в погребениях сарматского периода, скорее всего, следует датировать I–III вв.

Таковой в общих чертах представляется ситуация с нумизматическим материалом на поселении Ястребовское-Бережное-1. Остается надеяться, что исследование этого интереснейшего памятника будет продолжено уже в ближайшем будущем.

Источники и литература

Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Анохин В. А., 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев.

Голенко К. В., 1970. К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э. // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. 8.

Гурулева В. В., 2017. Византийские монеты-обереги с образом императора: общие наблюдения в контексте монет со следами вторичного использования в собрании Государственного Эрмитажа // ТГЭ. Т. 89.

Зограф А. Н., 1951. Античные монеты // МИА. Вып. 16.

Терещенко А. Е., 2013а. Монетное дело Пантикапея в IV в. до н. э. // ВДИ. № 2.

Терещенко А. Е., 2013б. Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV – конца III вв. до н. э. // ДБ. Вып. 17.

Терещенко А. Е., Шауб И. Ю., 2017. Грифон на боспорских монетах: хронология, особенности, семантика образа // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Свято-Алексиевская Пустынь ; СПб. Вып. 9.

Фролова Н. А., 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.): в двух частях. М.

Шелов Д. Б., 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Dumbarton (1), 1966. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemorecollection // Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington. Vol. 1.

Dumbarton (2, 1), 1968. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemorecollection // Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington. Vol. 2. Part 1.

Комплекс керамического производства раннего Средневековья на поселении Хабль-Мингрельское-1¹

П. А. Украинский², К. В. Доткин³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-134-139

С марта по октябрь 2024 г. Краснодарская археологическая экспедиция ЦСА ИИМК РАН провела археологические раскопки в зоне проектируемого строительства АО «Черномортранснефть» на ряде выявленных объектов археологического наследия. В Абинском районе на поселении Хабль-Мингрельское-1 исследован участок площадью 11 915 кв. м. Открыты 28 археологических объектов (в том числе три гончарные печи), датирующихся периодом поздней античности (I–III вв.), раннего Средневековья (VI–X вв.), а также эпохой поздней бронзы, найдены 51 723 предметов.

Поселение Хабль-Мингрельское-I было выявлено в ходе археологической разведки 2023 г., проводимой ООО «Южархеология». В рамках разведки 2023 г. были осуществлены шурфовочные работы, в результате которых было установлено, что культурный слой памятника стратиграфически представлен слоями темно-серого и серовато-коричневого суглинка. Культурный слой при этом насыщен переотложенными и окатанными находками, а также хозяйственными объектами, такими как печь с обмазкой, впущенными в материк. По результатам археологической разведки весной 2023 г., была уточнена площадь выявленного объекта археологического наследия и установлена охранная зона памятника. В октябре 2023 г. объект археологического наследия «Поселение Хабль-Мингрельское-1» был повторно обследован экспедицией ИА РАН под руководством А. Н. Гея.

В период с марта по июль 2024 г. сотрудниками ИИМК РАН в рамках Краснодарской археологической

экспедиции были проведены охранно-спасательные археологические раскопки на территории выявленного объекта культурного наследия «Поселение Хабль-Мингрельское-1», который расположен в Абинском районе Краснодарского края в 3,83 км от северной окраины х. Краснооктябрьский, в 5,6 км от моста через р. Сухой Аушедз до автодороги Мингрельская–Краснооктябрьский к северной границе поселения, в 2,5 км к северо-северо-востоку от северной окраины хутора Хабль. Раскоп располагался в центральной части памятника и пересекал его с северо-востока на юго-запад полосой шириной до 40 м, а в юго-западной его части имел расширение для постройки испытательного амбара. Границы раскопа совпадали с границами строительного котлована. В ходе раскопок был выявлен ряд объектов, среди которых особо выделялись остатки трех гончарных печей (рис. 1). Во всех случаях печи находились в разрушенном состоянии. В связи с неглубоким их залеганием своды печей были сильно разрушены пахотой. Назначение печей достоверно определяются большим количеством фрагментов битой посуды, керамического брака и фрагментами глиняных блоков, найденных рядом. Печи при сходстве своей конструкции имеют некоторые отличия, что позволяет сделать предположения об их специализации.

Печь № 1 (объект 21) в плане имеет подовальную форму, вытянутую по оси север–юг, размерами 1,7 × 1,2 м (рис. 2). Устье топочной камеры обращено на юг. Под представляет округлую в плане яму, имеющую небольшое заглубление относительно древней дневной поверхности. Пол камеры твердый, обмазан глиной, прокален на 0,1 м. Топочное отверстие разрушено, его контур сливается с топочной ямой (объект 10). Свод печи сделан из блоков, напоминающих пахсу – битую прессованную глину (рис. 3). Все блоки сохранились в фрагментированном состоянии. Они представляли собой удлиненные глиняные «кирпичи» трапециевидной формы в сечении со скругленными углами размерами 0,10–0,15 × 0,70 м, толщиной 0,25 м. На поверхности блоков видны следы сгоревшей при обжиге

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0012 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ukrainsky@gmail.com.

³ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: dotkonstantin@yandex.ru.

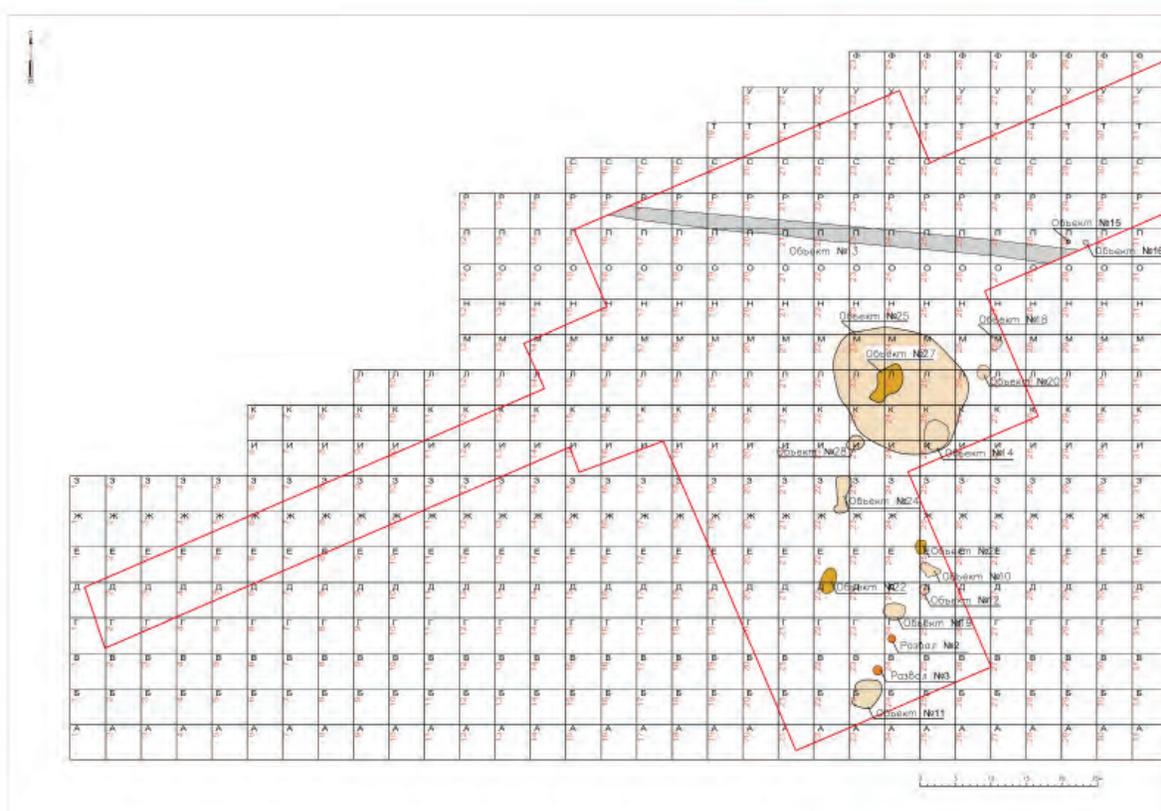

Рис. 1. ОАН «Хабль-Мингрельское-1». План объектов

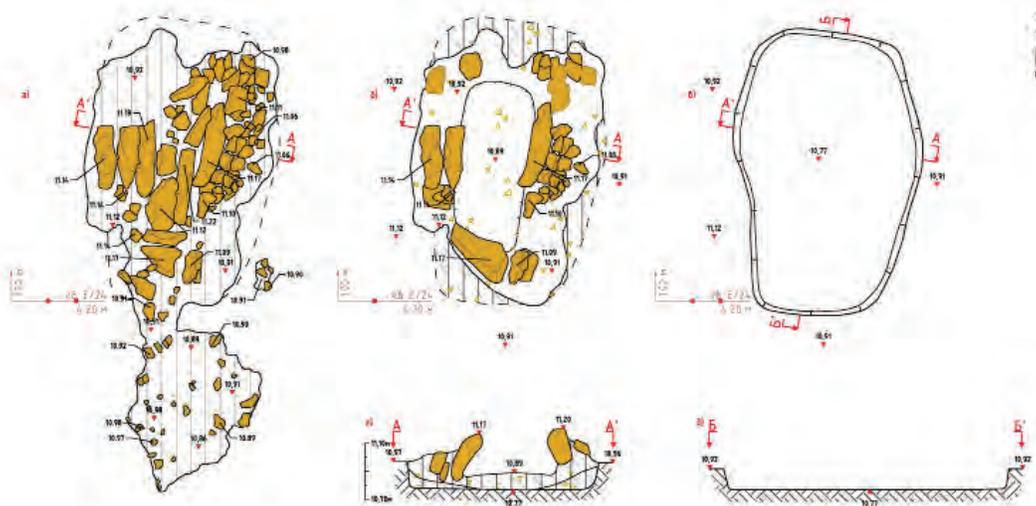

Рис. 2. ОАН «Хабль-Мингрельское-1». Объект 21 (печь № 1). План и разрезы

Рис. 3. ОАН «Хабль-Мингрельское-1». Объект 21 (печь № 1). Разрез пода и стен свода. Вид с севера

растительности, которая, вероятно, использовалась при замешивании и формовке глиняного теста. Внутри печи обнаружены остатки упавших внутрь стен свода-купола. Свод был сложен как минимум из трех рядов блоков пахсы, обмазанных глиной. Учитывая характер разрушений, можно предположить, что свод печи имел конусообразную форму. Отсутствие внутри печи фрагментов посуды или керамического брака указывает на ее хозяйственное назначение. Похожие печи открыты на Старокорсунском городище (Раев, 2012. С. 212, 213).

Печь № 2 (объект 22) в плане имеет овальную форму, вытянутую по оси северо-восток–юго-запад, размерами 3,5 × 2,2 м (рис. 4; 5). Под ровный, его прорезают два параллельных канала, выкопанных в земле, глубиной 0,4–0,5 м, формируя таким образом центральную переемычку и боковые выступы. Верхняя часть пода и, возможно, стенки каналов были обмазаны глиной. Прокал пода зафиксирован на глубину до 0,4 м. При этом дно самих каналов прокалено меньше, что позволяет сделать вывод о том, что по ним двигался горячий воздух, но непосредственного контакта с огнем не было. Форма и местоположение устья топочной камеры не установлены из-за сильного разрушения верхней части печи, от которой сохранился развал блоков пахсы. Здесь же найдено небольшое количество фрагментов столовой керамики.

При расчистке печи найдено 33 фрагмента керамики, из которых пять фрагментов бракованной посуды и 28 фрагментов красноглиняной керамики. Следует отметить, что столовая посуда имеет довольно толстые стенки, что не совсем типично для такого типа сосудов. По всей видимости, необходимость делать посуду повседневного пользования толстостенной была вызвана либо низким качеством глиняного материала, либо некачественной технологией обжига. Керамический брак выделялся полостями внутри стенок сосудов и вздутиями на их поверхности, образовавшимися при нарушении технологии обжига (рис. 5). Подобные дефекты

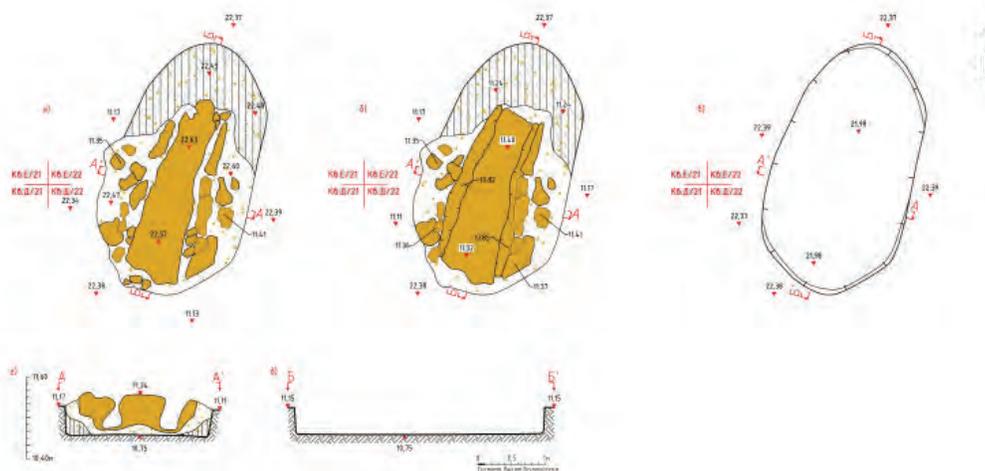

Рис. 4. ОАН «Хабль-Мингрельское-1». Объект 22 (печь № 2). План и разрезы

Рис. 5. ОАН «Хабль-Мингрельское-». Объект 22 (печь № 2). Вид с запада

возможны при недостаточной предварительной просушке изделий перед обжигом и чрезмерном резком нагреве (Кузьменко, 2010). В 7 м от печи обнаружены два скопления фрагментов керамической посуды и керамического брака (рис. 6). В скоплении 1 (объект 24 к северу от печи № 2), имеющем в плане продолговатую форму размерами 5 × 2 м, найдены 66 обломков керамического брака и 490 обломков красноглиняной, в основном столовой, керамики, представленной толстостенными мисками. В скоплении 2 (объект 16 к востоку-юго-востоку от печи № 2), имеющем в плане округлую форму диаметром 2 м, найдены 41 обломок керамического брака и 537 фрагментов красноглиняной, преимущественно столовой, керамики. В верхней части скопления обнаружена почти целая миска со сквозным отверстием на дне (рис. 7). Исходя из материалов заполнения печи и близлежащих скоплений, можно сделать вывод, что печь № 2 использовалась для производства простой столовой керамики. Похожие печи были широко распространены в это время в регионе (Раев, 2012. С. 212).

Печь № 3 (объект 27), самая большая из открытых на поселении (рис. 8; 9), была обнаружена в центре большого скопления фрагментов керамики (объект 25), в плане имела овальную форму, вытянутую по оси северо-восток–юго-запад, размерами 5,5 × 3,5 м. Под печи в виде ровной площадки округлой формы диаметром 3,2 м, которую прорезают два параллельных канала, выкопанных в земле, глубиной 0,65–0,80 м, формируя таким образом центральную перемычку и боковые выступы. Верхняя часть пода и, возможно, стенки каналов были обмазаны глиной. Прокал пода достигал 0,9 м, что может свидетельствовать о длительном и интенсивном использовании печи. Устье топочной камеры трапециевидной формы, расположенное с юго-запада, полностью заполнено продуктами жженой керамики и кусками пахсы (рис. 10).

Рис. 6. ОАН «Хабль-Мингрельское-1». Объект 22 (печь № 2). Фрагменты бракованной керамики

Рис. 7. ОАН «Хабль-Мингрельское-1». Находки из скоплений керамики

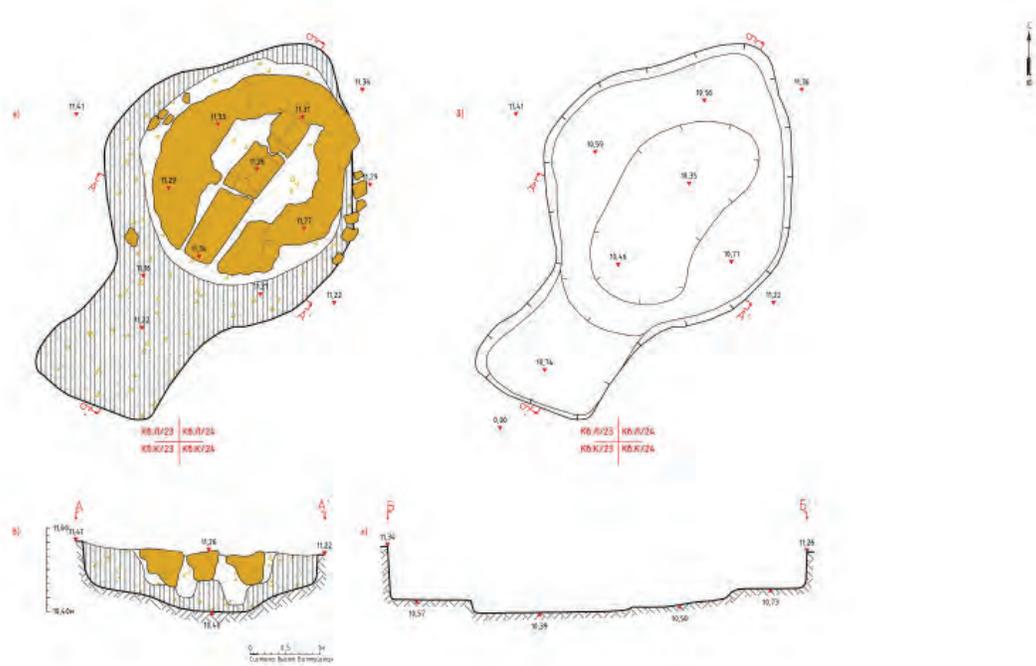

Рис. 8. ОАН «Хабль-Мингрельское-1». Объект 27 (печь № 3). План и разрезы

Рис. 9. ОАН «Хабль-Мингрельское 1». Объект 27 (печь № 3). Вид с востока

Рис. 10. ОАН «Хабль-Мингрельское-1». Объект 27 (печь № 3). Разрез. Вид с юго-запада

Печь была перекрыта фрагментами керамики, керамического брака и кусками пахсы, в составе которых 26 фрагментов бракованной посуды и 66 обломков толстостенных пифоидных сосудов. Вокруг печи также прослежено скопление керамики подовальной формы, вытянутой по оси северо-запад–юго-восток, размерами 21 × 17 м, включавшее 20 782 фрагмента красноглиняной керамики, в составе которых 1244 фрагмента керамического брака, 19 522 обломка толстостенных сосудов, представленных венчиками пифоидных и ойнохойевидных сосудов, а также обломками мисок. Здесь же встречены кости домашних животных и многочисленные фрагменты блоков пахсы. Исходя из материалов заполнения печи и окружавшего ее скопления керамики, можно сделать вывод, что печь № 3 использовалась для производства тарной и толстостенной керамики: пифосов и ойнохойевидных сосудов. Похожие печи также были широко распространены в это время в регионе (Раев, 2012. С. 212).

В целом следует отметить, что наличие печей, большого количества фрагментов керамических сосудов и керамического брака на небольшой площади свидетельствуют о том, что этот участок поселения служил керамической мастерской, специализировавшейся на производстве тарной и отчасти столовой керамики, возможно, невысокого

качества, удовлетворявшего спросу населения региона. Печь № 1, возможно, использовалась для обжига небольших изделий или для приготовления пищи, тогда как печь № 2 была предназначена для выпуска столовой керамики, а печь № 3 – для производства крупных сосудов, таких как пифосы и ойнохойи.

Говоря о конструкции печей, следует отметить, что топочные отверстия располагались в соответствии с розой ветров в регионе и должны были способствовать лучшему нагнетанию воздуха в определенный сезон для лучшего прогрева печи и обжига материала (Раев, 2012. С. 214). Также отметим, что вышеописанные печи предполагали наличие двух или более каналов, формирующих центральные перегородки, сходящиеся под определенным углом к топочному отверстию (Алексеев, Петренко, 2017). Таким образом формировался равный поток разделенного горячего воздуха, поступающий равномерно в топочную камеру (Раев, 2012).

Таким образом, раскопки выявили комплекс взаимосвязанных объектов, представляющих собой остатки керамической мастерской. Дальнейшее изучение артефактов и анализ технологических особенностей изготовления керамики позволят более детально реконструировать производственный процесс и определить место памятника в системе ремесленного производства региона. Что касается датировки памятника, то она может быть затруднена почти полным отсутствием находок из металла и типичными формами керамических сосудов. Подобные типы посуды имели распространение от поздней античности (Черепнин, 1999) вплоть до раннего Средневековья (Чхаидзе, 2012). Единственным предметом из металла, найденным на участке керамической мастерской, была бронзовая лучковая подвязная фибула I серии варианта 4 формы 1 (конец II – первая половина III вв.)

(Кропотов, 2010) (рис. 11). Такая находка, сделанная в заполнении одной из хозяйственных ям, относимых к производству керамики, позволяет нам с некоторой долей вероятности сдвинуть нижнюю границу существования памятника к периоду поздней античности.

Таким образом, раскопки выявили целый производственный комплекс, демонстрирующий специализацию в керамическом производстве меотского населения Прикубанья. Дальнейшие исследования, включающие анализ глины, технологии обжига и типологии керамики, позволят получить более полное представление о характере и масштабах керамического производства на данном памятнике, а также о его роли в экономике региона.

Источники и литература

- Алексеев С.В., Петренко О.И., 2017. Технологии гончарного производства меотов в позднем железном веке // Труды Кубанского университета. Серия История. Краснодар. Т. 12.
- Кузьменко А.С., 2010. Особенности гончарного производства меотов в контексте взаимодействия с соседними культурами // АО 2010. № 3.
- Кропотов В.В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
- Раев Б.А., 2012. Гончарные печи меотских городищ Прикубанья и Подонья // *Tyragetia*. Vol. VI [XXI]. No. 1.
- Черепнин Л.Е., 1999. Проблемы изучения керамики меотов // Археология Северного Кавказа. Майкоп. Вып. 2.
- Чхаидзе В.Н., 2012. Фанагория в VI–X веках. М.

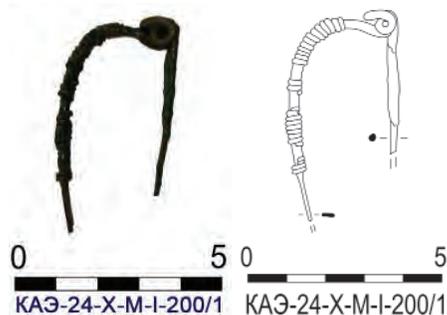

Рис. 10. ОАН «Хабль-Мингрельское-1». Бронзовая лучковая фибула

Археологический надзор¹

П. А. Украинский²

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-140-142

В 2024 г. в рамках строительства объекта «МН “Тихорецк–Новороссийск-4” DN800/DN700. Подключение к МН “Тихорецк–Новороссийск-3” на участке ЛПДС “Крымская” – ПП “Грушова”» были проведены масштабные археологические надзорные работы. Эти мероприятия осуществлялись на территории Крымского и Абинского районов Краснодарского края с 2 июля 2024 г. по 15 марта 2025 г. Надзор охватил ряд выявленных ранее объектов культурного наследия, включая поселения Мингрельское-2, Хабль-Мингрельское-1 и -2, Березки-1 и -2, Ястребовское-Бережное-1, Арматурный завод 1, Куафо-6, Сады-1 и -2 и курган Новый Сад 1, а также их охранные зоны. Археологические работы включали три основных этапа: архивные изыскания, полевые исследования и камеральную обработку материалов. Архивные изыскания позволили систематизировать данные о памятниках, изучить картографические материалы и подготовить историческую справку для научного отчета. Особое внимание уделялось анализу государственных списков памятников и архивных фондов, что обеспечило полноту и достоверность дальнейших исследований.

Полевой этап работ проводился в сельскохозяйственных садах черешни, на полях, где велась распахка и культивация зерновых и масличных культур, рисовых чеках, а также в лесных массивах и лесополосах. Местность на большей части характеризовалась равнинным рельефом с общим уклоном к югу, что облегчало визуальное обследование. Лишь в западной части района исследований ландшафт представлен холмами кавказского предгорья. Общая площадь надзора составила 469 785 кв. м (рис. 1). Полевой этап включал надзор за снятием плодородно-растительного

слоя почвы и контроль за выемкой грунта при прокладке нефтепровода. В ходе первого этапа специалисты провели сплошное визуальное обследование территории, осмотрев распаханные участки, дренажные каналы и грунтовые дороги (рис. 2). Особое внимание привлекли охранные зоны поселения Березки-1 и Ястребовское-Бережное-1, где был обнаружен мощный культурный слой. Это потребовало приостановки земляных работ и оформления соответствующих актов.

Второй этап работ заключался в мониторинге выемки грунта под нефтепровод. В процессе регулярно выполнялись зачистки стенок траншей, фиксация стратиграфических особенностей и сбор артефактов (рис. 3). Участок на востоке характеризовался перепадом высот до 0,46 м, однако стратиграфия оказалась однородной. Культурный слой, представленный гумусированным темно-серым суглинком, залегал на предматериковом коричневом суглинке, под которым находился стерильный материковый слой.

В пределах охранных зон поселения Мингрельское-2, Березки-1 и Ястребовское-Бережное-1 были обнаружены значительные скопления археологического материала, включая фрагменты керамики, каменные изделия и кальцинированные кости (рис. 4). Культурный слой, залегающий под плодородно-растительным слоем, представлял собой плотный темно-коричневый суглинок с редкими включениями керамической крошки и углей. Особый интерес представляет находка керамического развала, включавшего более 160 фрагментов лепной и круговой керамики, а также остатки амфоры, обнаруженной *in situ* (рис. 5). Стратиграфические исследования позволили выделить несколько слоев, включая плодородно-растительный слой, культурный слой, предматериковые отложения и материк. Глубина залегания находок варьировалась от 0,3 до 1,7 м, что может свидетельствовать о многослойности памятника.

Находки, собранные в ходе полевых работ, включали фрагменты керамики, каменные орудия,

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0012 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Центр спасательной археологии. E-mail: ukrajinsky@gmail.com.

кости животных и другие артефакты, которые позволили уточнить хронологию и культурную принадлежность памятников. Анализ подъемного материала подтвердил наличие интенсивной хозяйственной деятельности в древности, связанной с земледелием и ремеслом. Всего было собрано 283 фрагментов керамики (65 профильных частей и 218 стенок), 32 костных остатка и девять каменных изделий. Наиболее богатые скопления артефактов зафиксированы в охранных зонах поселений Мингрельское-2 и Ястребовское-Бережное-1.

Проведенные исследования имеют важное значение для сохранения культурного наследия Краснодарского края. Они не только позволили документировать археологические объекты, но и обеспечили их защиту в условиях современного строительства. Полученные данные будут использованы для дальнейших научных публикаций и музейных экспозиций, способствуя популяризации археологического наследия региона. Таким образом, археологический надзор в Крымском и Абинском районах подтвердил высокую историческую ценность изученной территории и необходимость продолжения исследований для более полного ее понимания.

Фаунистические материалы из археологических памятников окрестностей Крымска в Краснодарском крае¹

А. К. Каспаров², Е. С. Кондрашова³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-143-150

Масштабные раскопки, осуществленные в 2024 г. в окрестностях Крымска в Краснодарском крае, дали большое количество костных остатков фауны. Эта объемная коллекция будет подробно исследоваться и привлекаться для сравнения, вероятно, не один год. В процессе работ авторами исследовались фаунистические материалы из памятников Сады-1 и -2, Арматурный Завод 1, Мингрельское и Хабль-Мингрельское-1 и -2, Шептальское-Левобережное и Ястребовское-Бережное-1. Количество костных остатков на некоторых памятниках было весьма небольшое, однако на других они исчислялись десятками тысяч.

ОАН «Поселение Сады-1» расположен в Крымском районе в 1,55 км к юго-юго-востоку от автомобильной развязки федеральной автодороги А146. В целом он датируется III тыс. до н.э., однако в процессе раскопок были получены немногочисленные средневековые материалы, артефакты Нового времени и даже современности. ОАН «Поселение Сады-2» расположен примерно в 300 м от предыдущего памятника и датируется в целом VI–XIV вв. Однако и здесь имеются находки гораздо более поздних эпох.

Сады-1 дали всего 26 определимых костных фрагментов, принадлежащих основным видам домашних животных. Пятнадцать из них составляли остатки мелкого рогатого скота. Только одна кость определена как принадлежавшая дикому

животному, а именно кабану. Из памятника Сады-2 обнаружена только одна кость лошади и одна кость свиньи.

ОАН «Поселение Арматурный Завод 1» находится в Абинском районе в 3 км к западу-северо-западу от железнодорожной станции Абинская. Раскопки велись на двух участках: Арматурный Завод 1 и Арматурный завод Юг. Памятник датируется главным образом VI–IV вв. до н.э., но эпизодически встречаются материалы и более поздних эпох. Общее количество костных остатков весьма невелико для достаточно большой раскопанной площади – более 13 тыс. кв. м. Всего было найдено лишь 235 определимых костных фрагментов (табл. 1). Такого количества абсолютно недостаточно, чтобы достоверно судить о типе хозяйства на этом поселении в классическое время. В слоях поселения на участке Арматурный Завод-1 было обнаружено семь обломков рогов благородного оленя. Причем один из них был с обломком черепа. Это означает, что животное было убито в осеннее-зимний период с сентября по февраль, когда самцы благородных оленей носят полностью сформировавшиеся рога. С животного была снята шкура. Под розеткой рога имеются характерные круговые порезы. Еще несколько обломков были от явно сброшенных рогов, которые наверняка были найдены жителями в степи. Большинство этих фрагментов имеют следы резки железными инструментами, то есть являются отходами косторезного производства. Они распилены железными разведенными пилами, которые тогда, вероятно, стоили весьма дорого. Вызывает удивление наличие на небольшом поселении косторезной мастерской достаточно высокого уровня. Процент погрызенных собаками костей здесь относительно высок – 11,5 %. Это говорит о том, что раскопанные участки являлись, скорее всего, местами мусорного сброса.

ОАН «Поселение Мингрельское» находится в Абинском районе. Общая площадь раскопа составляла здесь 1246 кв. м. Полученный небольшой материал датируется в целом Средневековьем. Всего обнаружены 11 определимых костей, принадлежащих корове, свинье, лошади и благородному оленю.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0010 «Юг России и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным».

² Россия, 191181, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатории археологической технологии. E-mail: alexkas@yahoo.com.

³ Россия, 191181, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатории археологической технологии. E-mail: e.kondrashova5232@ya.ru.

Таблица 1. Фаунистический состав поселения Арматурный завод-1

Виды	Количество	%
Благородный олень	7	3,0
Мул	1	0,4
Лошадь	36	15,3
Корова	121	51,5
Овца	2	0,9
Коза	4	1,7
Овца или коза	43	18,3
Свинья	21	8,9
Всего	235	100,0

ОАН «Поселение Хабль-Мингрельское-1 и 2» дали материалы, в основном принадлежавшие средневековому времени. Их количество очень мало (табл. 2). Из интересных находок отметим обломок левой нижней челюсти дикого кабана.

Таблица 2. Фаунистический состав поселений Хабль-Мингрельское-1 и 2

Виды	N
Кабан	1
Лошадь	17
Корова	80
Овца или коза	4
Свинья	6
Всего	108

ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное» находится в Крымском районе в 300 м от северной окраины хутора Шептальский. Основная часть контекстов здесь датируется временем с конца IV – начала III тыс. до н. э. Они принадлежат к майкопской культуре. Площадь раскопа составила 4066 кв. м. На этой площади обнаружены вероятные

остатки жилищ, несколько хозяйственных ям и 17 захоронений, причем четыре из них групповые. Структура фаунистической коллекции представлена в таблице 3. Помимо человеческих захоронений, обнаружено 13 захоронений животных или имитаций таковых. Ниже приводится описание трех наиболее хорошо сохранившихся захоронений.

Погребение 11. Здесь обнаружены голова лошади, к сожалению, раздавленная, две передние ноги и одна задняя метаподия. Вероятнее всего это имитация погребения коня, очевидно, с культовыми целями. По степени стертости верхних и нижних резцов, следуя стандартам И. Дюрста (Duerst, 1924), возраст животного составляет около четырех лет. Это самец, высота в холке по длине передней метаподии 138 см (среднего роста), по стандартам В.О. Витта (1952), степень грацильности 16 %, то есть лошадь так называемая «средненогая», по А. А. Браунеру (1916). По

Таблица 3. Фаунистический состав поселения Шептальское-Левобережное

Виды	N	%
Зяец	1	0,1
Кабан	5	0,6
Благородный олень	14	1,7
Косуля	2	0,2
Лошадь	64	7,6
Корова	474	56,4
Овца	41	4,9
Коза	19	2,3
Овца или Коза	153	18,2
Собака	11	1,3
Свинья	52	6,2
Птицы	3	0,4
Рыбы	2	0,2
Всего	841	100,0

стандартам Л. Л. Гайдученко (2002), эта лошадь «универсального типа». Однако Л. Л. Гайдученко разрабатывал свои стандарты для современных селекционно продвинутых пород лошадей. По меркам III тыс. до н.э., эта лошадь обладала, вероятно, довольно высокими экстерьерными характеристиками. При этом следов взнуздывания на зубах, описываемых Д. Брауном и Д. Энтони (Brown, Anthony, 1998), не просматривается. То есть либо эту особь взнуздывали какой-то мягкой веревкой, либо не взнуздывали вообще, а берегли для какого-то особого случая. Например, для жертвоприношения, следы которого мы, вероятно, и наблюдаем.

Объект 90. В этом контексте обнаружена лошадиная голова без других остатков посткраниального скелета. К сожалению, череп и нижняя челюсть представлены мелкими обломками. Все же можно сказать, что это животное – самец, примерно 7–8 лет, то есть еще далеко не старый, и что он также не взнуздывался металлическими удилами.

Объект 112. Здесь обнаружен целый скелет свиньи примерно полугодичного возраста.

Объект 71. В контексте присутствуют остатки двух лошадей, которые представлены головами и дистальными частями конечностей, примерно с уровня голеностопного сустава. Обе особи – самцы, возраст одного 10–11 лет, другого около 14 лет. Головы животных разрушены, кости конечностей также разрушены и перемешаны, потому какой именно особи принадлежит та или иная кость, понять нельзя. Высота в холке по единственной передней метаподии одного экземпляра – 146 см (выше среднего, по Витту, 1953), другого, по длине двух задних метаподий – 141 см (среднего размера, по классификации того же автора). Имеются две передние и одна задняя первые фаланги со следами от ножа на задней стороне ближе к дистальному концу кости. Это говорит о том, что, по крайней мере, с одного животного была снята шкура. Назначение этого костного скопления не ясно.

Кроме этого, на памятнике найдено некоторое количество отдельных метаподий лошадей, обнаруженных в культурных слоях. Средний размер лошадей на поселении Шептальское-Левобережное по пяти передним метаподиям равен 138 см, а коэффициент грацильности Браунера (1916) в среднем 14,1 %, то есть лошади в среднем тонконогие, что вызывает некоторое удивление, поскольку примитивные породы лошадей были довольно коренастого склада, не далеко ушедшие от своих диких предков.

В литературе встречаются описания фаунистических остатков из некоторых других памятников майкопской культуры. Например, из поселений Новосвободненское и Пхагаупе (Спасовский, 2008). Памятники расположены в Республике Адыгея: первый в долине р. Фарс, а второй на берегу Краснодарского водохранилища. Здесь среди остатков доминирует мелкий рогатый скот. На памятнике Мысхако, находящемся в черте Новороссийска, также отмечено преобладание остатков мелкого рогатого скота и свиньи и, кроме того, довольно большой процент (7,5 %) костей собаки (Гей, Добровольская, 2009). Ничего подобного на поселении Шептальское-Левобережное мы не наблюдаем.

Из поселения Шептальское-Левобережное получено довольно большое количество образцов человеческой костной ткани для установления типа питания и сезона смерти его обитателей по изотопному составу костей. Всего были исследованы остатки 19 человек. По данным изотопного состава азота в костях, в рационе этих людей не хватало белков животного происхождения. Питание их состояло в основном из растительной пищи. Это хлеб, каши, похлебки из зерновых и бобовых культур, овощи, фрукты, ягоды. Из пищи животного происхождения в их питании присутствовали молоко и молочные продукты. И лишь один человек мог позволить себе также мясо домашних животных, дичь и рыбу (объект 147). Судя по концентрации изотопа углерода в костях, почти все эти люди умерли в холодное время года. Лишь один человек скончался в межсезонье – осенью или весной (объект 147).

ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1» расположен в Абинском районе Краснодарского края; в 830 м к юго-востоку от центра хутора Ястребовский. Археологические исследования показали, что, по всей видимости, поселение представляет собой несколько крупных усадеб, пространство между которыми было практически не застроено и содержало крайне мало археологического материала. Общая исследованная площадь составила 4819 кв. м. Кроме этого, на памятнике был обнаружен грунтовой могильник с многочисленными погребениями и хозяйственными комплексами. В целом костные материалы, полученные отсюда, принадлежат периоду примерно с VI по I вв. до н.э. и римскому времени с I по IV вв. В первом периоде здесь обитали племена меотского культурного круга, а во втором, по всей видимости, сарматы. Незначительное количество материала получено и из средневековых отложений, но количество его очень мало.

Основные объекты, из которых поступили остеологические находки, – это погребения и хозяйственные ямы. Состав костной коллекции двух периодов существования памятника представлен в таблице 4. Поскольку костный материал главным образом происходит из заполнения погребений, вероятнее всего, он имеет какое-то отношение к культовым церемониям и, таким образом, не в полной мере отражает хозяйственный уклад жителей поселения. Высокий процент костей лошади в слоях нашей эры обусловлен тем, что в сарматских погребениях, как правило, присутствовали захороненные лошади или части их скелетов (голова и дистальные части конечностей). Еще обращает на себя внимание большая доля остатков коровы как в слоях эллинистического времени, так и в первые века нашей эры. Причем

Таблица 4. Фаунистический состав поселения Ястребовское-Бережное-1

Виды	VI–II вв. до н. э.		I–IV вв.	
	N	%	N	%
Барсук	2	0,02	–	–
Кошка	1	0,01	–	–
Кабан	13	0,1	1	0,1
Благородный олень	9	0,1	–	–
Косуля	3	0,03	1	0,1
Лошадь	1595	17,4	276	35,3
Корова	5313	57,9	379	48,5
Овца	238	2,6	25	3,2
Коза	124	1,4	14	1,8
Овца или Коза	878	9,6	43	5,5
Собака	72	0,8	6	0,8
Свинья	919	10,0	37	4,7
Птицы	13	0,1	–	–
Всего	9180	100,0	782	100,0

в первом периоде их даже больше, чем во втором. С точки зрения структуры хозяйства это выглядит странным.

Большая доля остатков коровы в костных материалах римского времени, по сравнению с более ранними периодами, удивления не вызывает. Это отмечалось еще В.И. Цалкиным (1960) и многими другими исследователями. Такую ситуацию объясняли разными причинами. Некоторые авторы считали, что в римское время получила распространение двупольная система земледелия и, стало быть, появились обширные площади полей, находящихся под паром, которые были весьма удобны для выпаса крупного рогатого скота (Кругликова, 1975). Встречается мнение, что система земледелия ни при чем, а просто с развитием хозяйства увеличивались площади обрабатываемых полей, и потому просто требовалось большее количество быков для распашки (Добровольская, 2013). Однако на поселении Ястребовское-Бережное-1 мы видим, что до нашей эры доля остатков коровы в костной коллекции даже заметно больше, чем в сарматское время. Вероятно, причина в том, что как уже говорилось, здесь мы имеем дело не с повседневными кулинарными отходами, а с остатками каких-то культовых действий – поминальных трапез, жертвоприношений и т.д., в которых говядина котировалась гораздо выше, чем баранина, и потому использовалась чаще.

В материалах из погребений встречено большое количество остатков коней, которых в виде целых скелетов или чаще определенных их частей, хоронили вместе с хозяевами. Среди остатков было найдено довольно большое количество передних метаподий, которые было возможно измерить. Измерения производились по схеме В. Айзенманн и С. Бекуш (Eisenmann, Beckouche, 1986). Эти же авторы, кстати, утверждают, что передние метаподии лошадей гораздо более диагностичны, чем задние, и потому в нашей работе предпочтение отдано именно этим костям. На поселении Ястребовское-Бережное-1 было найдено 26 метаподий меотского и 74 метаподии сарматского времени. С каждой кости снималось 12 промеров. Эти данные приводятся в таблице 5.

По двум основным измерениям: общей длине и ширине диафиза в средней части, были вычислены средние показатели. Средняя длина передней метаподии лошади в меотское время составляет 218,4 мм, а ширина диафиза – 33,1 мм. В сарматское время соответственно 219,7 и 33,2 мм. Таким образом, меотская лошадь в среднем имела индекс грацильности 15,2,

Таблица 5. Размерные характеристики передних метаподий лошадей (в мм) (по Eisenmann, Vescoicse, 1986) из некоторых памятников Северного Причерноморья разных периодов. Сохранены авторская нумерация промеров и их последовательность

Памятник	Ястребовское-Бережное-1	Ястребовское-Бережное-1	Ястребовское-Бережное-1	Шептальское Левобережное	Скифские лошади	Ильичевка	Тири-така	Мирмекий	Нимфей	Полянка	Золотое Восточное	Тири-така	Мирмекий	Артюшенко-1
Датировка	VI-III вв. до н.э.	VI-III вв. до н.э.	I - III вв.	IV-III тыс. до н.э.	IX-IX вв. до н.э.	VI-V вв. до н.э.	VI-V вв. до н.э.	III-IV вв. до н.э.	I-III вв.	I-III вв.	II-III вв.			
Количество	N = 26	N = 74	N = 4	N = 4	N > 100	N = 3	N = 4	N = 7	N = 31	N = 4	N = 4	N = 3	N = 4	N = 5
Наибольшая длина	218,44	219,67	223,08	218,84	218,84	214,43	220,47	221,99	220,18	220,47	217,92	220,27	225,42	215,72
Ширина диафиза в средней части	33,05	33,16	31,05	32,86	32,86	33,6	34	34,01	33,83	34	34,18	32,23	35,45	32,08
Передне-задний диаметр там же	25,47	25,3	23,97	25,07	25,07	24,93	25,28	25,8	25,47	25,28	25,58	24,67	27,35	23,9
Макс. ширина проксимального эпифиза	47,27	54,59	46,93	48,31	48,31	48,3	49,6	50,12	49,89	49,6	50,55	45,97	51,03	47,32
Передне-задний диаметр проксимального эпифиза	31,07	30,62	30,55	30,72	30,72	31,13	32,45	31,69	31,5	32,45	32,07	30,47	31,57	31,32
Ширина дистального эпифиза в надсуставных буграх	47,01	47,27	44,85	46,1	46,1	45,53	46,18	44,69	47,51	46,18	48,32	46	48,7	47,14
Ширина дистального блока	48,27	48,97	47,05	48,59	48,59	48,37	49,7	48,65	49,42	49,7	48,85	48,5	49,77	47,22
Передне-задний диаметр срединного гребня дистального блока	35,72	35,9	35,28	36,12	36,12	35,23	36,07	36,07	36,05	36,07	37,63	35,3	36,5	34,32
Наименьший передне-задний диаметр медиальной части дистального блока	28,61	28,75	28,22	28,77	28,77	27,5	28,13	28,77	28,59	28,13	28,8	28,93	29,47	26,72
Наибольший передне-задний диаметр медиальной части дистального блока	30,14	30,18	29,38	30,18	30,18	29,7	30,85	30,53	30,97	30,85	31,1	30,3	31,2	28,77
Ширина большей проксимальной фасетки	39,69	40,07	38,98	39,54	39,54	40,2	40,73	40,74	40,66	40,73	41,48	40,07	40,3	37,36
Ширина меньшей проксимальной фасетки	15,41	15,92	14,05	16,29	16,29	16,63	15,8	15,22	15,82	15,8	16,55	15,67	16,77	15,36

то есть являлась полутонконогой и имела высоту в холке 135 см, то есть ниже среднего. По классификации Л. Л. Гайдученко (2002), это тип «захудалая верховая». Для того времени это неплохая характеристика. Сарматская лошадь имела почти такой же индекс грацильности – 15,1 и имела высоту 136 см. Она относилась к тому же типу, что и предыдущая. То есть с точки зрения ходовых качеств за почти тысячу лет лошадь здесь существенного изменения не претерпела.

Другое дело – пропорции этих костей, которые у разных морфологических групп, а в последствии пород, могут заметно различаться. Для установления этих различий каждый из 11 вышеупомянутых промеров соотносился с 1 м промером – основной длиной кости для получения соответствующего индекса. Затем каждый индекс логарифмировался, чтобы разница между ними стала более заметной. Таким образом, каждая кость характеризовалась набором из 11 показателей. Для получения общей картины по каждой категории индексов также было вычислено среднее значение. Затем усредненные показатели метаподий лошадей из поселения Ястребовское-Бережное-1 методом кластерного анализа сравнивались с таковыми из Шептальского-Левобережного и некоторыми другими образцами примерно той же эпохи из региона Восточного Крыма и Тамани. В Восточном Крыму использовались метаподии из памятников Мирмекий, Нимфей, Тиритака, Полянка и Золотое Восточное (все эти памятники находятся в черте Керчи или в непосредственной близости от нее) и поселения Фонтан, расположенного в 2,9 км к западу от с. Фонтан Ленинского района Республики Крым, то есть не на берегу, а в глубине полуострова. Из таманских материалов привлекались для сравнения метаподии из поселения Ильичевка и Артющенко-1. Первый расположен на берегу Керченского пролива у окраины поселка Ильич в Темрюкском районе Краснодарского края, а второй также в Темрюкском районе, на берегу Черного моря в 15 км к юго-востоку от станицы Тамань. Кроме того, для сравнения использовались усредненные данные по классическим скифским лошадям из Восточной Сибири, опубликованные И. Е. Гребневым и С. К. Васильевым (1994).

Результаты сравнения всех этих образцов методом простого кластерного анализа довольно любопытны. Прежде всего, заметно, что лошади эллинистического времени отличаются от таковых нашей эры. Лошади эллинистического времени Ястребовского-Бережного-1, Полянки, Нимфея и Мирмекия, а так же архаические лошади Тиритаки образуют центральную группу и разница

между ними наименьшая. В эту же группу входят эллинистические лошади Золотого Восточного и лошади Ильичевки архаического времени. При этом все они в той или иной степени подобны примитивным скифским лошадям, которых этот народ привел с собой в Причерноморье. Некоторое сходство с этой группой имеют лошади Мирмекия римского времени. Остальные образцы из слоев первых веков нашей эры: Ястребовского-Бережного-1, Тиритаки и Артющенко стоят особняком и очевидно отличаются от эллинистических лошадей. Это наводит на мысли о том, что в римское время в Северном Причерноморье появляется какая-то другая форма лошади, отличная от той, что бытовала там до нашей эры. Хотя отличия эти и не очень велики. Трудно сказать, была ли это какая-то другая морфологическая группа, которую привнесли с собой новые переселенцы в этот регион (например, сарматы) или это результат какой-то селекции, возможно и невольной, в результате которой строение передних метаподий коней претерпели изменения. Лошади же майкопской культуры из Шептальского-Левобережного, как видим, были абсолютно другими и явно представляли из себя какую-то иную примитивную породную группу.

В заключение следует напомнить, что за исключением Ястребовского-Бережного-1, Нимфея и в некоторой степени Шептальского Левобережного, мы имеем дело с единичными находками, которые, конечно, не могут исчерпывающим образом характеризовать всю популяцию домашних эквид, обитавшую в регионе в разное время. Однако и эти единичные находки позволяют, как видим, выявить некоторые закономерности. Также следует добавить, что в могилах обоих периодов Ястребовского-Бережного-1 все лошади, пол которых оказалось возможным определить, оказались самцами. Вероятно, это определенная деталь погребального обряда – отправлять с хозяином в загробный мир именно самцов.

Еще одна интересная находка, которая была сделана на описываемых памятниках, – это метаподии лошадей, передние и задние, заглаженные по передней поверхности и явно представляющие собой нечто вроде коньков или полозьев саней. Такие находки встречены на памятнике Арматурный завод 1 и Ястребовское-Бережное-1 (рис. 1). Всего таких полозьев и их фрагментов на Ястребовском-Бережном-1 найдено 39 шт., на памятнике Арматурный завод 1 – 4 шт. В основном они изготовлены из передних и задних метаподий лошадей, но в нескольких случаях использовались и коровьи метаподии. Каких-то предпочтений, связанных со стороной тела или положением в скелете (передняя или задняя), не выявлено.

Рис. 1. «Коньки» из метаподий лошадей из поселения Ястребовское-Бережное-1 эллинистического времени

Такие находки не раз отмечались на памятниках Тамани. Например, на поселении Голубицкая-2 и в Фанагории (Журавлев, Шлотцауэр, 2011; Саблин, 2016; Голофаст, Добровольская, 2018).

Как известно, такого рода приспособления использовались вплоть до Средневековья. Костяные «коньки», например, были найдены в крепости Саркел (Семенов, 1959), в Старой Ладоге (Иванова Н. В., Иванова Н. Ю., 2012), в Новгороде (Олейников, 2021) и на памятниках Румынии (Zahariade, 2009). И. А. Вальков и А. С. Федорук (2017) указывают, что «коньки» вообще известны на огромной территории от Балкан до Алтая. Они обнаружены на поселениях уже срубной культурно-исторической общности и общности культур валиковой керамики. Скорее всего, они использовались для передвижения именно по льду (Панковский, 2006).

Некоторые авторы считают, что в античное время, помимо существовавшего уже в те времена Керченского пролива, существовал еще и Кубанский, который до рубежа нашей эры был, вероятно даже судоходным. Он проходил примерно поперек современного Таманского полуострова по его середине. По его берегам были поселения, которые сейчас оказались в глубине суши. Возникли они все в VI в. до н. э. К рубежу нашей эры пролив перестал функционировать, и смысл существования многих населенных пунктов на его берегах пропал (Журавлев, Шлотцауэр, 2011). Можно предполагать, что и наши памятники располагались в то время на берегу этого пролива или недалеко от него, и достаточно большие группы людей могли переходить через замерзшую водную преграду, используя для транспортировки грузов эти костяные полозья. Изредка такие находки встречаются и на памятниках Восточного Крыма. Один

костяной «конек» хорошей сохранности, сделанный из лошадиной метаподии, был найден в Мирмекии в 2012 г., а обломок «конька» – на поселении Золотое Восточное в 2011 г. Характерно, что все эти находки, как в Крыму, так и на Тамани, принадлежат ко времени до нашей эры. В римских слоях на Ястребовском-Бережном-1 встречен только один обломок костяного «конька», но не исключена вероятность, что он переотложен.

Примечательно, что на всех этих костяных объектах отсутствуют любые другие следы обработки, кроме уплощенной фронтальной поверхности кости. Нет никаких отверстий или пазов для крепления этих полозьев к ногам или к каркасу саней. Некоторые исследователи предполагают, что они удерживались на нужных местах исключительно давлением веса перемещаемого объекта, а эпифизы кости в этой ситуации служили в качестве упоров (Иванова Н. В., Иванова Н. Ю., 2012). Справедливости ради надо заметить, что существует мнение, что такие объекты использовались не для перемещения по льду, а являлись инструментами кожевенного дела, хотя и не совсем ясного назначения (Семенов, 1959). Вероятно, это будет прояснено в ходе дальнейших исследований. Основная масса костей на поселении Ястребовское-Бережное-1 происходит из заполнения погребений. Значит ли это, что в некоторые могилы такие обработанные метаподии лошадей клали специально? Или в могилы помещали сами нарты, деревянные конструкции которых, в отличие от костяных полозьев, не сохранились? Ответы на эти вопросы целиком лежат в области предположений.

В заключение следует напомнить, что данное сообщение является лишь предварительным описанием костных материалов из памятников, исследованных в Краснодарском крае в 2024 г. Нам предстоит детальное исследование ходовых качеств и экстерьерных статей лошадей поселения Ястребовское-Бережное-1 в связи с возрастом, временем смерти и диетой тех людей, в могилах которых животные были найдены.

Источники и литература

- Браунер А. А., 1916. Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии // Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса. Т. 86.

- Вальков И. А., Федорук А. С., 2017. К вопросу о функциональном назначении костяных коньков // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. № 23.
- Витт В. О., 1952. Лошади Пазырыкских курганов // СА. № 16.
- Гайдученко Л. Л., 2002. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекарганского могильника // Аркаим: Некрополь. Челябинск. Т. 1.
- Гей А. Н., Добровольская Е. В., 2009. Остеологические материалы пос. Мысхако-I из раскопок 1990, 1991 и 2001 гг. // Адаптация культур палеолита–энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб.
- Голофаст Л. А., Добровольская Е. В., 2018. Изделия из кости из раскопок слоев хазарского времени Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории. М. Т. 7. № 4.
- Гребнев И. Е., Васильев С. К., 1994. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Стерегущие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск.
- Добровольская Е. В., 2013. Соотношение скотоводства и охоты на разных этапах эволюции человека // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Ростов-на-Дону.
- Журавлев Д. В., Шлотцаур У., 2011. Греки и варвары на берегах Боспора Кубанского // Боспорский Феномен. Население, языки, контакты. СПб.
- Иванова Н. В., Иванова Н. Ю., 2012. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // АВ. № 18.
- Кругликова И. Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Олейников О. М., 2021. Костяные коньки в средневековом Новгороде (по материалам археологических исследований ИА РАН 2008–2019 гг.) // РА. № 4.
- Панковский В. Б., 2006. Коньки периода поздней бронзы как показатель культурогенеза // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб.
- Саблин М. В., 2016. Палеозоологические исследования // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М.
- Семенов С. А., 1959. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела - Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции II. М. (МИА. Т. 75).
- Спасовский Ю. Н., 2008. Результаты определения остеологических материалов из поселений майкопской культуры «Новосвободненское» и «Пхагуап» // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.
- Цалкин В. И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. М. (МИА. № 53).
- Brown D., Anthony D., 1998. Bit wear, horseback riding and the Botai Site in Kazakstan // Journal of Archaeological Science. Vol. 25, № 4.
- Duerst J. U., 1924. Vergleichende untersuchungs – methoden am skelett bei Saugern. Amsterdam. (Handbuch der biologischen Arbeitsmethoden. Vol. 7/2).
- Eisenmann V., Beckouche S., 1986. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and Modern Equus, wild and domestic // Equids in ancient world. Beihefte zum Tubinger Atlas des Vorderen Orients. Wiesbaden.
- Zahariade I. I., 2009. Romane bone skates from Halmyris // Thraco-Dacica. Serie nova. V. 1 (24). № 1-2.

Предварительные результаты исследования антропологического материала из грунтовых могильников Шептальское-Левобережное и Ястребовское-Бережное-1

В. Ю. Радочин¹

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-151-166

В ходе масштабных охранных раскопок, проведенных ЦСА ИИМК РАН в окрестностях Крымска, были частично раскопаны и исследованы грунтовые некрополи протомеотского, сарматского и хазарского периодов. Получен многочисленный антропологический материал.

Грунтовой могильник на поселении Шептальское-Левобережное

Костный материал был получен из 17 грунтовых погребальных сооружений. К сожалению, в виду особенностей грунта и техногенных факторов, сохранность поступивших для исследования костных останков оставляла желать лучшего. Краниологический материал и кости посткраниальных скелетов из всех погребальных сооружений были разрушены, и провести полный спектр остеоскопических и метрических исследований было невозможно. Тем не менее, благодаря тщательно собранному материалу, удалось установить количественный и половозрастной состав и провести возможные остеометрические измерения. В ряде случаев удалось отметить некоторые эпигенетические стигмы на краниологическом и остеологическом материалах, а также провести ряд исследований, связанных с палеопатологическими состояниями и определениями маркеров физиологического стресса на костях.

Работа велась по классическим, принятым в отечественной науке методикам в сочетании с зарубежными программами (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Hauser, De Stefano, 1989; Ubelaker, 1978; Standards, 1994; White, Folkens, 2005). Определение возраста половозрелых индивидуумов проходило с учетом степени облитерации черепных швов (Алексеев, Дебец, 1964), состояния зубной системы, лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей (White, Folkens, 2005).

¹ Россия, 295007, Республика Крым, Симферополь. Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. E-mail: radochin_v@mail.ru.

При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола», принятая FDI в 1971 г. Подсчет разрушенных погребений проводился с учетом фиксированных точек на костях черепа и определенных фрагментах костей посткраниального скелета. Это в свою очередь позволило установить минимальное и максимальное количество индивидов, захороненных в погребальном сооружении. В описательной части сохранена маркировка, полученная в сопроводительной документации. Некоторые возможные кранио- и остеометрические измерения даны в описательной части.

Объект 4. Погребение 1. Разрушенное детское погребение. Захоронение было совершено в грунтовой могиле, на правом боку, головой на юг. Получены фрагменты костей черепа и мелкие фрагменты костей посткраниального скелета (позвонки, разрушенные кости рук и ног). Развитие зубной системы соотносится с 3–4 годами. Несколько фрагментов длинных костей левой руки имеют следы воздействия огня.

Объект 7. Погребение 2. Захоронение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Погребение частично разрушено. Сохранность материала неудовлетворительная. Череп массивный, разрушенный, комплектный. Облитерация черепных швов не отмечена. Стенки черепа очень массивные. Верхний глазничный край округлый. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, квадратной формы. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость. Состояние зубной системы соотносится с 40–45 годами. (69с-27 мм). Кости посткраниального скелета разрушенные. Получены фрагменты длинных костей рук и ног и разрушенные кости стоп. Бедренные кости массивные, костный рельеф выражен умеренно, шероховатая линия и пилястр выражены умеренно, правая – 6-30 мм, 7-27 мм, 8-85 мм, 6:7-111,1, левая – 6-30 мм, 7-27 мм, 8-85 мм, 6:7-111,1. Малоберцовые кости массивные, разрушенные,

правая – 2-17 мм, 3-11 мм, 3:2-64,7. Таранная, левая – 1-54 мм, 2-40 мм. Погребение мужское. Патологии: зубной камень; растрескивание зубной эмали; поротический гиперостоз костей свода черепа.

Объект 16. Погребение 3. Захоронение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Погребение частично разрушенное. Сохранность материала неудовлетворительная. Были получены фрагменты грацильного разрушенного черепа (теменные кости, височные, нижняя челюсть). Развитие сосцевидных отростков – 2,5 балла. Нижняя челюсть грацильная, округлой формы. Подбородочный край и жевательная бугристость выражены слабо. Подбородочная ость выражена умеренно. Состояние зубной системы соотносится с 35–40 годами (69с-27 мм). Из костей посткраниального скелета были получены правые бедренная и большеберцовая кости. Бедренная грацильная, разрушенная. Костный рельеф выражен слабо (6-24 мм, 7-24 мм, 8-75 мм, 6:7-100). Большеберцовая кость грацильная, передний край округлый, прямой, бугристость выражена слабо. Линия камбаловидной мышцы «невидимая» (8-21 мм, 9-17 мм, 9:8-80,9). Погребение женское. Патологии: кариес.

Объект 31. Погребение 4. Захоронение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Сохранность материала неудовлетворительная. Получены мелкие фрагменты грацильных, разрушенных костей посткраниального скелета (плечевые кости, разрушенные тазовые кости, бедренные и большеберцовые кости и фрагменты позвонков). Возраст погребенного около 30 лет. Погребение женское.

Объект 84. Погребение 5. Захоронение совершено головой на запад. Получен комплектный череп половозрелого индивида и два фрагмента правой плечевой кости. Череп разрушенный. Фрагменты стенок массивные. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье – 2,5 балла. Надглазничные вырезки открытые. Развитие сосцевидных отростков – 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Нижняя челюсть массивная, округлой формы, разрушенная. Подбородочный край выражен умеренно. Жевательная бугристость выражена хорошо. Развитие зубной системы соотносится с 20–25 годами. Погребение мужское. Патологии: поротический гиперостоз костей свода черепа.

Объект 87. Погребение 6. Захоронения были совершены в вытянутом положении на спине, головой

на запад. Получен антропологический материал, соотносящийся с двумя погребенными.

Костяк 1. Детское погребение, неудовлетворительной степени сохранности. Череп разрушен. Затылочная кость сильно отстает кзади. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 10 лет. Также были получены бедренная и локтевая детские кости, неудовлетворительной степени сохранности.

Костяк 2. Погребение очень плохой степени сохранности. Череп массивный, комплектный, разрушенный. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край округлый. Надглазничные вырезки открытые. Развитие сосцевидных отростков – 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Нижняя челюсть округлой формы. Подбородочный край и жевательная бугристость выражены умеренно. Углы нижней челюсти развернуты кнаружи. Состояние зубной системы соотносится с 30–35 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Плечевые кости грацильные, костный рельеф выражен слабо. Левая – 7-52 мм, 10-40 мм. Локтевая и лучевая кости грацильные, разрушенные. Костный рельеф локтевой и лучевой кости выражен слабо. Основание крестца нормальное. Бедренные кости умеренно массивные, хорошо выражены шероховатая линия и ягодичная бугристость, правая бедренная – 6-27 мм, 7-30 мм, 8-35 мм, 15-36 мм, 18-50 мм, 6:7-90. Надколенники массивные, правый – 1-36 мм, 2-42 мм, 1:2-85,7, левый – 1-35 мм, 2-41 мм, 1:2-85,3. Большеберцовые кости массивные, разрушенные. Таранная левая – 1-56 мм, 2-41 мм. Погребение мужское. Патологии: поротический гиперостоз на теменных костях; О-образное искривление бедренных костей; энтезопатия надколенников.

Объект 88. Погребение 7. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток. Сохранность материала неудовлетворительная. Погребение комплектное. Череп умеренно массивный, разрушенный (теменные, височные кости, нижняя челюсть). Облитерация черепных швов не отмечена. Развитие сосцевидных отростков – 2 балла. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Плечевые кости грацильные, разрушенные. Костный рельеф длинных костей рук выражен слабо. Большеберцовые кости грацильные, разрушенные, костный рельеф выражен слабо, правая – 9-27 мм, 10-23 мм, 18-41 мм, 10:9-85,1.

Надколенники грацильные, разрушенные, правый – 1-35 мм, левый – 1-34 мм. Большеберцовые кости полностью разрушены. Погребение женское. Патологии: зубы 41-48 утрачены при жизни; дегенеративно дистрофические изменения тела нижней челюсти; поротический гиперостоз костей свода черепа.

Объект 92. Погребение 8. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Сохранность материала неудовлетворительная. Череп полностью разрушенный (комплектный), грацильный. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край острый. Надглазничные вырезки открыты. Развитие сосцевидных отростков – 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Кости посткраниального скелета грацильные. Бедренные кости грацильные, костный рельеф выражен умеренно, правая – 6-24 мм, 7-23 мм, 8-72 мм, 9-30 мм, 18-41 мм, 10-22 мм, 6:7-104,3, 10:9-73,3, левая – 6-24 мм, 7-23 мм, 8-72 мм, 9-30 мм, 18-40 мм, 10-22 мм, 6:7-104,3, 10:9-73,3. Надколенники грацильные, правый – 1-36 мм, 2-36 мм, 1:2-100, левый – 1-36 мм, 2-36 мм, 1:2-100. Возраст погребенного около 20 лет. Погребение, предположительно, женское. Патологии и эпигенетические варианты: шов по сосцевидному отростку; поротический гиперостоз костей свода черепа; ямочки грануляций; О-образное искривление бедренных костей; энтезопатия надколенников; отмечено два следа рубленой раны на левой большеберцовой кости.

Объект 102. Погребение 9. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Погребение комплектное, плохой степени сохранности. Череп массивный, разрушенный. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край острый. Надглазничные вырезки открыты. Развитие сосцевидных отростков – 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Нижняя челюсть умеренно массивная, разрушенная. Жевательная бугристость выражена слабо (69-1 – 31 мм, 69-2 – 27 мм, 69-3 – 16 мм). Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки грушевидной формы. Плечевые кости грацильные, разрушенные. Хорошо выражен надмышцелковый гребень латерального края. Лучевые кости грацильные, разрушенные. Локтевые кости грацильные. Хорошо выражен межкостный край и костный рельеф. Тазовые и крестцовые

кости женские. Бедренные кости грацильные. Костный рельеф выражен слабо. Ягодичная бугристость выражена умеренно, правая – 21-67 мм, 6-24 мм, 7-25 мм, 8-77 мм, 9-30 мм, 10-22 мм, 18-42 мм, 6:7-96, 10:9-73,3, левая – 21-67 мм, 6-25 мм, 7-25 мм, 8-78 мм, 9-30 мм, 10-21 мм, 18-42 мм, 6:7-100, 10:9-70. Большеберцовые кости грацильные, передний край острый, волнообразный, линия камбаловидной мышцы «невидимая», правая – 8-27 мм, 9-20 мм, 9:8-74,0, левая – 8-27 мм, 9-19 мм, 9:8-70,3. Таранные кости, правая – 1-50 мм, 2-40 мм, левая – 1-50 мм, 2-39 мм. Погребение женское. Патологии: поротизация костей свода черепа; ямочки грануляций.

Объект 120. Погребение 10. Был получен материал, соотносящийся с двумя погребенными.

Костяк 1. Погребение разрушенное, плохой степени сохранности, было совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Получены: зубы, правая разрушенная ключица, позвонки грудного отдела, фрагменты ребер, кости правой руки, тазовые кости, бедренные и большеберцовые кости. Состояние зубной системы соотносится с 18–20 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Плечевая – массивная с хорошо выраженными дельтовидной бугристостью и надмышцелковым гребнем латерального края. Хорошо выражен межкостный край локтевой и лучевой костей. Бедренные умеренно массивные, костный рельеф выражен слабо, хорошо выражена ягодичная бугристость, правая – 6-24 мм, 7-23 мм, 8-71 мм, 9-26 мм, 10-22 мм, 15-23 мм, 18-30 мм, 6:7-104,3, 10:9-84,6, левая – 6-24 мм, 7-24 мм, 8-73 мм, 9-26 мм, 10-22 мм, 15-23 мм, 18-30 мм, 6:7-100, 10:9-84,6. Надколенник правый – 1-40 мм, 2-36 мм, 1:2-111,1. Большеберцовые кости умеренно массивные, передний край острый, волнообразный. Верхние эпифизы большеберцовой кости не срослись. Хорошо выражена бугристость большеберцовой кости, правая – 8-24 мм, 8а-29 мм, 9-20 мм, 9а-23 мм, 10-65 мм, 9:8-83,3, 9а:8а-79,3, левая – 8-24 мм, 8а-29 мм, 9-20 мм, 9а-23 мм, 10-66 мм, 9:8-83,3, 9а:8а-79,3. Таранная правая – 1-50 мм, 2-34 мм. Погребение женское. Патологии: О-образное искривление бедренных костей; энтезопатия надколенников.

Костяк 2. Погребение неудовлетворительной степени сохранности. Погребение было совершено, предположительно, на спине, головой на запад. Череп разрушен. Затылочная кость массивная. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, разрушенная (69с-14 мм).

Состояние зубной системы соотносится с 20–25 годами. Бедренные кости массивные, разрушенные, костный рельеф выражен умеренно, правая – 6-31 мм, 7-25 мм, 8-85 мм, 9-32 мм, 10-30 мм, 6:7-124, 10:9-93,7, левая – 6-32 мм, 7-26 мм, 8-87мм, 9-32 мм, 10-31 мм, 6:7-1234, 10:9-96,8. Большеберцовые кости массивные, разрушенные, передний край округлый, волнообразный, правая – 8-27 мм, 8а-32 мм, 9-21 мм, 9а-22 мм, 10-81 мм, 9:8-77,7, 9а:8а-68,7, левая – 8-27 мм, 8а-33 мм, 9-22 мм, 9а-22 мм, 10-81 мм, 9:8-81,8, 9а:8а-100. Погребение, предположительно, мужское. Также были получены детские таранные кости.

Объект 122. Погребение 11. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Погребение комплектное, разрушенное, очень плохой степени сохранности. Череп разрушен, умеренно массивный. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край округлый. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Кости посткраниального скелета массивные. Бедренные кости умеренно массивные, костный рельеф выражен слабо, правая – 6-29 мм, 7-27 мм, 8-85 мм, 9-30 мм, 10-25 мм, 6:7-107,4, 10:9-83,3, левая – 6-29 мм, 7-28 мм, 8-86 мм, 9-30 мм, 10-26 мм, 6:7-103,5, 10:9-86,6. Большеберцовые кости умеренно массивные, костный рельеф выражен слабо, передний край острый, волнообразный, правая – 8-27 мм, 8а-32 мм, 9-22 мм, 9а-23 мм, 9:8-81,4, 9а:8а-71,8, левая – 8-26 мм, 8а-31 мм, 9-21 мм, 9а-22 мм, 9:8-80,7, 9а:8а-70,9. Возраст погребенного около 30 лет. Погребение мужское.

Объект 123. Погребение 12. Погребение детское, разрушенное. *In situ* сохранились фрагменты костей рук, позвонки поясничного отдела, тазовые кости и фрагменты левой бедренной кости. Также были получены зубы (клыки и моляры). Захоронение было совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Развитие зубной системы соотносится с 11–12 годами. Патологии: *Cribra orbitalia*.

Объект 130. Погребение 13. Получены костные останки, соотносящиеся с двумя погребенными.

Костяк 1. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Погребение неудовлетворительной степени сохранности (комплектное). Череп массивный, разрушенный. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край острый. Надглазничные вырезки открытые. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край.

Жевательная бугристость выражена умеренно. Состояние зубной системы соотносится с 25–27 годами. Фрагменты длинных костей ног умеренно массивные. В силу сохранности материала рельеф костей и размеры утрачены. Погребение, предположительно, мужское.

Костяк 2. Предположительно, погребение совершено в вытянутом положении, головой на запад. Получен костный тлен костей черепа и зубы половозрелого индивида. Развитие соседних отростков – 3 балла. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Также были получены фрагменты длинных костей ног, неудовлетворительной степени сохранности.

Объект 133. Погребение 14. Получены кости разрушенного посткраниального скелета половозрелого индивида (кости ребер, фрагменты позвонков, кости правой руки, тазовые кости и фрагменты длинных костей ног). Правая ключица грациальная (6-33 мм), разрушенная. Правая плечевая кость грациальная. Костный рельеф выражен слабо (7-51 мм). Правые локтевая и лучевая кости грацильные, разрушенные. Тазовые кости, предположительно, женские. Бедренные кости грацильные, костный рельеф выражен слабо, правая – 6-24 мм, 7-24 мм, 8-75 мм, 9-27 мм, 10-22 мм, 15-32 мм, 18-43 мм, 6:7-100, 10:9-81,4, левая – 6-24 мм, 7-25 мм, 8-77 мм, 9-27 мм, 10-22 мм, 15-33 мм, 18-43 мм, 6:7-96, 10:9-81,4. Большеберцовые кости разрушенные, передний край округлый, волнообразный, правая – 8-27 мм, 9-21 мм, 9:8-77,7, левая – 8-27 мм, 9-21 мм, 9:8-77,7. Возраст погребенного около 20–25 лет. Погребение мужское. Патологии: зубной камень; энтезопатия надколенников.

Объект 136. Погребение 15. Захоронение совершено на левом боку, головой на северо-запад. Погребение разрушенное, некомплектное. *In situ* сохранились кости рук, позвонки, тазовые и бедренные кости. Череп разрушенный. Облитерация черепных швов не отмечена. Стенки черепа очень массивные. Развитие соседних отростков – 4 балла. Нижняя челюсть массивная, квадратной формы. Хорошо выражены подбородочный край и жевательная бугристость. Подбородочная ость выражена умеренно (69с-30 мм). Состояние зубной системы соотносится с 30–35 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Ключицы массивные, разрушенные, правая – 6-36 мм, левая – 6-37 мм. Хорошо выражен изгиб ключиц. Суставная впадина лопатки грушевидной формы, правая – 12-39 мм, 13-25 мм, левая – 12-37 мм, 13-24 мм. Плечевые кости массивные, дельтовидная

бугристость выражена умеренно, правая – 4-61 мм, 7-60 мм, 10-47 мм, левая – 4-60 мм, 7-61 мм, 10-47 мм, 5-22 мм, 6-21 мм, 6:5-95,4. Локтевые кости умеренно массивные, хорошо выражены костный рельеф тела кости и костный рельеф блока, правая – 13-21 мм, 14-23 мм, 13:14-91,3, левая – 13-21 мм, 14-23 мм, 13:14-91,3. Лучевые кости разрушенные, правая – 4-15 мм, 5-1 мм, 5:4-73,3. Тазовые кости мужские. Бедренные кости массивные, хорошо выражены пилястр и шероховатая линия, правая – 6-25 мм, 7-31 мм, 8-87 мм, 9-31 мм, 10-23 мм, 15-36 мм, 18-43 мм, 6:7-80,6, 10:9-74,1, левая – 6-25 мм, 7-31 мм, 8-87 мм, 9-31 мм, 10-23 мм, 15-37 мм, 18-44 мм, 6:7-80,6, 10:9-74,1. Погребение мужское. Патологии: зубы 36-38 утрачены при жизни; поротический гиперостоз костей свода черепа; узлы Шморля на поясничных позвонках (L-III – L-IV).

Объект 142. Погребение 16. Получен материал, соотносящийся с тремя погребенными.

Костяк 1. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Погребение разрушенное, комплектное. Сохранность материала очень плохая. Череп разрушен практически полностью, ислевший. Развитие правого сосцевидного отростка – 2 балла. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Плечевые кости умеренно массивные, разрушенные, правая – 7-60 мм). Бедренные кости массивные, костный рельеф выражен умеренно, правая – 6-28 мм, 7-30 мм, 8-90 мм, 9-31 мм, 10-28 мм, 6:7-93,3, 10:9-90,3, левая – 6-29 мм, 7-30 мм, 8-91 мм, 9-31 мм, 10-29 мм, 6:7-96,6, 10:9-93,5). Надколенники массивные, разрушенные. Большеберцовые кости массивные, тело кости сильно уплощено, правая – 8а-33 мм, 9а-20, 9:8а60,6. Плюсовые, первые, правая – 1-64 мм, 4-13 мм, 7-30 мм, 9-21 мм, левая – 1-64 мм, 4-14 мм, 7-29 мм, 9-21 мм. Погребение мужское. Патологии: деформация головки правой плюсовой кости; отмечен остеоит на большеберцовых костях.

Костяк 2. Погребение некомплектное, плохой степени сохранности. Получены фрагменты правой бедренной кости, правой стопы (пяточная, таранная, первая плюсовая). Бедренная правая массивная. Шероховатая линия и ягодичная бугристость выражены умеренно. Правая таранная кость – 1-60 мм, 2-45 мм). Первая правая плюсовая кость – 1-63 мм, 4-13 мм, 7-31 мм, 9-22 мм.

Костяк 3. Получены мелкие фрагменты кремнированных останков детского погребения. Среди фрагментов серого и черного цвета читаются

фрагменты длинных костей посткраниального скелета.

Объект 147. Погребение. 17. Получен материал, соотносящийся с тремя погребенными.

Костяк 1. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Погребение комплектное, разрушенное. Сохранность материала плохая. Череп массивный, разрушенный. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край острый. Надглазничные вырезки открытые. Надпереносье – 0,5 балла. Развитие сосцевидных отростков – 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия симметричный, инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Передний край выражен умеренно. Жевательная бугристость выражена слабо. Развитие подбородочной ости – 2 балла. Состояние зубной системы соотносится с 25–30 годами. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Суставная впадина лопатки овоидной формы, правая – 12-35 мм, 13-27 мм, левая – 12-35 мм, 13-26 мм. Плечевые кости умеренно массивные. Хорошо выражены дельтовидная бугристость и надмышцелковый гребень латерального края, правая – 4-54 мм, 7-50 мм. Локтевые кости грацильные. Очень хорошо выражен костный рельеф тела кости, хорошо выражены межкостный край и костный рельеф блока, правая – 3-30 мм, 11-11 мм, 12-15 мм, 13-23 мм, 14-21 мм, 11:12-73,3, 13:14-109,5, левая – 3-30 мм, 11-11 мм, 12-14 мм, 13-23 мм, 14-22 мм, 11:12-78,5, 13:14-104,5. Лучевые кости грацильные, разрушенные, межкостный край выражен умеренно, правая – 3-35 мм, левая – 3-34 мм. Тазовые кости женские. Бедренные кости грацильные, костный рельеф выражен умеренно, правая – 6-25 мм, 7-24 мм, 8-75 мм, 9-29 мм, 10-20 мм, 18-39 мм, 6:7-104,1, 10:9-68,9, левая – 6-25 мм, 7-25 мм, 8-77 мм, 9-29 мм, 10-20 мм, 18-39 мм, 6:7-100, 10:9-68,9. Большеберцовые кости грацильные, передний край острый, волнообразный, правая – 8а-31 мм, 9а-17 мм, 10в-65 мм, 9а:8а-54,8, левая – 8а-31 мм, 9а-17 мм, 10в-65 мм, 9а:8а-54,8. Таранные кости, правая – 1-51 мм, 2-36 мм, левая – 1-50 мм, 2-34 мм. Плюсовые кости, первая, правая – 1-59 мм, 4-12 мм, 7-25 мм, 9-18 мм, левая, первая – 1-57 мм, 4-11 мм, 7-24 мм, 9-17 мм. Погребение женское. Патологии и эпигенетические варианты: *Cribra orbitalia*; поротический гиперостоз костей свода черепа; межмышцелковые отверстия на плечевых костях.

Костяк 2. Захоронение было совершено головой на запад. Кости частично смещены. Погребение

детское, комплектное, разрушенное, плохой степени сохранности. Состояние зубной системы соотносится с возрастом 18 мес. Большеберцовые кости – 1-12 мм.

Костяк 3. Захоронение было совершено головой на запад. Кости частично смещены. Погребение комплектное, разрушенное. Степень сохранности материала плохая. Череп массивный, разрушенный. Облитерация черепных швов не отмечена. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков – 2 балла. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Очень хорошо выражена подбородочная кость – 69с-34 мм, 69-1 – 34 мм, 69-2 – 31 мм, 69-3 – 13 мм. Развитие зубной системы соотносится с 20 годами. Ключица, левая, грацильная – 1-131 мм, 6-37 мм, 6:1-289,2. Лопаточная вырезка глубокая. Плечевые кости грацильные, костный рельеф выражен слабо, правая – 5-21 мм, 6-19 мм, 7-80 мм, 6:5-90,4, левая – 5-20 мм, 6-19 мм, 7-78, 6:5-95. Локтевая, левая, грацильная, с хорошо выраженным костным рельефом – 11-13 мм, 12-15 мм, 13-20 мм, 14-22 мм, 11:12-86,6, 13:14-90,9. Тазовые кости женские. Бедренные кости умеренно массивные, костный рельеф выражен слабо, правая – 6-29 мм, 7-27 мм, 8-85 мм, 9-32 мм, 10-24 мм, 6:7-107,4, 10:9-75, левая – 6-27 мм, 7-26 мм, 8-84 мм, 9-31 мм, 10-24 мм, 6:7-103,8, 10:9-77,4. Большеберцовые кости умеренно массивные, передний край округлый, линия камбаловидной мышцы в виде гребня, правая – 8-30 мм, 8а-36 мм, 9-22 мм, 9а-22 мм, 10-82 мм, 10в-75 мм, 9:8-73,3, 9а:8а-61,1, левая – 8-30 мм, 8а-34 мм, 9-22 мм, 9а-21 мм, 10-81 мм, 10в-75 мм, 9:8-73,3, 9а:8а-61,7. Погребение женское. Патологии: поротический гиперостоз костей свода черепа.

Был получен материал, соотносящийся с 24 погребенными из 17 грунтовых погребальных сооружений. Погребения были совершены в вытянутом положении, на спине, головой на запад и северо-запад. В одном случае захоронение было совершено головой на восток. Отмечен один случай мужского погребения на левом боку. Достоверно как мужские определяются 10 погребенных, женские – восемь, детские – пять (одно из них кремация). Пол одного индивида установить не удалось из-за неудовлетворительной степени сохранности материала. В целом можно сказать, что половой диморфизм на костях черепа и посткраниальных скелетов был выражен хорошо. Средний возраст захороненных в мужской серии составил 28 лет, женской – 26,7. Возраст погребенных детей был от 18 месяцев до 10–12 лет. По материалам кремации установить возраст не удалось в виду некомплектности материала.

Возраст погребенного с неустановленной половой принадлежностью в интервале 20–25 лет.

К сожалению, сохранность материала не позволила провести полный анализ палеопатологических состояний. На новом материале нами отмечено восемь случаев (по четыре на мужских и женских) поротического гиперостоза костей свода черепа. Один его локальный случай (*Cribra orbitalia*) отмечен на женском костяке. Поротический гиперостоз, в виду возможной многофакторности причин возникновения, несомненно, считается одним из важных индикаторов здоровья популяции. К наиболее частым причинам возникновения поротического гиперостоза современные ученые относят факторы пищевого стресса, общее санитарное состояние (в прямой связи с плотностью населения), проблемы при переходе от грудного вскармливания к постоянной пище и др. Учитывая степень сохранности материала, можно смело говорить, что в нашем случае процент населения с данной патологией должен быть, несомненно, выше.

Зубные патологии отмечены у шести погребенных. Нами фиксировались утраты зубов, минерализованные отложения на зубах, растрескивание зубной эмали, кариозные поражения. В одном случае утрата зубного ряда на нижней челюсти из женского погребения привела к дегенеративно-дистрофическим изменениям. Нужно подчеркнуть, что стертость зубов у половозрелых индивидов обоих полов не коррелирует с биологическим возрастом, что может быть связано с присутствием абразивного материала в составе пищи.

Маркеры перенапряжения костного аппарата, такие как энтезопатия, отмечены только на надколенниках из двух мужских и одного женского погребения. На новом материале из двух мужских и одном женском костяке отмечено О-образное искривление бедренных костей. К сожалению, сохранность материала не позволяла уточнить причину данной деформации. В одном случае на большеберцовых костях мужского погребения отмечены проявления остеита в виде характерного рисунка «разволакивания» костной ткани. Причинами данной патологии могут быть как инфекции, так и травматические поражения. На полученном материале отмечена низкая степень травматизма. Лишь в одном случае на левой бедренной кости из женского погребения отмечены две неглубокие травмы от рубящего оружия, без следов заживления.

К единичным случаям патологических состояний можно отнести ямки грануляций на двух женских черепах, узлы Шморля на поясничных позвонках

из мужского погребения и деформацию головки первой плюсневой кости, также из мужского погребения. Эпигенетические стигмы на вновь полученном материале, в виду его сохранности, выявлены в единичных случаях. По одному случаю на женских костях отмечены шов по соседнему отростку и межмышечковое отверстие на плечевых костях.

Грунтовой могильник на поселении Ястребовское-Бережное-1

Степень сохранности полученного материала можно оценить как плохую. В силу геологических и техногенных особенностей почти весь костный материал был разрушен. В этой связи полный комплекс остеоскопических и остеометрических исследований был невозможен. Тем не менее, благодаря тщательно собранному материалу, удалось провести его максимально полный анализ. Удалось установить половозрастной состав большего числа погребенных, провести некоторые кранио- и остеометрические измерения, установить некоторые демографические показатели и провести исследования, связанные с выявлением патологических вариантов и генетически детерминированных признаков. Подавляющее число исследованных погребений относится к сарматскому периоду.

Полученный материал в ходе предварительного исследования рассматривался суммарно. Работа с материалом проводилось по классическим, принятым в отечественной науке методикам, в сочетании с зарубежными программами (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Aufrederheide, Rodrigues-Martin, 1997; Hauser, De Stefano, 1989; Ubelaker, 1987; Standards, 1994; White, Folkens, 2005). При определении возраста погребенных детей учитывалась степень развития зубной системы (Standards, 1994) и костей посткраниального скелета (Пашкова, 1963). Определение возраста половозрелых индивидуумов проходило с учетом степени облитерации черепных швов (Алексеев, Дебец, 1964), состояния зубной системы, лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей (White, Folkens, 2005). При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола», принятая FDI в 1971 г. В случае разрушенных коллективных погребений подсчет захороненных проводился с учетом фиксированных точек на костях черепа и посткраниальных скелетов. Всего был получен материал, соотносящийся с 589 погребенными. Из них 124 погребения были достоверно мужские, 164 достоверно женские. Детских погребений зафиксировано 157. Неопределенные погребения составили 144 индивида. Высокий

процент погребенных с неустановленной половой принадлежностью объясняется степенью сохранности материала.

Учитывая достаточно большую часть исследованной площади памятника и полученный антропологический материал, можно сделать некоторые предварительные демографические наблюдения. Средний возраст половозрелого населения составил 26,3 года. Отдельно для мужского населения возраст составил 27,1 год, женского 25,7 лет. Для населения с неустановленной половой принадлежностью средний возраст составил 26 лет. В детской серии показатель средней продолжительности жизни составил 5,2 года. Соотношение захороненного населения по возрастному и половозрастному интервалу представлено в таблицах 1–3. Больше всего погребенных детей находилось в интервале от 1 года до 9 лет. Данные показатели, в принципе, укладываются в общеизвестные нормы для древнего населения. Процессы бурного роста в сочетании

Табл. 1. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Соотношение захороненных детей по возрастному интервалу

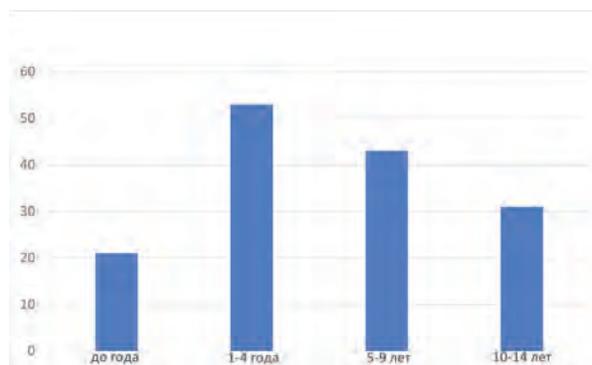
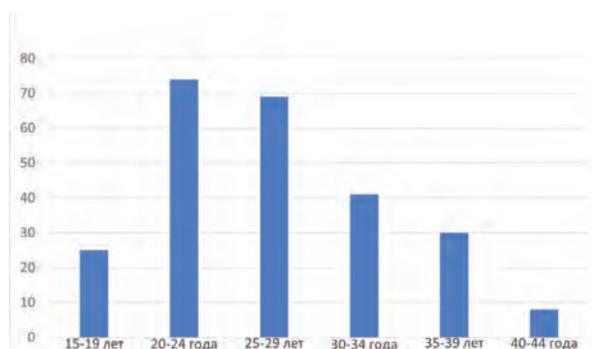

Табл. 2. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Соотношение захороненного взрослого населения по возрастному интервалу

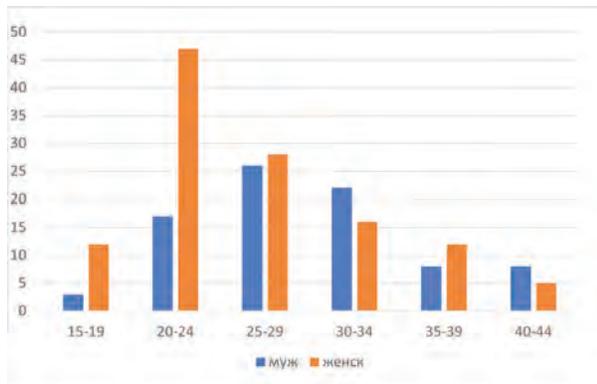

Табл. 3. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Процент умершего взрослого населения по половозрастным интервалам

с растущей двигательной активностью подвергают организм повышенным стрессовым нагрузкам, что делает его более уязвимым. Наибольшее количество половозрелых погребенных приходится на возрастную интервал в 20–29 лет, это 36,1 % мужского населения и 62,5 % женского. Полученные данные могут свидетельствовать о некоторых определенных факторах, влиявших на популяцию в данном возрастном интервале. Для мужской серии уместно связать данный факт со стрессами, характеризующимися повышенными физическими нагрузками, связанным с ними травматизмом и посттравматическими осложнениями. Нельзя также исключать военную составляющую. Высокая смертность в женской серии в этот же возрастной интервал, может объясняться повышенным уровнем стрессовых нагрузок в повседневном образе жизни, а также с чрезмерными нагрузками на организм при деторождении и связанными с ними осложнениями. Нельзя также исключать особенности питания и инфекционную составляющую (Добровольская, 2005. С. 171). Рассматривая демографическую картину в возрасте после 35 лет, можно говорить о естественном убывании в серии.

Проведенные возможные реставрационные и измерительные мероприятия позволили получить некоторые предварительные результаты. Среди форм мужских черепов фиксировались овоидные, сфероидные, сфероидные. Несколько черепов имели асимметричные формы. Асимметрия проходила по теменным и затылочной костям. Мужские черепа в равной степени были брахикранные, долихокранными и мезокранными. Несколько долихокранных черепов имели сильно отступающую кзади затылочную кость. Орбитный показатель лежал в средневысоких значениях. Нижний край грушевидного отверстия был преимущественно

инфантильной формы. По носовому указателю мужские черепа в основном были мезокранные. Все полученные альвеолярные части параболические. Как правило, наружный рельеф затылочной кости был выражен хорошо и умеренно. Нижние челюсти преимущественно имели квадратные и округлые формы.

Женские черепа, также как и мужские, в основном были брахикранные и мезокранные. Формы черепов имели овоидные, сфероидные и сфероидные формы. Женская серия более грацильна, с хорошо выраженной вертикальной и горизонтальной профилировкой. Орбиты высокие и средневысокие. Нижний край грушевидного отверстия чаще был инфантильной формы. Развитие передней носовой ости в основном была 2–3 балла. Наружный рельеф затылочной кости преимущественно выражен слабо. Все полученные женские альвеолярные части параболические. Полученные нижние челюсти имели треугольные и округлые формы. В одном случае нижняя челюсть имела квадратную форму. Одной из особенностей полученных мужской и женской серий была достаточно большая толщина стенок черепа. Нами зафиксирован один череп с набором признаков, указывающих на монголоидность (объект 13).

Половой диморфизм на посткраниальных скелетах полученной серии был выражен хорошо. Посткраниальные скелеты мужчин характеризовались средними и большими длинами костей рук и ног. Хорошо выраженный мышечный рельеф костей рук, как правило, совпадал с хорошо выраженным рельефом костей ног. Посткраниальные скелеты женщин в целом были грацильные, с умеренно выраженным костным рельефом и характеризовались средними значениями остеометрических показателей. Около трети женских скелетов имели некоторую асимметрию мышечного развития верхних и нижних конечностей. При хорошо выраженном костном рельефе костей рук, костный рельеф костей ног был выражен умеренно или слабо.

Благодаря тщательно собранному материалу, включая и материал очень плохой степени сохранности, удалось провести некоторые исследования, связанные с выявлением патологических состояний и генетически детерминированных признаков. Генетически детерминированные признаки (добавочные косточки на черепе, метопический шов, межмышечковые отверстия, зубные варианты и др.) отмечены в 101 случае. На женских костяках маркеры фиксировались почти в два раза чаще, чем на мужских (табл. 4).

Таблица 4. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Патологические изменения и генетически детерминированные признаки, отмеченные на костях

Патологические изменения	Мужчины	Женщины	Дети	Пол не определен
Кариес	4	5	-	1
Утрата зубов	14	24	-	11
Разрушение зуба	5	4	-	3
Абсцесс	9	7	-	4
Зубной камень	12	15	-	5
Эмалевая гипоплазия	3	6	2	-
Дегенеративно-дистрофические изменения челюстей	4	9	-	2
Пародонтоз	3	4	-	2
Нарушение прикуса	-	-	-	1
Поротический гиперостоз костей свода черепа	10	18	4	4
Cribra orbitalia	1	5	7	1
Поротизация в области наружных слуховых проходов	3	11	5	1
Холодовый стресс	3	-	-	4
Травма черепа	-	2	-	-
Ямочки грануляций	1	-	-	1
Расширение слуховых проходов	1	-	-	-
Синдром Морганьи-Стюарта-Морелля	1	-	-	-
Остеофитоз позвонков	16	4	-	5
Костный блок позвонков	2	1	-	-
Травма позвоночника	1	1	-	-
Узлы Шморля	6	5	-	-
Деформирующий спондилоз	5	2	-	1
Артроз суставов верхних конечностей	8	2	-	1
Артроз суставов нижних конечностей	11	2	-	2
Переломы костей конечностей	3	1	-	1

<i>Патологические изменения</i>	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>Дети</i>	<i>Пол не определен</i>
Экзостоз	1	3	-	2
Spina bifida	2	-	-	-
Энтезопатия надколенника	5	4	-	3
Энтезопатия пяточных костей	16	1	-	2
Плантарный фасциит	2	-	-	-
Искривление и деформация костей рук	2	3	2	-
Искривление и деформация костей ног	3	9	2	-
Остеопороз	4	4	-	3
Остеомиелит	4	2	-	-
Периостит	2	-	-	-
Травматические поражения костей конечностей	1	1	-	-
Всаднический комплекс	1	-	-	-
Деформация плюсневых костей	1	-	-	-
Генетически детерминированные признаки	Мужчины	Женщины	Дети	Пол не определен
Аденгия третьих моляров	5	16	-	-
Метопический шов	-	1	-	3
Шов по сосцевидному отверстию	8	4	-	2
Добавочные косточки на черепе	2	4	2	1
Межмыщелковые отверстия на плечевых костях	6	23	1	4
Фасетка Пурье	6	1	-	3
Анатомическое отверстие грудины	1	-	-	-
Надмыщелковый отросток	1	1	1	-
Асимметрия теменных отверстий	1	-	-	-
Монголоидный комплекс	-	1	-	-
Задержка роста зубов	-	2	-	-
Нарушение зубного ряда	-	1	-	-

Наиболее часто выявлялись межмышечковые отверстия на плечевых костях (рис. 1), надмышечковые отростки на плечевых костях (рис. 2), адентия моляров, шов по сосцевидному отростку и фасетка Пурье на бедренных костях. Межмышечковое отверстие на плечевых костях отмечалось на женских костях почти в четыре раза чаще, чем на мужских. В ряде случаев генетические стигмы были сочетаны. Большее разнообразие эпигенетических вариантов наблюдалось на женских костях. Повышенное количество генетических маркеров может косвенно указывать на некоторое родство погребенных на могильнике индивидуумов.

Наибольшее число патологических изменений в исследованной серии приходится на заболевания зубочелюстного аппарата, что составило 43,9 % от всех патологий (табл. 4). Чаще зубные патологии отмечались на женской серии. На первом месте по частоте зубных патологий стоит прижизненная утрата зубов. Утрата зубов считается одним из важных маркеров здоровья популяции, так как является следствием ряда стрессовых нагрузок на организм, таких как осложнения после кариеса, усиленная нагрузка на зубочелюстной аппарат, пародонтоз, травмы и т. д. (Бужилова, 2005. С. 52). Беря во внимание достаточно высокий процент людей с утраченными зубами и учитывая их

относительно молодой возраст, можно предполагать их преднамеренное удаление. В пятнадцати случаях отмечены дегенеративно-дистрофические изменения челюстей в виду утраты зубного ряда. Второй по частоте проблемой связанной с зубочелюстным аппаратом был зубной камень. В большинстве случаев минерализованные отложения фиксировались нами в равной степени на вестибулярной и на лингвальной зубных поверхностях (рис. 3). Образование зубного камня имеет составную этиологию и зависит от ряда причин, среди которых прежде всего состав пищи, состав слюны человека и гигиена полости рта. Число мужчин и женщин из нашей серии с минерализованным отложением на зубах было практически одинаковым. Косвенно данное обстоятельство может свидетельствовать о схожести состава пищи для обоих полов. Все проявления абсцесса отмечены на внешней стороне нижних челюстей и являлись следствием запущенности патологического процесса, чаще всего связанного с разрушением зубов (рис. 3; 4). Как было сказано выше, процент распространения кариеса в исследуемой серии невелик и отмечен поровну на костях обоих полов. Большинство кариозных поражений зубов можно отнести к фиссурному типу, отмечены также и пришеечный, и межзубный кариес (рис. 5).

Рис. 1. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Межмышечковое отверстие на плечевой кости

Рис. 2. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Надмышечковый отросток на плечевой кости

Рис. 3. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Зубной камень и абсцесс

Рис. 4. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Разрушение зубов и абсцесс

Рис. 5. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Межзубный кариес

Эмалевая гипоплазия на новом материале отмечена в 11 случаях (рис. 6) и в два раза чаще фиксировалась на женских костяках. Эмалевая гипоплазия – это разного рода дефекты зубной эмали, которые относятся к так называемым маркерам эпизодического стресса. На нашем материале дефект проявлялся в горизонтально направленных бороздках на зубной эмали. Неравномерное развитие толщины эмалевого покрова коронки зуба происходит из-за дефицита «строительного материала» в процессе его формирования и роста. Воздействующие стрессовые состояния заставляют организм в первую очередь затрачивать потенциал на преодоление этих состояний, что приводит к ростовым задержкам. К возможным причинам возникновения таких стрессовых состояний исследователи относят периоды сезонного голодания, инфекции, лихорадочные состояния, наличие различных традиций в грудном вскармливании, переход на другой тип диеты, гиповитаминоз и др. (Бужилова, 1998. С. 70; 2005. С. 51). На вновь полученном материале отмечено всего 11 случаев эмалевой гипоплазии, что в общем говорит о достаточно благополучных условиях развития. В связи с вопросами зубных патологий, думается,

Рис. 6. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Эмалевая гипоплазия

уместно будет отметить обстоятельство, указывающее на преждевременную стертость зубных коронок у исследованного населения, что, скорее всего, объясняется присутствием абразивных веществ в составе пищи.

Ко второй группе наиболее часто фиксируемых патологических проявлений следует отнести поротический гиперостоз на костях черепа. Всего отмечено 50 случаев. Чаще всего он фиксировался на теменных и затылочной костях половозрелых индивидов. Почти в два раза чаще поротический гиперостоз отмечен на женских черепах. Частный случай *Cribra orbitalia* в основном фиксировался на женских и детских черепах. *Cribra orbitalia* проявляется на верхней стенке орбиты в виде перфорации. Наиболее часто этот признак связывают с адаптивной реакцией организма на хронические инфекции и железодефицитные анемические состояния (Бужилова, 2005. С. 63, 210, 211; Aufderheide, Rodrigues-Martin, 1997 P. 350), однако, его этиология на сегодняшний день окончательно не расшифрована. Ряд современных исследователей считают, что поротический гиперостоз возникает как компенсаторная реакция организма на железодефицитные состояния и хронические инфекционные процессы (Ражев, 2016. С. 35–45). Однако на сегодняшний день причина возникновения данной патологии остается дискуссионной (Бочкарева и др., 2013. С. 21–28). Многие исследователи сходятся во мнении, что возникновение поротических изменений может быть вызвано с наличием гельминтов или локальными воспалительными процессами (Перерва, 2016. С. 206–220). В целом высокий процент фиксации данных патологических изменений принято связывать с общей санитарно-эпидемиологической обстановкой, в особенности в условиях компактного проживания (Ражев, 2016. С. 40, 41).

Следы воспалительных процессов с характерным изменением костной структуры внутри и с наружной стороны слухового канала, характерные для отитов, отмечены в 20 случаях и чаще определялись на женских и детских костяках. Данные изменения костной ткани свидетельствуют о запущенности патологического процесса. Причины возникновения отитов могут быть различны: осложнения после респираторных заболеваний, травматические поражения, проблемы гигиены, переохлаждения и т. д. Отметим также, что причинами отита может стать плохое состояние зубного аппарата (Бужилова, 2005. С. 227). Следует заметить, что данное наблюдение подтверждается практически в половине случаев на новом материале.

Большая часть патологических изменений, приходится на заболевания опорно-двигательного аппарата. Изменения, связанные с патологиями

позвоночника, отмечались у 48 погребенных и почти в четыре раза чаще на мужских костяках. Наиболее часто фиксировался остеофитоз позвонков (рис. 7), причины которого могут быть разнообразны. К ним можно отнести метаболические процессы, повышенные нагрузки, травматические поражения, наследственные факторы. Деформирующий спондилез отмечен на пяти мужских и двух женских костяках (рис. 8). Это дегенеративно-дистрофическое заболевание позвоночника, характеризующееся определенными изменениями в суставных поверхностях тел позвонков и разрастанием остеофитов по краям, ограничивающих подвижность позвоночного столба (Рохлин, 1965. С. 54, 55). Чаще эта патология встречается в старческом возрасте. На нашем материале патология отмечена на костяках в возрасте 35–40 лет. Причины спондилеза могут быть различны: травмы позвоночника, длительные статические нагрузки, ведущие к перенапряжению, остеохондроз. Провоцирующими факторами могут быть переохлаждение или чрезмерная физическая нагрузка. Чаще, более чем в два раза, заболевание отмечалось на мужских костяках. Большинство пораженных спондилезом позвонков приходилось на поясничный отдел.

Рис. 7. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Остеофитоз позвонков

Рис. 8. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Деформирующий спондилез

Узлы Шморля фиксировались практически поровну на мужских и женских костяках. Механизм их возникновения определяется изменениями, происходящими в межпозвоночных дисках с образованием хрящевых узлов, имеющих определенную плотность, которые, в свою очередь, вдавливаются в сегменты смежных позвонков. Считается, что узлы Шморля возникают в результате старения организма, вследствие первичных заболеваний, обусловленных наследственностью, либо являются реакцией на травматическое поражение. В молодом возрасте их возникновение провоцируется быстрым ростом ребенка. Остается устойчивой теория, что, обнаруживая подобное заболевание в молодом возрасте, следует рассматривать его как реакцию организма на чрезмерные физические нагрузки (Рохлин, 1965. С. 76; Добровольская, 2005. С. 179, 180).

Заболевания опорно-двигательного аппарата, связанные с патологическими изменениями в суставах костей конечностей, отмечены у 26 погребенных. Подавляющее большинство проявлений артроза как на костях верхних, так и нижних конечностей отмечены на мужских костяках (рис. 9). Преимущественно пораженные артрозом суставы отмечались на костяках в возрасте после 30 лет. В двух случаях отмечен деформирующий артроз тазобедренного сустава, полностью исключающий подвижность сустава.

Маркеры патологического перенапряжения костного аппарата выявлены в 37 случаях. Все случаи энтезопатии отмечены на костях нижних конечностей. Энтезопатии надколенников отмечены в равной степени на костяках обоих полов. В то время как энтезопатия пяточных костей, за единственным исключением, отмечена на костях из мужских погребений. Считается, что данная патология провоцируется чрезмерными нагрузками на определенные отделы организма, если физиологическая нагрузка не чередуется с достаточно продолжительным выключением из

Рис. 9. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Деформирующий артроз локтевого сустава

активной деятельности. Возникновение энтезопатии также связывают с длительными нагрузками при выполнении стереотипных движений, не обязательно связанных со значительными перенапряжениями. Крайние случаи перенапряжения костного аппарата в виде экзостозов отмечены нами на задней поверхности локтевых костей. Большинство таких изменений отмечено на женских костяках.

На полученном материале отмечена достаточно низкая степень травматизма. Зафиксировано всего 10 случаев травматических поражений. Пять из них – это переломы костей посткраниального скелета, две травмы черепа, две травмы позвоночника и травма грудинно-ключичного сочленения. Одна из травм черепа может быть отнесена к разряду боевых (объект 280) (рис. 10). Зафиксировано сквозное разрушение левой теменной кости. Разрушение имеет квадратную форму, со сторонами два на два сантиметра. Травматическое поражение имело, несомненно, летальный исход. Вторая травма может быть отнесена к разряду бытовых. Отмечено травматическое поражение на переднем крае нижней челюсти, что повлекло за собой утрату зубов 33 и 34. Пять случаев переломов костей посткраниальных скелетов имели следы заживления. Все переломы срослись со смещением и образованием костной мозоли (рис. 11). Четыре перелома имели осложнения в виде остеомиелитических последствий (рис. 12). Все выявленные нами случаи остеомиелита можно отнести

Рис. 10. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Боевая травма черепа (правая теменная кость)

Рис. 11. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Сросшийся со смещением перелом и деформация головки локтевой кости

Рис. 12. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Сросшийся со смещением перелом ключицы с остеомиелитическим осложнением

к посттравматическим осложнениям и были отмечены в два раза чаще на мужских костяках.

Стрессовые нагрузки на организм, проявляющиеся в виде определенных изменений надкостницы, характерных для холодового стресса (Бужилова, 1998. С. 104, 105), отмечены в трех случаях на мужских костяках и на четырех с неустановленной половой принадлежностью. Проявления холодового стресса являются ответной реакцией организма не только на экстремальные температурные показатели, но и на длительное пребывание организма в условиях повышенной влажности при низких температурах выше нуля. Таким образом, данный фактор с учетом его гендерной направленности может говорить о некоторой специфике условий жизни части мужского населения.

Нами отмечен 21 случай искривления костей конечностей, выходящих за нормальные анатомические рамки. Большинство из них приходится на женские костяки. Так искривление костей ног на женских костяках отмечено в три раза чаще, чем на мужских. Наиболее достоверным условием, провоцирующим эти изменения, может быть повышенная нагрузка на неокрепший костно-мышечный аппарат ребенка. Однако не следует исключать последствия рахита, но данное предположение нуждается в дополнительной проверке (Рабинович и др., 2009. С. 239).

На одном черепе из мужского погребения зафиксирован синдромом Морганьи–Стюарта–Мореля (объект 138) (рис. 13). Патология проявляется на костях в виде узловатых костных разрастаний на внутренней пластинке лобной кости. Возраст погребенного определяется как 40+. В основе данной патологии может лежать гормональная дисфункция, в частности снижение уровня мужских гормонов. Некоторые ученые связывают данное заболевание с нарушениями, вызванными сахарным диабетом. Не исключается также генетическая составляющая данного заболевания (Бужилова,

Рис. 13. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Синдромом Морганьи–Стюарта–Мореля. Узловатые костные разрастания на внутренней поверхности лобной кости

Рис. 15. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Следы зубов животного на малоберцовой кости

2005. С. 186–188; Бужилова, Козловская, 2000. С. 36–38; Бужилова, Соколова, 2006. С. 188–194; Перерва, 2006. С. 182–188).

На полученном материале отмечены несколько случаев искусственной деформации черепа. К сожалению, кроме одного факта, следы преднамеренной деформации фиксировались на материале с неустановленной половой принадлежностью. Следы деформации отмечены на фрагментах лобных и затылочных костей. На материале из погребения (объект 591) отмечена искусственная деформация черепа в умеренно выраженной форме (рис. 14). Изменения черепа имели признаки комбинированной лобной и затылочной деформаций. Еще несколько разрушенных черепов, в том числе и детских, имели следы непреднамеренной затылочной и затылочно-теменной деформаций. Вероятно, деформация была связана с использованием определенного типа детской колыбели, ограничивающей положение головы ребенка в ней.

В случае четырех посткраниальных скелетов отмечены следы зубов животных на костях нижних конечностей (объекты 55, 59, 474 и 720) (рис. 15). Вопрос – в какой период, до захоронения или после – были подвергнуты разрушению мягкие и костные ткани, остается открытым.

Рис. 14. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Искусственная деформация черепа

В заключение с полной уверенностью следует отметить, что вновь полученный материал позволит дополнить уже имеющуюся информацию о древних жителях, некогда населявших этот регион.

Источники и литература

- Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.
- Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф., 1964. Краниметрия. Методика антропологических исследований. М.
- Бочкарева И.В., Калмина О.А., Иконников Д.С., Исаев И.Н., Андреев К.В., Панюшкина Л.И., 2013. *Cribra orbitalia* как показатель железодефицитного состояния // Актуальные проблемы медицинской науки и образования. Материалы IV Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы медицинской науки и образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dep_anatom.pnzgu.ru/files/dep_anatom.pnzgu.ru/conference/aktualnye_problemy_meditsinskoy_nauki_i_obrazovaniya_2013.pdf.
- Бужилова А.П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая археология человека. Методика биологических исследований. М.
- Бужилова А.П., 2005. *Homo sapiens*: история болезни. М.
- Бужилова А.П., Козловская М.В., 2000. Были ли скифы тучными? (антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология, археология. М.
- Бужилова А.П., Соколова М.А., 2006. Палеопатологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М.

- Добровольская М.В., 2005. Человек и его пища. М.
- Пашкова В.И., 1963. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.
- Перерва Е.В., 2006. К вопросу о некоторых патологических особенностях поздних сарматов с искусственной деформацией черепа // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М.
- Рабинович А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. 15.
- Ражев Д.И., 2016. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах западной Сибири // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. № 1.
- Рохлин Д.Г., 1965. Болезни древних людей. М. ; Л.
- Aufrerderheide A.C., Rodrigues-Martin C., 1997. Human paleopathology. Cambridge.
- Hauser G., De Stefano G.F., 1989. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart.
- Standards for Data collection from Human Skeletal Remains. Fayetteville. 1994 (Arkansas Archeological Survey research series. N. 44).
- Ubelaker D.H., 1978. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago.
- White T.D., Folkens P.A., 2005. The human bone manual. Academic Press.

Организация работ по камеральной обработке археологических находок¹

П. А. Бараненко², Д. Е. Мейер³, С. В. Мыц⁴, А. Ф. Покровская⁵, О. Ю. Сенаторова⁶

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-167-173

В 2024 г. Краснодарской археологической экспедицией ЦСА ИИМК РАН проведены спасательные археологические работы в Крымском и Абинском районах Краснодарского края. Для обработки материала была организована единая камеральная лаборатория с унифицированными стандартами для каждого этапа камеральных работ (паспортизация, первичная классификация, мытье и чистка, зарисовка, фотофиксация, внесение в опись и передача в музей). При организации камеральных работ использован хорошо себя зарекомендовавший опыт работы на памятнике «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический» (Покровская, 2024). Методика проведения камеральных работ, разработанная для исследования Южного пригорода Херсонеса, была

дополнена и конкретизирована. Сформирован перечень основных категорий материала, которые рекомендовано выделять в полевой описи.

В Краснодарском крае были исследованы восемь объектов археологического наследия: Шептальское-Левобережное, Сады-1, Сады-2, Мингрельское-2, Хабль-Мингрельское-1, Хабль-Мингрельское-2, Арматурный-завод 1, Ястребовское-Бережное-1. В соответствии с решением начальника экспедиции памятники Арматурный-завод 1 и Ястребовское-Бережное-1 были разделены на несколько раскопов (этапов). В рамках подготовки материалов для научно-технического отчета по этим двум памятникам было подготовлено две и пять описей соответственно. Все описи приведены к единообразию.

Географическая протяженность, разные временные рамки и культурная принадлежность памятников не нарушили существующий принцип распределения по категориям археологических находок. Все предметы были поделены на следующие категории: строительная керамика, толсто-стенная керамика, амфоры, столовая красноглиняная керамика, столовая сероглиняная керамика, чернолаковая керамика, краснолаковая керамика, поливная керамика, изделия из стекла, изделия из глины, изделия из белого металла, изделия из желтого металла, монеты, стеклянная посуда, изделия из камня, изделия из кости. В соответствии с методикой использована система кодов, описывающая все возможные категории индивидуальных находок. Опись археологических находок на всех памятниках в рамках Краснодарской археологической экспедиции велась по спискам: каждому археологическому контексту (объект или слой) начальником раскопа присваивался отдельный список.

Для учета археологического материала утвержден следующий шифр полевых номеров: ОАН-24-Р-1/1, где ОАН – название памятника, согласно учетной документации; 24 – год проведения работ; Р – номер раскопа / номер списка; 1 – порядковый

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № FMZF-2025-0005 «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий».

² Россия, 299053, Севастополь, Университетская, 33. Севастопольский государственный университет, Институт общественных наук и международных отношений, Кафедра «Всеобщая история и мировая культура». E-mail: PavelNichey@yandex.ru.

³ Россия, 299053, Севастополь, Университетская, 33. Севастопольский государственный университет, Институт общественных наук и международных отношений, Кафедра «Всеобщая история и мировая культура». E-mail: dima.meyer.1998@mail.ru.

⁴ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Отдел научной реставрации и консервации, Лаборатория научной реставрации драгоценных и археологических металлов. E-mail: ragnada_saty@mail.ru.

⁵ Россия, 191181, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. E-mail: aspaf@mail.ru.

⁶ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Отдел научной реставрации и консервации, Лаборатория научной реставрации драгоценных и археологических металлов. E-mail: o.y.senatorova@yandex.ru.

номер. Уникальный полевой номер присваивался каждой индивидуальной находке; находке, определенной на отрисовку и/или фотосъемку, а также группе находок, которые могут составлять одну единицу хранения. На всех памятниках была использована единая система этикеток / паспортов для индивидуальных находок. Заполнение этикетки / паспорта обязательно проводилось в присутствии сотрудников камеральной лаборатории.

В ходе обработки археологического материала были выработаны критерии для отбора предметов на фотографирование и отрисовку. В обязательном порядке были зарисованы и сфотографированы все индивидуальные находки на всех памятниках. Фотографирование массового материала проводилось как группами (рис. 1), так и по отдельности (рис. 2). Групповое фото применялось для фиксации большого числа однотипных

Рис. 1. ОАН «Поселение Мингрельское-2». Массовый материал. Пример фото группой

Рис. 2. ОАН «Поселение Хабль-Мингрельское-2». Индивидуальные находки. Пример фото

предметов на небольших памятниках (например, Сады-1 и Сады-2). Главными критериями для фотографирования и рисовки массового археологического материала была уникальность и сохранность предметов, а также наличие четкого профиля. Данные критерии применялись для отбора материала по всем археологическим контекстам. Всего за весь период экспедиции было подготовлено 13353 фотографии и 10713 рисунков индивидуальных и массовых предметов.

Работа камеральной лаборатории не ограничивалась ведением описей, фотофиксацией и зарисовкой предметов. Важнейшая задача в полевых условиях – обеспечить сохранность предметов для дальнейшего экспонирования в музее. Работы по консервации и стабилизации состояния предметов выполнял сотрудник камеральной лаборатории Д.Е. Мейер под руководством, в режиме онлайн, художника-реставратора высшей категории Государственного Эрмитажа О.Ю. Сенаторовой и художника-реставратора второй категории Государственного Эрмитажа С.В. Мыц.

В полевых условиях необходимо было решить три главные задачи: 1) подготовить находки к фотографированию, зарисовке и описанию; 2) провести мероприятия по превентивной консервации, которые позволили бы предотвратить разрушение предмета в процессе хранения в экспедиционных условиях; 3) подготовить предмет к передаче в музей с учетом отсроченной реставрации. Для выполнения поставленных задач реставраторами Государственного Эрмитажа был разработан алгоритм действий, учитывающий материал находок и состояние их сохранности.

Первым этапом можно считать работу лаборанта на раскопе (рис. 3): по необходимости находки укреплялись бандажками еще в земле. Для наиболее хрупких, рассыпающихся предметов формировались земляные монолиты, укрепленные гипсовыми кожухами. Особую сложность здесь представляли разбитые на множество фрагментов стеклянные сосуды. После извлечения из раскопа, взятые в гипсовых кожухах предметы просушивались, хранились (рис. 4) и передавались в музей в состоянии монолита.

Предметы из керамики сортировались по состоянию сохранности черепков. Фрагменты из плотной, хорошей сохранности глины промывались от почвенных загрязнений и просушивались на воздухе. При необходимости солевые отложения удалялись в водном растворе лимонной кислоты. Фрагменты из рыхлой, слоющейся глины про-

Рис. 3. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Меч из железного сплава, сохранность удовлетворительная

Рис. 5. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Предметы в расчищенном состоянии

Рис. 4. Предметы в гипсовых кожах: элементы кольчуги, фрагменты железных шлемов, стеклянные сосуды. Сохранность предметов удовлетворительная

Рис. 6. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Предмет расчищен, просушен и подклеен при помощи обратимого клея

сушивались и расчищались всухую. Почвенные наслоения с поверхности фрагментов и внутри целых сосудов важно было удалить до полного высыхания и затвердения почвы (рис. 5). Затем некоторые фрагменты подбирались и подклеивались на обратимый клей для зарисовки и описания (рис. 6). Многочисленные стеклянные и пастовые бусы, стеклянные сосуды расчищались и по необходимости закреплялись раствором полимера (рис. 7).

Большая и многоступенчатая работа проводилась с находками из металлов. Для того чтобы только что извлеченный из земли предмет не подвергся быстрому разрушению под действием влаги и в присутствии большого количества

Рис. 7. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Изделие из стекла, которое расчищалось и просушивалось. Сохранность хорошая

кислорода, необходимо было провести ряд важных мероприятий: 1) удалить с поверхности находок почвенные загрязнения, что было важно также для определения формы предмета, его атрибуции; работы проводились при помощи игл, скальпелей, щеток (рис. 8); 2) при наличии глубоких трещин и разрывов нанести профпроклейки во избежание дальнейшего механического разрушения; бандажки изготавливались из стеклоткани или марли и закреплялись на предмете на обратимый клей (рис. 9); 3) и, самое главное – это тщательно просушить предметы в конвекторном сушильном шкафу (рис. 10); 4) укрепить после просушки некоторые, особо хрупкие предметы (фибулы, зеркало) раствором акрилового сополимера в ксилоле (рис. 11; 12); 5) отдельные находки, найденные во фрагментах, на обратимый клей для последующей зарисовки.

Рис. 10. Сушильный шкаф, при помощи которого осуществлялась просушка предметов

Рис. 8. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Железный наконечник копья, сохранность хорошая

Рис. 11. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Бронзовая фибула, сохранность хорошая (пропитка предмета в растворе акрилового сополимера в ксилоле)

Рис. 9. ОАН «Поселение Шептальское-Левобережное». Железный наконечник копья, профпроклейка стенки предмета обратимым клеем

Рис. 12. ОАН «Поселение Ястребовское-Бережное-1». Зеркало (бронза, золото), сохранность удовлетворительная (пропитка предмета в растворе акрилового сополимера в ксилоле)

Для проведения этих операций в экспедицию была перевезена и восстановлена мобильная реставрационная лаборатория, необходимое оборудование и инструменты для которой были приобретены в процессе работы на Южном пригороде Херсонеса под руководством реставраторов Государственного Эрмитажа. Предметы в течение многих часов просушивались в сушильных шкафах при температуре 45 °С. Также постоянно поддерживался в сухом состоянии поглотитель влаги – силикагель (рис. 13). Сухие предметы закладывались в заранее подготовленную микросреду: в нашем случае – герметичные контейнеры с поглотителем влаги и индикатором влажности, а также со специальной подкладкой, предотвращающей механические повреждения находок (рис. 14). Далее

Рис. 13. Поглотитель влаги: силикагель (помещается вместе с предметами, для создания благоприятной микросреды)

Рис. 14. Специальная прослойка из пакетиков с силикагелем и поролоном

лаборант экспедиции в полевых условиях постоянно наблюдал за состоянием уровня влажности внутри контейнеров (рис. 15). При достижении влажностного показателя 17–18 % повторял процесс по просушке предметов, так как 18 % – это уровень влажности, при котором прекращается процесс разрушения железных предметов, которые составляли значительную часть от общего количества предметов в контейнерах. Даже влажность 19 % может вызвать химическую реакцию железа с хлором, приводящую в конечном итоге к полному разрушению предмета.

Всего за период работы экспедиции было обработано более 300 предметов из металлов и более 200 керамических сосудов. Большая часть предметов была найдена в составе могильных комплексов. Среди металлических предметов можно выделить: бронзовые фибулы (до 100 ед.), фрагменты конской упряжи (40–50 фрагментов), мечи из железа (26 ед.), бронзовые бляхи (до 50 ед.), наконечники копий (40–50 ед.), монеты из бронзы (10–15 ед.), изделия из желтого металла (пронизи, монеты, бусины, и другие украшения) (более 50 ед.), предметы из белого металла (10–15 ед.). К предметам из керамики можно отнести: канфары из серой глины (до 50 ед.), кувшины различного объема (до 15 ед.), сероглиняные миски различного объема (до 10 ед.), красноглиняные кубки (5 ед.). Большое количество развалов сосудов – столовая керамика, поливная керамика, красноглиняная, чернолаковая, краснолаковая, сероглиняная, амфоры и так далее. Для дальнейшего музейного использования была разработана инструкция по хранению предметов

Рис. 15. Прибор, при помощи которого измерялся уровень влажности внутри контейнеров (герметичный контейнер являлся важным элементом микросреды)

из металлов до поступления их в реставрацию. В результате применения разработанной и апробированной в Южном пригороде Херсонеса методики организации камеральных работ, в Краснодарской археологической экспедиции ЦСА ИИМК РАН удалось завершить камеральную обработку материала практически одновременно с окончанием полевых работ. В полевые описи включено 290687 находок.

Ряд наиболее интересных находок, сделанных на поселениях Шептальское-Левобережное и Ястребовское-Бережное-1, был представлен общественности на выставках, организованных для представителей СМИ во время работы экспедиции. Особое внимание было уделено демонстрации работы лаборатории по первичной очистке и консервации найденных предметов. Журналисты также смогли ознакомиться с мерами, принимаемыми для предотвращения дальнейшего разрушения археологических артефактов (рис. 16).

Передача археологических коллекций на хранение в музей в настоящее время представляет определенную сложность. Обусловлено это, с одной стороны, ужесточением правил учета и хранения предметов, с другой стороны, катастрофической нехваткой хранилищ. За последние годы произошли существенные изменения в законодательной и нормативной базе в отношении учета, хранения и использования музейных предметов и коллекций (Федеральный закон № 54-ФЗ; Федеральный закон № 73-ФЗ; Приказ Министерства культуры РФ № 2877; Приказ Министерства культуры РФ № 827; Положение). Несмотря на то что уже более двух лет с момента вступления в силу в сентябре 2022 г. Приказа министерства культуры РФ о внесении изменений в Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и коллекций музеи на совершенно законном основании могут формировать фонд массовых археологических предметов, следует учитывать при планировании передачи археологических находок на хранение, что муници-

Рис. 16. Выставка для пресс-службы АО «Черномортранснефть»

пальный музей, каких в России большинство, не может комплектовать археологию с 1 сентября 2022 г., так как фонд массовых археологических предметов не является частью Музейного фонда Российской Федерации, а порядок передачи в безвозмездное пользование музейных предметов государственной собственности установлен только для Музейного фонда РФ.

Современные реалии поставили перед сотрудниками камеральной лаборатории Краснодарской экспедиции задачи тщательного отбора материала для дальнейшего музейного хранения и экспонирования, а также, подробного изучения музейной сети региона в следующих аспектах: правомерность комплектования археологического фонда музеем, тематика имеющихся на хранении коллекций, условия хранения и возможность дальнейшей реставрации. Работа в этом направлении началась практически одновременно с полевыми исследованиями. Были определены основные критерии отбора предметов в коллекцию в соответствии с рекомендациями, содержащимися в Положении о порядке проведения археологических полевых работ и Единых правилах организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и коллекций. К завершению полевых исследований было принято решение о передаче коллекций в Национальный музей Республики Адыгея. Такое решение обосновано тем, что, во-первых, музей хранит коллекции схожей тематики, располагает современным хорошо оборудованным хранилищем, может по необходимости обеспечить реставрацию предметов. И, конечно, самое главное – в штате музея работают квалифицированные, заинтересованные специалисты, которые будут выполнять дальнейшую работу с коллекцией на высоком профессиональном уровне. Таким образом, уникальные, интереснейшие предметы получают новую жизнь в музейной экспозиции.

На завершающем этапе полевых исследований началось тесное сотрудничество с музеем. Сотрудники камеральной лаборатории предоставили музейным хранителям и исследователям подробные описания предметов, которые предварительно были отобраны в коллекцию, фотографии предметов, подробное описание степени сохранности каждого предмета, а также описание методик, использованных для консервации и стабилизации состояния находок. После обсуждения в рабочем порядке возможности приема в фонды музея каждого предмета была окончательно сформирована коллекция, реставраторами экспедиции была разработана подробная инструкция по хранению

предметов из металлов до поступления их в реставрацию. Все находки из металлов были переданы в герметичных контейнерах, в которых обеспечивается необходимая среда. Контейнеры снабжены индикаторами влажности. Прочие предметы для перевозки и передачи в музей также были упакованы в соответствии с требованиями Единых правил. Всего передано в музей 2343 предмета, среди которых 100 ед. – это высокохудожественные предметы из желтого и белого металла. После необходимых учетных операций всю коллекцию музей включает в Музейный фонд Российской Федерации.

В заключение стоит подчеркнуть, что уже в начале экспедиционных исследований необходимо организовать работу по подготовке материалов к передаче в музей, конечно же, в сотрудничестве с музейными специалистами. Важно понимать, что процесс передачи артефактов – это не просто формальность, а ответственный этап, требующий тщательной документации, консервации и учета. В этой непростой ситуации только совместная работа исследователя и музейного хранителя позволит избежать многих проблем при передаче коллекций, которые в музейной экспозиции будут долгие годы открывать тайны древней истории посетителям. Совместная работа экспедиции и музея способствует популяризации археологических знаний и привлечению внимания общественности к вопросам сохранения культурного наследия.

Источники и литература

Покровская А. Ф., 2024. Особенности камеральной обработки археологических материалов // Бюллетень ИИМК РАН. № 15.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 12 апреля 2023 г., № 15.

Приказ Министерства культуры РФ от 27 ноября 2015 г. № 2877 «О порядке передачи государству археологических предметов, обнаруженных физическими и (или) юридическими лицами в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» работ по использованию лесов и иных

работ». [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/71299124/>.

Приказ Министерства культуры РФ от 23 июля 2020 г. № 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/74868877/>.

Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/123168/>.

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/12127232/>.

Коллекции из раскопок 2024 г. на территории Абинского и Крымского районов Краснодарского края в собрании Национального музея Республики Адыгея: познавательный и экспозиционный потенциал археологических находок

Ф.К. Джигунова¹, А.Х. Набокова², А.Г. Недомолкин³

DOI: 10.31600/978-5-6052467-8-7-174-178

В 2024 г. в Национальный музей Республики Адыгея (рис. 1; 2) была передана коллекция предметов, полученных в результате исследований Краснодарской археологической экспедиции Центра спасательной археологии ИИМК РАН в Крымском и Абинском районах Краснодарского края. Коллекция включает материалы бытовых и погребальных памятников и охватывает широкий временной интервал от эпохи ранней бронзы (поселение Шептальское-Левобережное) до XIX в. Общее число переданных предметов превышает две тысячи единиц хранения. Среди экспонатов необходимо особо выделить представительную серию изделий из драгоценных металлов, найденных в погребальных комплексах римского времени и раннего Средневековья на поселении Ястребовское-Бережное-1, которая включает 111 артефактов, представляющих собой высокохудожественные украшения, декоративные элементы конской упряжи, престижные предметы быта и монеты. В целом же, коллекции памятников, исследованных Краснодарской археологической экспедицией, характеризуют материальную культуру населения Северо-Западного Кавказа на протяжении более чем пяти тысячелетий: с середины IV тыс. до н.э. до XIX в.

Самыми древними из переданных в Национальный музей предметов являются находки эпохи ранней бронзы, собранные при исследовании поселения Шептальское-Левобережное. По ряду характерных форм бронзовых, каменных и керамических изделий поселение может быть отнесено к майкопской археологической культуре. В настоящее время фонд археологии музея включает

материалы нескольких бытовых памятников этой археологической культуры. Памятники эти расположены как в степной (поселения Чишхо, Пшикуйхабль, Городской, Пхагугапе, Беляево), так и в предгорной части республики (поселение Новосвободненское). Рассматривая археологические находки эпохи ранней бронзы из коллекции поселения Шептальское-Левобережное, необходимо отметить, что этот памятник интересен своим географическим положением. Находки из этого памятника соединяют группы майкопских поселений в долине р. Белая, среднем течении Кубани и самые западные бытовые памятники майкопской культуры на Тамани и в окрестностях Новороссийска.

Кроме материала эпохи ранней бронзы, при исследовании поселения Шептальское-Левобережное было изучено несколько погребальных комплексов эпохи раннего железа, относимых к протомеотской археологической культуре. Характерные особенности керамических сосудов на этом памятнике позволяют предварительно отнести его к приморско-абинскому варианту этой культуры (Эрлих, 2007). Коллекция Национального музея содержит материалы нескольких протомеотских могильников, в числе которых такие известные памятники как могильник Пшиш-1, Николаевский, могильники Ясеновая поляна и Улька-1. Перечисленные памятники относятся к предгорному и центральному вариантам протомеотской археологической культуры. Пополнение коллекции музея предметами из погребальных комплексов Шептальского-Левобережного расширяет географию и культурную вариабельность комплексов эпохи раннего железа, представленных в фондах музея. Кроме географического и культурного своеобразия, особый интерес вызывает обилие и хорошая сохранность изделий из железа этого памятника. Находка серии железных наконечников копий и боевых топоров позволяет не только уточнить хронологию погребальных комплексов этого памятника, но при дальнейшем изучении получить дополнительную информацию о процессе зарождения металлургии железа на Северо-Западном Кавказе в предскифское время.

¹ Россия, 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Советская, 219. Национальный музей Республики Адыгея. E-mail: adygmuseum@yandex.ru.

² Россия, 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Советская, 219. Национальный музей Республики Адыгея. E-mail: adygmuseum@yandex.ru.

³ Россия, 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Советская, 219. Национальный музей Республики Адыгея. E-mail: nedomolkinandrei@mail.ru.

Рис. 1. Главное здание Национального музея Республики Адыгея. Вид с ул. Советской

Рис. 2. Хранилище «Новые поступления» Национального музея Республики Адыгея

Основу переданной коллекции как в количественном, так и в качественном плане составляют материалы поселения Ястребовское-Бережное-1. Несмотря на то что памятник функционировал на протяжении длительного времени (наиболее ранние находки керамики датируются IV в. до н.э., а самые поздние предметы относятся к эпохе раннего Средневековья), ядром коллекции является инвентарь богатых погребений I–III вв. Находки из них имеют четкие аналогии в коллекциях, хранящихся в Национальном музее. Самым близким по хронологии и составу погребального инвентаря этого археологического комплекса можно назвать могильник у хутора Городской, исследованный в 1989–1990 гг. А. А. Сазоновым (1992). Множество параллелей как в погребальном обряде (ингумационные погребения с лошадьми), так и в инвентаре (близкие формы изделий из золота, украшения с бирюзой в полихромном стиле, серебряные камфары с тамгообразными знаками, шарнирные фибулы с эмальями гальского круга, стеклянные сосуды и т. д.) связывают эти два

памятника. При этом материалы Ястребовского-Бережного-1 гораздо более многочисленны и включают целые категории инвентаря, не представленные в коллекции могильника у хутора Городской. К таким категориям могут быть отнесены костяные детали луков, бронзовые и сердоликовые перстни с инталиями, выразительные фрагменты расписной чернолаковой керамики. Кроме коллекции могильника у хутора Городской, хронологически близки погребальным комплексам Ястребовского-Бережного-1 материалы могильников у хутора Апостолиды (раскопки А. А. Нехаева в 1988 г.) и коллекция разрушенного кургана у аула Кунчукохабль (доследован П. А. Дитлером в 1960 г.). Находки на этих памятниках также включают высокохудожественные импортные вещи с территории Римской империи первых веков нашей эры (Дитлер, 1972; Раев, 2013). Обилие среди материалов поселения Ястребовское-Бережное-1 украшений и статусных предметов быта античного (романского) времени позволяет достаточно точно датировать отдельные погребения и дает информацию о связях территории Прикубанья с Боспорским царством и Западной Европой.

Экспозиционный потенциал переданных коллекций

Общая концепция постоянной экспозиции Национального музея Республики Адыгея предполагает демонстрацию предметов, связанных с историей и культурой адыгского народа от древнейших времен до настоящего времени, не ограничиваясь в территориальном плане современными административными границами республики. На протяжении всей истории музея его сотрудники собирали экспонаты как в пределах республики, так и в сопредельных регионах Российской Федерации. Передача археологических комплексов, полученных в результате раскопок в Крымском и Абинском районах Краснодарского края, полностью соответствует этому принципу. Появление в фонде музея многочисленной коллекции, охватывающей значительный хронологический отрезок (от эпохи бронзы до Нового времени), позволит использовать переданные предметы как для временных тематических выставок, так и при обновлении залов постоянной экспозиции (рис. 3–9).

В ближайшей перспективе отдельные экспонаты и целые комплексы предметов из коллекций поселений Ястребовское-Бережное-1, Шептальское-Левобережное, Хабль-Мигрельское и др. будут показаны на выставке, приуроченной к столетнему юбилею музея. Концепция данного проекта предполагает демонстрацию наиболее ярких археологических находок, поступивших

Рис. 3. Выставка «Меоты – между Востоком и Западом». Реконструкция женского костюма I–III вв.: А – золотые нашивные украшения

Рис. 4. Серебряный канфар из погребения 1 могильника у хутора Городской (раскопки А.А. Сазонова в 1989 г.): А – тамгообразный знак на ручке канфара

Рис. 5. Выставка «Меоты – между Востоком и Западом». Шлем и фигурный сосуд из могильника у х. Апостолиди (раскопки А.А. Нехаева)

Рис. 6. Выставка «Меоты – между Востоком и Западом». Комплекс предметов из разрушенного кургана у аула Кунчукохабль (раскопки П.А. Дитлера в 1960 г.)

Рис. 7. Выставка «Меоты – между Востоком и Западом». Комплекс вооружения сарматского воина по материалам могильника у хутора Городской

Рис. 8. Выставка «Меоты – между Востоком и Западом». Стекланные предметы I–III вв. из фондов Национального музея Республики Адыгея

Рис. 9. Выставка «Меоты – между Востоком и Западом». Шарнирные фибулы с эмалью. Могильник у хутора Городской, погребения 2 и 3 (раскопки А.А. Сазонова в 1989 г.)

в Национальный музей за последние пять лет. Здесь материалы, переданные Краснодарской археологической экспедицией ЦСА ИИМК РАН, будут показаны вместе с находками из исследовательских проектов, реализованных как на территории республики, так в сопредельных районах Краснодарского края (раскопки памятников Дегуакской поляны в Майкопском районе, исследование археологического комплекса Приречный на территории Белореченского района Краснодарского края).

Часть предметов из раскопок поселения Ястребовское-Бережное-1 будет использована в постоянной экспозиции музея, в зале эпохи раннего железа и Средневековья. Находки этого памятника займут свое место в витринах, отведенных археологическим памятникам Закубанья римского времени, показывающих взаимоотношения античной цивилизации и народов Северного Причерноморья.

Кроме того, материалы переданных коллекций, могут дополнить комплексы выездных выставок Национального музея Республики Адыгея. В последние годы это два достаточно успешных выставочных проекта, которые экспонировались почти во всех региональных музеях Южного Федерального округа. Они посвящены двум полярным сферам человеческой культуры. Первый проект – «Адыги – рыцари, воины, всадники» – призван показать процесс формирования воинской субкультуры на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до начала XIX в. В фокусе этой выставки парадное оружие и элементы конской упряжи, а также статусные предметы из воинских погребальных комплексов. Концепция второй выставки – «Мир женщины в интерьерах исторической памяти» – предполагает экспонирование комплексов и предметов из фондов музея, связанных со сферой жизни, зачастую скрытой и не всегда полно отраженной в археологических источниках. В рамках этого выставочного проекта внимание акцентируется на темах быта, дома, материнства и детства, рассматривается эволюция женского костюма и украшений от эпохи бронзы до начала XX в.

Предметы из драгоценных металлов с поселения Ястребовское-Бережное-1 войдут в новое издание каталога «Художественное золото и серебро из фондов Национального музея Республики Адыгея». Это издание приурочено к юбилею музея и будет содержать информацию о наиболее ценных предметах музейного собрания как археологических, так и этнографических.

В целом переданная в Национальный музей Республики Адыгея коллекция обладает высоким научным и экспозиционным потенциалом. Поселенческие и погребальные комплексы, особенно материалы поселений Ястребовское-Бережное-1 и Шептальское-Левобережное расширяют географию музейного собрания для таких важных этапов истории Северо-Западного Кавказа как эпоха ранней бронзы, ранний железный век, римское время. Поступление в музей новых интересных экспонатов, особенно это касается погребальных комплексов I–III вв., «расширит» некоторые «узкие места» музейного собрания

и позволит сотрудникам Национального музея Республики Адыгея одновременно с функционированием основной экспозиции музея осуществлять временные выставочные проекты. Кроме того, передача коллекции открывает «окно возможностей» для дальнейшего сотрудничества между Национальным музеем Республики Адыгея и Центром спасательной археологии ИИМК РАН как в отношении дальнейшей судьбы переданных предметов (изучение и публикация, экспонирование, реставрационные мероприятия и т. д.) так и в отношении новых проектов.

Источники и литература

- Дитлер П. А., 1972. Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп. Т. 3.
- Раев Б. А., 2013. Комплекс из кургана у аула Кунчукохабль: взгляд через 50 лет // АСГЭ. Вып. 39.
- Сазонов А. А., 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Эрих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.

Список сокращений

- АВ – Археологические вести. СПб.
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АО – Археологические открытия. М.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВКИМЗ – Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь
ДБ – Древности Боспора. М.
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии и этнографии Тавриды. Симферополь
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Краснодар
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М. ; Л.
СМАА – Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. СПб.
ЦСА ИИМК РАН – Центр спасательной археологии Института истории материальной культуры РАН. СПб.
АА – The Athenian Agora. Princeton
BSH – Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris

Список авторов

- Е.И. Арсентьева – Государственный Эрмитаж
П.А. Бараненко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
В.В. Вахонеев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
В.В. Горончаровский – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
К.В. Доткин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Ф.К. Джигунова – Национальный музей Республики Адыгея
А.К. Каспаров – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Е.С. Кондрашова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
В.В. Кропотков – Севастопольский государственный университет
Д.Е. Мейер – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
С.В. Мыц – Государственный Эрмитаж
А.Х. Набокова – Национальный музей Республики Адыгея
А.Г. Недомолкин – Национальный музей Республики Адыгея
М.Ю. Николаева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Н.А. Павличенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
А.Ф. Покровская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
В.Ю. Радочин – Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
А.Д. Резепкин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
О.Ю. Сенаторова – Государственный Эрмитаж
Н.Ф. Соловьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
С.Л. Соловьев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Государственный Эрмитаж
А.Е. Терещенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
М.А. Топоривская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
П.А. Украинский – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
А.С. Цинько – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
В.Р. Эрлих – Государственный музей Востока

Подписано в печать 01.08.2025 г.
Формат 60×90/8. Усл. печ. л. 22,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 817.
Дата выхода: 29 августа 2025 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ10737.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

ISBN 978-5-6052467-8-7

9 785605 246787 >

